

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 7
ВЫПУСК 2

2024

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 7, выпуск 2**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2024

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024

Pushkin State Russian Language Institute

T Y P O L O G Y O F M O R P H O S Y N T A C T I C P A R A M E T E R S

VOLUME 7
ISSUE 2

2024

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 7, issue 2

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2024

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

кандидат филологических наук; научный сотрудник Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенков —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грэнн —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://www.academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D.; research fellow at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testeleets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testeleets/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг</i>	
Лингвистическая типология и ее приложения	13
<i>Т. Балек</i>	
Морфосинтаксические характеристики каритивных глаголов в русском и сербском языках.....	22
<i>А.М. Ивойлова</i>	
О влиянии генетического родства языков на качество межъязыкового переноса автоматической семантической разметки.....	43
<i>С.А. Мызников</i>	
Прибалтийско-финское влияние в сфере севернорусской грамматики: каузативные глаголы и субстратные модели	60
<i>В.А. Плунгян</i>	
К понятию «вторичной словоформы»	80
<i>Ю.В. Синицына</i>	
Компаративные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка	105
<i>М.И. Хазанова</i>	
Прагматика предикатов на <i>-но</i> , <i>-то</i> в украинских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	121
<i>М. Хаспельмат</i>	
Разные объяснения совместимы: структурные, эволюционные и биокогнитивные объяснения в грамматике	133

CONTENTS

<i>Ekaterina Lyutikova, Anton Zimmerling</i>	
Linguistic typology and its applications.....	13
<i>Tijana Balek</i>	
Caritive verbs in Russian and Serbian: Morphosyntax and pragmatics.....	22
<i>Alexandra Ivoylova</i>	
On the influence of genetic relatedness of languages on the quality of cross-lingual transfer of automatic semantic annotation.....	43
<i>Sergey Myznikov</i>	
Baltic-Finnic influence in the sphere of Northern Russian grammar: Causative verbs and substrate models.....	60
<i>Vladimir Plungian</i>	
On the notion of “secondary wordform”.....	80
<i>Julia Sinitsyna</i>	
Comparative constructions in Tatyshly Udmurt.....	105
<i>Margarita Khazanova</i>	
The pragmatics of <i>-no</i> , <i>-to</i> predicates in the Ukrainian translations of M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”.....	121
<i>Martin Haspelmath</i>	
Different explanations in grammar are mutually compatible: Structural, evolutionary and biocognitive.....	133

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.53.62.001

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Е.А. Лютикова¹, А.В. Циммерлинг²

¹*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова /*

²*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /*

²*Институт языкознания РАН*

Аннотация: В статье обсуждается место типологии среди лингвистических дисциплин и указываются области исследования, где может быть применен аппарат современной параметрической типологии. Разрабатывается представление о типологически ориентированном и типологически информированном направлении исследований в области лингвистики конкретных языков и языковых групп, контрастивной лингвистики, ареальной лингвистики, диахронической лингвистики, компьютерной лингвистики, переводоведения.

Ключевые слова: лингвистическая типология, теория языка, ареальная лингвистика, языковое разнообразие, параметрическая грамматика, описание, объяснение, сравнительные категории

Для цитирования: Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. Лингвистическая типология и ее приложения // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 13–21. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.53.62.001

LINGUISTIC TYPOLOGY AND ITS APPLICATIONS

Ekaterina Lyutikova¹, Anton Zimmerling²

¹*Lomonosov Moscow State University /* ²*Pushkin State Russian Language Institute /*

²*Institute of Linguistics RAS*

Abstract: We discuss the intersections of linguistic typology with other branches of linguistics and outline several research fields where the implementation of the parametric approach in typology is appropriate. The paper develops the idea of a typologically-oriented and typologically-informed research direction in the field of linguistics of specific languages and language groups, contrastive linguistics, areal linguistics, diachronic linguistics, computational linguistics, and translation studies.

Keywords: linguistic typology, grammatical theory, areal linguistics, language diversity, parametric grammar, description, explanation, comparative concepts

For citation: Lyutikova E., Zimmerling A. Linguistic typology and its applications. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 13–21. doi:10.37632/PI.2024.53.62.001

1. Typology and language diversity

Linguistic typology is an empirical science. It aims at describing the diversity of the world's languages and checking the hypotheses on universal factors that manifest themselves regardless of the genetic relationship of languages and their geographical location [Croft 2018]. Modern linguistic typology develops the program proposed by Joseph Greenberg in the early 1960s. Basing on preliminary observations on the distribution of selected features in the world's languages, Greenberg provided a list of implicative universals like 'if language L has feature p , then it has the feature q ' and proposed a procedure of checking them on balanced language samples representing selected languages from different families and areas [Greenberg 1963]. Although Greenberg's samples were small compared to those used in the World Atlas of Language Structures [Dryer, Haspelmath 2013], his approach proved operational and effective.

The followers of Greenberg do not have exclusive rights on the term 'typology'. 'Typology' means 'calculus of types', and linguists occasionally produce collocations like 'typology of the Russian sentence' [Lomov 1994], 'semantic predicate types' [Seliverstova 1982], 'speech act typology', etc. Under standard assumptions, semantics is the *tertium comparationis* of language comparison. To study the variation in formal structure, one must assume that the meaning structure, at least its core, the logical categories, does not vary across the world's languages. The same arguably applies to predicate-argument relations and inventories of semantic roles including Agent, Patient, Experiencer, Stimulus, etc. General predicate taxonomies operating with such ontological concepts

as ‘eventuality’, ‘event’, ‘state’, ‘action’, ‘process’, ‘property’, etc. revoke universal notions but pattern with natural language ontology [Moltmann 2022] rather than with the typology of language features in Greenberg’s sense. The distinctions between different predicate types, e.g. between states and properties, can be more or less prominent due to the presence or absence of grammaticalized markers. Therefore, the semantics-to-grammar interface is a research field that does not exclude typological analysis.

It makes sense to keep linguistic typology apart from contrastive linguistics. The authors of this paper assume that typology deals with *all* world’s languages or with *open classes* of the world’s languages corresponding to some parameter settings constraining their formal structure, cf. ‘SVO languages’, ‘SOV languages’, ‘VSO languages’, ‘verb-second languages’ (V2), ‘clitic-second languages’ (CL2), ‘SVO languages with the V2 constraint’, ‘VSO languages with the CL2 constraint’, ‘languages that either have V2 or CL2’ (2P), etc. Meanwhile, contrastive studies of 2, 3... *n* languages are not typological if their authors limit themselves to observations on the data and avoid making any generalizations and predictions. This statement does not imply that contrastive studies and descriptive grammars do not contribute to typology. The progress of typology is impossible without improving the quality and quantity of the input data. Here, two methodological concerns arise. For the first, the descriptions of the world’s languages must be comparable. Even the basic terms, e.g., ‘morph’, ‘affix’, ‘root’, ‘clitic’, ‘wordform’, etc. often refer to different things in different descriptions, while similar phenomena are frequently interpreted differently depending on the chosen theory. E.g., Russian and Belorussian are closely related East Slavic idioms with apparently similar word order conditions. WALs nevertheless classifies Russian as a SVO language, while Belorussian is classified as a language without a dominant word order [Dryer 2013]. This is done based on the estimates provided by [Bivon 1971: 42] for Russian and [Mayo 1993: 294] for Belorussian. The discrepancy can well be motivated by the actual contrast in the profiles of these languages, but it is just as likely that it arises due to different classification principles: Bivon’s book (1971) follows the original scheme by Greenberg, who assumed that all languages have a basic word order and considered six theoretically possible orders (SVO, SOV, VSO, OVS, OSV, VOS), while Mayo’s chapter (1993) is published 20 years later, when it has become customary to recognize free word order languages as a separate type. The puzzle is that despite the author of the quoted WALs chapter, Matthew Dryer, acknowledges the existence of free word order languages,

he has to stick to [Bivon 1971], unless he opts for some other description of Russian, e.g. [Kovtunova 1976]. For the second, it is desirable to make the apparatus of typology transparent and reduce the number of the so-called comparative concepts, i.e. categories adapted to cross-linguistic comparison [Haspelmath 2010]. It is however not a fast track since the typologists must first convince their colleagues doing research in Slavic, Germanic, Finno-Ugric, Austronesian etc. studies that they should abandon their linguistic traditions and implement the descriptive standard approved by a school in typology.

2. Linguistic typology and its extensions

The papers published in this journal issue demonstrate several extensions of linguistic typology and its interaction with other research fields.

2.1. Typology and descriptive grammars

This line of research is pursued by Sinitsyna [Sinitsyna 2024], who provides new primary data from an understudied Permic idiom — Tatyshly Udmurt. At the same time, her paper contributes to the typology of comparative constructions [Stassen 1985; Bhatt, Takahashi 2011]. Sinitsyna shows that in Tatyshly Udmurt, nominal standards of comparison can be associated with the oblique objects and retain the internal case form. This corresponds to the derived-case comparatives, according to Stassen's classification.

2.2. Typology and areal linguistics

This line of research is represented by Myznikov [Myznikov 2024], who follows the influence of Baltic-Finnic languages on Northern Russian dialects. These dialects display numerous lexical borrowings from Baltic-Finnic. Meanwhile, the borrowing of grammatical features has been overlooked since it is harder to detect. Myznikov proves that Northern Russian dialects borrowed a fragment of the Baltic-Finnic causative morphology and assimilated the borrowed suffixes, which gave rise to new causative verbs derived from Russian roots. Some dialectal causatives were formed already on Russian soil, although they also have external semantic correspondences in the Baltic-Finnic languages. The most frequent use of verbs with a causative formant is attested in Karelia and adjacent areas, which is explained by adstratal contacts with the Vepsian-Karelian dialects. Myznikov's study contributes both to areal linguistics

tics and typology since it proves that grammatical borrowings are occasionally obscured by overt similarities in derivational morphology between the donor and target languages.

2.3. Typology and contrastive linguistics

This path is taken by Balek [Balek 2024], who discusses caritive constructions in two genetically related Slavic languages — Russian and Serbian. The comparative concept of caritive describes non-involvement of a participant (called *absentee*) in a situation, with the non-involvement predication semantically modifying the situation or a participant of a different situation [Oskol'skaya et al. 2020]. Typological surveys of caritive (or 'abessive') constructions mostly focus on adverbial, cf. *come without money* [Stolz et al. 2007], or adjectival uses, cf. *be beardless*, but Balek argues that the definition of caritive is compatible with the meaning of Slavic verbal prefixes *bez-/bes-* and, to some extent, also *obez-/obes-*, and *nedo-*. However, as she admits, the caritive meaning is only weakly grammaticalized in Russian and Serbian verbal morphology.

2.4. Typology and translation studies

This perspective is hinted by Khazanova [Khazanova 2024], who analyzes the use of impersonal predicates ending with *-no*, *-to* in two Ukrainian translations of a Russian novel. Ukrainian is one of the few European languages that license transitive impersonal constructions with participles, other languages being Polish, Lithuanian [Lavine 2010] and Icelandic [Zimmerling 2013], while Standard Russian lacks them. Khazanova shows that Ukrainian *-no*, *-to* forms convey a resultative meaning; they are infrequent and tend to be used in literary language. The differences in the grammatical systems of two closely related idioms along with the stylistic markedness of the impersonal resultative in the target language give the translators an extra chance to emphasize the status distance between the speaker and the actor.

2.5. Typology and computational linguistics

This novel perspective is revealed by Ivoylova [Ivoylova 2024], who discusses the technologies of zero-shot cross-lingual transfer of linguistic annotation in the CoBaLD standard from Russian to genetically related and unrelated languages — Bulgarian, Serbian, Hungarian and Turkish. *Cross-lingual transfer* (CLT) technique is a means used to develop NLP models for low-resourced lan-

guages. When labeled data is completely unavailable, it is referred to as *zero-shot transfer learning*, which involves applying a model trained on other data or tasks to new data or tasks. The CLT method yields stable results only if the compared languages have a similar amount of pre-training data for the language model used as a backbone. Ivoylova's results indicate that the quality of the zero shot cross-linguistic transfer from Russian to genetically related South Slavic languages (Bulgarian and Serbian) were quite high and nearly comparable to the quality of automatic annotations for Russian. However the quality of the semantic annotation declines in all four recipient languages due to the presence of functional words, for which no semantic class can be assigned because they are absent from the parser's training data. In other words, the similarity of the morphosyntax of the donor and recipient languages is a crucial factor for zero-shot cross-lingual transfers.

2.6. Typology and metalinguistic issues

Two journal contributions discuss theoretical and methodological issues. The notion of *wordform* belongs to the Russian grammatical tradition and is accepted in several other morphological theories. However, there is no consensus about the conditions under which adjacent morphs make up a higher-level morphological unit. This phenomenon has been noticed by several scholars who used a number of conventional labels referring to similar but not identical language objects — 'univerbates', 'agglomerates', 'amalgams', 'fossils', while Igor Mel'čuk introduced the general term 'secondary wordform' presumably covering all these phenomena [Mel'čuk 1993]. This notion is not a standard part of the typological inventory, but [Plungian 2024] attempts at adding it to the list of comparative concepts and outlines a preliminary typology of secondary wordforms. According to Plungian, such wordforms are the output of local morphologization rules assembling several adjacent units in a text; these units completely lose their syntactic autonomy and may undergo fusion.

The general message of [Haspelmath 2024] is addressed to all members of the linguistic community including typologists. Haspelmath makes two important points: 1) he argues that different kinds of synchronic explanation, e.g. structural, functionalist and generative, are mutually compatible and can with due provisos combine in the descriptions of the same language data; 2) there are no reasons for the ideological divisions in the field of linguistics, and the descriptions of data should be kept free from commitments of linguists to subscribe to any framework and obligations to defend it.

3. Conclusions and perspectives

Linguistic typology throughout its existence and development has had a dual status: empirical and theoretical. On the one hand, typology was seen as a method for obtaining empirical data on parameters and limits of cross-linguistic variation, exploring what is possible and impossible in a natural language. On the other hand, typology claimed its own research program within theoretical linguistics, focusing on phenomena that can only be revealed through cross-linguistic comparison: how the system of linguistic parameters is structured, which characteristics of language systems demonstrate correlations within a language type, and which are independent from each other, what patterns govern language change, and how language types are classified in terms of frequency and stability. Typology as an independent theoretical linguistic discipline was often viewed as competing with theoretical linguistics, particularly formal linguistics, whereby typology as general linguistics or the linguistics of the human language in general was contrasted with formal linguistics as the linguistics of a single language.

It seems that this perception was conditioned by the initial, institutional stage in the development of both modern typology and formal linguistics and is gradually becoming outdated. Alongside in-depth studies of specific languages and contrastive research, typological data are increasingly being utilized in linguistic theorizing. At the same time, typology is more frequently based not on superficial characteristics of languages but rather on a deeply developed analysis of language types in relation to one or a set of linguistic parameters. The typological approach, involving the identification of parameters and their possible values, as well as relationships between parameter values (equivalence, implication, positive correlation, negative correlation), proves useful across various fields of linguistics: in the study of individual languages and language groups, dialectology, areal linguistics, diachronic linguistics, computational and pedagogical linguistics, translation studies, and text linguistics. The authors hope that the articles collected in this issue will serve as good illustrations of typologically oriented and informed research and convince the readers of the prospects of this direction.

References

- Balek 2024 — Balek T. Morfosintaksicheskie kharakteristiki karitivnykh glagolov v russkom i serbskom yazykakh [Caritive verbs in Russian and Serbian: Morphosyntax and pragmatics]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 22–42. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

- Bhatt, Takahashi 2011 — Bhatt R., Takahashi S. Reduced and unreduced phrasal comparatives. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. Vol. 29. No. 3. Pp. 581–620.
- Bivon 1971 — Bivon R. *Element order*. (Studies in the Modern Russian Language, 7.) Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Croft 2003 — Croft W. *Typology and universals*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb. In: Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v2020.4) [Data set]. Zenodo, 2013. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (Available online at <http://wals.info/chapter/81>, Accessed on 2024-12-28.)
- Dryer, Haspelmath 2013 — Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). *WALS Online* (v2020.4) [Data set]. Zenodo, 2013. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13950591> (Available online at <https://wals.info>, Accessed on 2024-12-28.)
- Greenberg 1963 — Greenberg J. Some universals of grammar, with particular reference to the order of meaningful elements. In: Greenberg J. (ed.). *Universals of grammar*. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1963. Pp. 73–113.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 86. No.3. Pp. 663–687.
- Haspelmath 2024 — Haspelmath M. Different explanations in grammar are mutually compatible: Structural, evolutionary and biocognitive. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 133–151. doi:10.37632/PI.2024.48.13.008
- Ivoylova 2024 — Ivoylova A. On the influence of genetic relatedness of languages on the quality of cross-lingual transfer of automatic semantic annotation. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 43–59. doi:10.37632/PI.2024.69.51.003
- Khazanova 2024 — Khazanova M. Pragmatika predikatov na *-no*, *-to* v ukrainskikh perevodakh romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [The pragmatics of *-no*, *-to* predicates in the Ukrainian translations of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 121–132. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.70.40.007
- Kovtunova 1976 — Kovtunova I. *Sovremennyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian language. Word order and communicative structure]. Moscow, 1976.
- Lavine 2010 — Lavine J. Case and events in transitive impersonals. *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. 18(1). Pp. 101–130.
- Lomov 1994 — Lomov A. M. *Tipologiya russkogo predlozheniya* [Typology of the Russian sentence]. Voronezh. Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1994.
- Mayo 1993 — Mayo P. Belorussian. In: Comrie B., Corbett G. (eds.). *The Slavonic languages*. London: Routledge, 1993. Pp. 887–946.
- Mel'čuk 1993 — Mel'čuk I. *Cours de morphologie générale. Introduction et 1-ère partie: le mot*. Montréal: Presses de l'U. de Montréal, 1993.
- Moltmann 2022 — Moltmann F. Natural language ontology. Stanford Encyclopedia of Philosophy. (Available online at <https://plato.stanford.edu/entries/natural-language-ontology/>, Accessed on 2024-12-28.)
- Myznikov 2024 — Myznikov S. Pribaltiisko-finskoe vliyanie v svere severnorusskoi grammatiki: kauzativnye glagoly i substratnye modeli [Baltic-Finnic influence in the sphere of Northern Russian grammar: Causative verbs and substrate models]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 60–79. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.71.84.004
- Oskol'skaya et al. 2020 — Oskol'skaya S., Zaika N., Klimenko S., Fedotov M. Opredelenie karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya [Defining caritive as a comparative concept]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. 3. Pp. 7–25.

- Plungian 2024 — Plungian V. K ponyatiyu «vtorichnoi slovoformy» [On the notion of “secondary wordform”]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 80–104. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.65.84.005
- Seliverstova 1982 — Seliverstova O. (ed.). *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types]. Moscow: Nauka, 1982.
- Sinitsyna 2024 — Sinitsyna Yu. Komparativnye konstruksii v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [Comparative constructions in Tatyshly Udmurt]. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 105–120. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.78.83.006
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Stolz et al. 2007 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. WITH(OUT): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. *Word*. 2007. Vol. 58. Issue 2. Pp. 63–122.
- Zimmerling 2013 — Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic: Zero subjects and thematic relations. *Computational linguistics and intellectual technologies*. Iss. 12 (19). Proceedings of the “Dialogue, 2013” conference. Pp. 723–737.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 18.12.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Екатерина Анатольевна Лютикова

д.ф.н., проф.; МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina Lyutikova

Prof. Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University

lyutikova2008@gmail.com

Антон Владимирович Циммерлинг✉

д.ф.н.; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Институт языкознания РАН

Anton Zimmerling✉

Dr. Phil. Hab.; Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics RAS

fagraey64@hotmail.com✉

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРИТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ*

Тяна Балек

Университет города Нови-Сад

Аннотация: В статье предпринята попытка описать каритивное значение, носителями которого являются приставочные и бесприставочные глаголы в русском и сербском языках. На морфологическом уровне каритивными показателями являются приставки *без-/бес-* и *обез-/обес-*, а также *недо-*, которая, помимо недостачи, выражает и дополнительные значения. Уточняются морфосинтаксические свойства и прагматический потенциал рассматриваемых глаголов, благодаря чему можно идентифицировать и бесприставочные глаголы с рассматриваемым значением.

Ключевые слова: глаголы, каритивное значение, префиксы, морфосинтаксис, русский и сербский языки

Для цитирования: Балек Т. Морфосинтаксические характеристики каритивных глаголов в русском и сербском языках // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 22–42. doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

CARITIVE VERBS IN RUSSIAN AND SERBIAN: MORPHOSYNTAX AND PRAGMATICS**

* Некоторые замечания по исследуемой теме были изложены в качестве доклада на Первом Евразийском конгрессе лингвистов (Москва, 9–13.12.2024). Автор признателен анонимным рецензентам за их ценные замечания.

** Some observations regarding the analyzed topic were presented at the First Eurasian Congress of Linguists (Moscow, December 9–13, 2024). The author is grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments.

Tijana Balek
University of Novi Sad

Abstract: The article makes an attempt to describe the caritive meaning, the carriers of which are prefixed and non-prefixed verbs in Russian and Serbian. At the morphological level, caritive indicators are the prefixes *bez-/bes-* and *obez-/obes-*, as well as *nedo-*, which, in addition to lack, also expresses additional meanings. The morphosyntactic properties and pragmatic potential of the verbs under consideration are clarified, thanks to which it is possible to identify non-prefixed verbs with the meaning under consideration.

Keywords: verbs, caritive meaning, prefixes, morphosyntax, Russian, Serbian

For citation: Balek T. Caritive verbs in Russian and Serbian: Morphosyntax and pragmatics. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 22–42. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.91.63.002

1. Вводные замечания

В настоящей статье рассматриваются лексемы с каритивным значением, а именно славянские глаголы с каритивными префиксами, которым не уделялось достаточно внимания в типологических исследованиях, посвященных каритивам¹. Понятие «каритив» в литературе трактуется двояко: с одной стороны, на каритив смотрят как на отрицание посессивного отношения между X-ом и Y-ом, т.е. «отрицание обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом» [Иванов 1995: 5, 14]. В презентации [Matushansky 2020] каритивное отношение считается негативным и паразитическим по отношению к обладанию; соотношение сфер действия экзистенциального оператора и отрицания, по мнению автора презентации, неясно. С другой стороны, каритивное значение можно считать самостоятельным, так как оно ссылается на отсутствующего или невовлеченного в ситуацию участника — абсенса [Oskolskaya 2020, 2023; Panova 2021].

¹ Чаще других частей речи в типологических исследованиях, посвященных каритивам, обсуждались прилагательные (признаковые слова) и существительные — в том случае, когда каритивная морфема грамматикализуется как падежный аффикс, что характерно, например, для уральских языков.

В статье рассматриваются глаголы с каритивными показателями, выраженными морфологически, а также прагматический уровень представления каритивного значения на материале двух славянских языков — русского и сербского. Хотя на морфемном уровне каритивное значение передается префиксами славянского происхождения *без-/бес-*, с чем согласны представители обоих подходов, дистрибуция этих префиксов в анализируемых языках различна (см. ниже), что, наряду с учетом употреблений других рассматриваемых в статье префиксов может быть существенно для изучения данной проблематики².

2. О каритивном значении

Согласно С.А. Оскольской, Н.М. Заике, С.Б. Клименко и М.Л. Федотову, «каритивное выражение (показатель) — это средство выражения каритивного элемента при единице, выражающей абсенс, но не включающее ее» [Оскольская и др. 2020: 22]. В статье [Stolz et al. 2007: 66; см. также Stassen 2000] каритив определяется как «грам, используемый для кодирования отношения между двумя (или тремя) партиципантами в ситуации отсутствия (= отрицаемое сопровождение). Один участник — отсутствующий — не может присутствовать при другом участнике — спутнике или пользователе — в данной ситуации» [Оскольская и др. 2020: 11]. Славянские языки однородно отображают более высокую сложность абессива (даже если он может быть ограничен одним параметром) [Stolz et al. 2007: 95].

По мнению Вяч.Вс. Иванова, который выделил совокупность языковых средств с общей семантикой ‘отсутствие принадлежности, необладание’ в качестве самостоятельной категории [Боханова 2014а], грамматическая

² Семантическая модель каритивности (от лат. *caritas* ‘недостаток, скудность’), по мнению С.М. Толстой, представлена рядом слов, т.е. гнезд с общим признаком семантики недостачи, отсутствия, нехватки чего-либо [Толстая 2008: 50–51]. Данное значение С.М. Толстая описывает и рассматривает на примере прилагательных *сухой, пустой и пресный* [Толстая 2008: 50–172], что А.И. Коваль называет каритивностью более узкого плана, т.е. лексико-семантической категорией [Коваль 2009].

Существует еще одно, не совсем актуальное определение каритива, характерное для уральских языков: «периферийный падеж, выражающий отсутствие в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания» [Жеребило 2010: 141].

категория лишительности³, соотносимая с посессивностью и ей противоположная, может быть одной из черт типологического строя евразийского языкового союза [Иванов 1993: 81]. Вяч.Вс. Иванов указывает, что славянские языки отличаются наличием нескольких архаических форм, эволюционировавших от предлогов в привативные (каритивные) префиксы, поэтому, учитывая все стадии развития славянских языков, в сегодняшней перспективе, помимо префикса *без-* (и его алломорфов), в качестве морфемных каритивных показателей можно рассматривать также префиксы *у-*, *вы-* (в сербском *из-*), *от-*, *о-* [Боханова 2014b; Иванов 1993, 1995].

Примечательно, что в исследованиях, посвященных каритивной проблематике, редко рассматривались глаголы, за исключением диссертации А.С. Бохановой⁴ [2014b]. Возможная причина состоит в невысокой частотности собственно каритивных употреблений данных морфем в качестве глагольных префиксов, т.е. что они более продуктивны в словообразовании прилагательных и существительных, чем глаголов. Другой причиной является большая семантическая сложность славянских приставочных глаголов, значение которых не всегда выводится по композициональным правилам из значений префикса и значения бесприставочной основы. Так, рус. *бесчинствовать* стандартно интерпретируется как ‘творить бесчинства’, ‘нарушать закон’, а не как ‘лишать общество законности’.

Следует отметить, что не все глаголы прибавлением одной из перечисленных выше приставок способны выразить каритивное (лишительное) значение. Его реализация зависит от нескольких факторов: наряду с семантикой глагольной основы надо учесть и контекст. На уровне прагматики, каритивная интерпретация связана с реконструкцией нормы, при которой наличие у X-а Y-а признается нормой, а отсутствие Y-а отклонением от нее. Такая интерпретация может поддерживаться или затрудняться

³ Рассматривая каритивность как функционально-семантическое поле, А.С. Боханова указывает на характеристики, отличающие каритивность, лишительность и необладание. Категориальным признаком лишительности является каузирование, каритивности — частное отрицание, а необладания — отрицание наличия [Боханова 2014a]. Процессуальный признак лишительности — событие, в то время как каритивность и необладание имеют одинаковый процессуальный признак — факт [Боханова 2014a].

⁴ А.С. Боханова рассматривала глаголы *лишать*, *отнять*, *отобрать*, *изъять*, *забрать/забирать*, *выхватывать/выхватить*, *вырывать/вырвать*, *терять/потерять* в экономическом дискурсе, а также конструкции с имплицитно выраженной каритивной семантикой, включая устойчивые выражения, см. [Боханова 2014b]. О грамматикализации партиципантов и лексической каритивности, выраженной глаголами в русском языке, см. [Балек 2021a]. На материале сербского языка категория каритивности не являлась предметом исследования, за вычетом работы [Балек 2021b], где описываются структурные предложно-падежные конструкции с предлогом *без* в зависимой клаузе.

словообразовательной структурой глагола⁵. Так, в примере (1) каритивное значение реализуется с помощью типичного каритивного маркера *бес-*, однако, с оговорками, в (2) также можно говорить о каритивном контексте, несмотря на то, что рассматриваемое значение не выражено типичным каритивным показателем. В примере (3) реализация каритивной семантики сомнительна (возможна как минимум двоякая интерпретация), а в (4), несмотря на ту же предложно-падежную конструкцию, каритивная интерпретация невозможна. При этом в (2) речь идет об идиоме, а в (3) и (4) — о свободных сочетаниях (о разнице в коммуникативном статусе между свободными сочетаниями и идиомами, см. [Янко 2022]). Ср.:

- (1) а. рус. *По ним как будто ничего не видно, и это создает иллюзию, что их ничто не беспокоит* [НКРЯ];
 б. срб. *По њима као да се ништа не види, и то ствара илузију да их ништа не **обеспокојава*** → ‘ничто не лишает их покоя’.
- (2) рус. ***вывести** из терпения*, срб. ***избацити** из такта* → ‘лишить кого-то терпения, покоя’.
- (3) рус. ***вынести** мусор из комнаты/дома*, срб. ***изнети** смеће из собе/куће* → не только ‘лишить комнату мусора’ (квазикаритивная интерпретация), но и ‘очистить комнату от мусора и тем самым улучшить ее свойства’⁶ (каритивная интерпретация невозможна).
- (4) рус. ***вывести** ребенка (из дома) погулять*, срб. ***извести** дете (из куће) да прошета* → *‘лишить дом присутствия ребенка’; *‘лишить ребенка дома’.

В основу семантического критерия каритивности Вяч.Вс. Иванова вошла теория Аристотеля [Иванов 1995: 14], однако А.С. Боханова на основании доступных данных выделяет 4 каритивных семы: (1) отсутствие у предмета свойства, которое является естественным достоянием вещи; (2) отнятие (лишение) чего-либо; (3) малая степень качества либо плохое качество предмета; актуализация на шкале привативной оппозиции оценочной ам-

⁵ Мы признаем, что основным значением русской приставки *вы-* является выход за пределы закрытого пространства. О непространственных употреблениях приставки *вы-* см. [Кронгауз 1998: 21–22].

⁶ Анонимный рецензент предлагает учесть контекст, при котором вынос любых предметов, включая мусор, оценивается положительно, а нормальным состоянием X-а признается их отсутствие. В этом случае каритивная интерпретация невозможна.

бивалентности ‘хорошее — плохое’ второго элемента и (4) полное отсутствие какого-либо качества предмета⁷ [Боханова 2013: 171].

Итак, наше исследование имеет две части: в первой (раздел 3) представлены каритивные морфологические показатели и грамматические характеристики глаголов, содержащих каритивные приставки. Помимо приставки *без-/бес-*, чья каритивная семантика бесспорна⁸, обсуждаются глаголы со сложными приставками *обез-/обес-* и *недо-*. Мы специально обсуждаем аспектуальную семантику, так как приставки меняют не только лексическое значение глаголов, но и их грамматические характеристики, в первую очередь вид⁹. Поэтому мы сочли важным осветить вопросы, связанные с видовыми парами и аспектуальной семантикой глаголов, содержащих каритивные приставки. Во второй части (раздел 4) внимание уделяется глаголам, которые способны передать каритивное значение, но в большинстве приведенных случаях не самостоятельно, а с учетом либо семантики их дополнений, либо предложно-падежных конструкций, или же выражения в целом.

3. Морфологический уровень

В этом разделе рассмотрим каритивное значение, которое эксплицируется тремя славянскими приставками: *без-/бес-*, *обез-/обес-* и *недо-*, причем основа глагола семантически определяет то, чего не хватает либо полностью, либо частично. Первая из них является прототипическим каритивным показателем на аффиксальном уровне, о чем в литературе неоднократно писали. Сложная приставка *обез-/обес-* сохраняет каритивную семантику одного из своих компонентов и толкуется лексикографами как ‘служит для образования глаголов со значением: лишить чего-л., освободить от чего-л. или лишиться чего-л., освободиться от чего-л.’ [МАС]. Вследствие этого мы включаем ее в анализ.

Сложная приставка *недо-* в качестве каритивного показателя в литературе не упоминалась. Однако, имея в виду вышеупомянутую каритивную сему, касающуюся малой степени качества, мы считаем возможность включить ее в список каритивных морфем, ср. толкование ‘сложная приставка, указывающая на неполноту, недостаточность действия или качества’ [МАС].

⁷ Все перечисленные семы можно выразить с помощью приставок, о чем будет идти речь в следующем разделе.

⁸ Как типологически, так и функционально-семантически направленные исследования классифицируют данную приставку как носитель каритивного значения (см. выше).

⁹ При условии, что речь идет об отглагольном производном.

В морфемном фонде сербского языка наличествуют те же приставки и их алломорфы, выражающие каритивное значение: *без-/бес-*, *обез-/обес-* и *недо-*.

3.1. Каритивные показатели *без-/бес-* и *обез-/обес-*

В этом разделе рассмотрим две каритивных приставки, которые, несмотря на общеславянское происхождение, в глагольном словообразовании непродуктивны (особенно *без-/бес-*). Общей характеристикой дериватов является их деноминальное или деадъективное происхождение, а также каритивная сема абсолютного отсутствия признака, заложенного в семантику основного глагола: из четырех каритивных сем, выделенных А.С. Бохановой (см. выше), с помощью данных приставок реализуются 1-я и 4-я.

По данным словарей [МАС и РМС, т. 1, т. 3], в русском языке обнаружено 14 глаголов с каритивным значением, содержащих показатель *без-/бес-*, а в сербском всего 3. В обоих языках речь идет об отыменных глаголах, где именная часть эксплицирует элемент, абсолютное отсутствие которого маркирует каритивный показатель *без-*. Другими словами, морфемная маркированность каритивности не требует лексикализации абсенса (недостающего элемента), так как он может вычленяться из самой основы глагола. Ср.: рус. *бездействовать*, *бездельничать*, *беззаконничать*, *безмолвствовать*, *бессиловать*, *бесстыдничать*, *бесчинствовать*¹⁰, *бессиловать* и др.; сrb. *безумити*, *беспосличарити* (*беспосличити*) и *бестрагати*¹¹.

¹⁰ Решение включить данный глагол в число каритивов требует дополнительного комментария. По внешним показателям (присутствующей приставке) данное слово кажется каритивом. Однако применимая классификация может вызвать сомнение. Словари определяют значение глагола *бесчинствовать* так: ‘совершать бесчинства, вести себя безобразно’ [МАС]. Мотивирующего глагола **чинствовать* в словарном материале нет, в [НКРЯ] он тоже не обнаружен. *Бесчинствовать* является отыменным производным, а мотивирующее слово в данном случае — *бесчинство* ‘нарушение порядка, общепринятых норм; бесчинный поступок’ [МАС].

¹¹ Семантическими эквивалентами являются лишь *беспосличарити* / *бездействовать*, *бездельничать* и *безумити* / *безумствовать*. Значение остальных русских глаголов на сербский язык чаще всего переносится аналитическими предикатами, содержащими (1) глаголы со значением действия или поведения (*вршити*, *спроводити* ‘совершать’, *понашати се* ‘вести себя’), а в некоторых контекстах экзистенциальный глагол *быть* в значении ‘вести себя’, и (2) отглагольные существительные либо наречия, которые конкретизируют значение выражения, например: *беззаконничать* ‘вршити, спроводити безакоње’, *бесстыдничать* ‘срамно се понашати’. Однако иногда каритивное значение передается с помощью отрицательной частицы *не*, ср. *безмолвствовать* ‘не проговарити; ћутати’.

Семантическую модель эксцерпированных единиц можно представить следующим образом: 'X ведет себя способом *n*' или 'X совершает поступки *n*', где *X*-ом обозначен человек, либо группа людей, а *n* характеризует поступок, который лишен определенного (нормативно ожидаемого и/или желаемого) свойства, вследствие чего он оценивается отрицательно, а лишение грамматически кодировано и морфологически прозрачно¹².

Поскольку речь идет о неопредельных глаголах, квалифицирующих человеческое поведение, поступки или умения, большинство из них принадлежит к классу моноаспективов¹³ НСВ [Балек 2023: 96]. Несмотря на их деривационный потенциал, глаголы обладания (например, рус. *иметься* или *обладать*, срб. *имати (се)* или *поседовати*), профессиональной либо общей деятельности (рус. *учительствовать*, *править*, *вдовствовать* и др.; срб. *учительевати*, *владати (управљати)*, *живети као удовица*), глаголы, обозначающие социальное положение и т.п., являются несоотносительными по виду [Петрухина 2009: 46]. В рамках рассматриваемых глаголов с каритивными показателями находятся и те, которые можно соотнести с семантическими классами несоотносительных по виду глаголов, выделенных в «Русской грамматике», например, глаголы физического или психологического состояния (*бессиловать*, *беспокоить*, *безумствовать*) и т.д. [Шведова 1980: 592–595].

С другой стороны, ситуация в примере (7) не соответствует описанной выше модели. Представленный в архаических и литературных текстах каузативный глагол *бессиловать* указывает на изменение состояния экспериенцера, которое нацелено на завершение (по данным [МАС], есть видовая пара *обессиловать*, а также вторичный имперфектив *обессиловать*).

¹² Существуют и другие глаголы поведения, которые при функционально-семантическом подходе могли бы рассматриваться в качестве каритивов, учитывая тот факт, что ими выражается какой-то недостаток, например, *хулиганить*, *буянить*, *паясничать* и др. Однако неморфологизированный способ каритивности у глаголов поведения на этот раз не рассматриваем.

¹³ Термин «моноаспективы» используем как синоним термину «одновидовые глаголы», вслед за Е.В. Горбовой [2019]. Соответственно, глаголы *perfectiva tantum* называем моноаспективами СВ, а *imperfectiva tantum* — моноаспективами НСВ. Причиной такого решения является и терминологическая неоднозначность в сербистике, потому что термин 'једновидски глаголи' может относиться и ко всем глаголам, которые не являются двувидовыми, т.е. обладают грамматическим значением либо несовершенного, либо совершенного вида, а не только к несоотносительным по виду глаголам.

- (5) рус. *Кое-кого в толпе он узнавал — из тех, кто дома у него безмолвствовал в комнате с ходовыми книгами...* [НКРЯ]
- (6) рус. *Лет через пять женился на какой-то прохиндейке, стал пить, безумствовать, мотаться где ни попадя...* [НКРЯ]
- (7) рус. *Преодолевая слабость, Нюра напрягла разум и поняла, что ее знобит и зуб не попадает на зуб от дрожи, которая долит и бессилит плоть.* [В. Личутин, 1974; НКРЯ]

В сербском электронном корпусе и в интернете обнаруживаются лишь единичные примеры, которые подходят к указанной выше модели:

- (8) срб. [...] *није важно ко је уредно плаћао порез држави, а ко је беспослично у картонској кућици...* [SRWAC]
'не важно кто регулярно платил налоги государству, а кто бездельничал в картонном домике.'
- (9) срб. *Дошли сте са улице као Милошевићеве шпијуни и полтрони, и све преварили и уништили, опљачкали и бестрагали...* [SRWAC]
'Вы пришли с улицы как шпионы и трусы Милошевича, всех обманули и уничтожили, ограбили и разорили без следа...'

Продуктивность префикса *обез-/обес-* в каритивном употреблении гораздо выше, чем у рассмотренного прототипического показателя *без-/бес-*. В русском языке обнаружено 120 глаголов с данным каритивным маркером, а в сербском — 74¹⁴. Как уже сказано, префикс *обез-/обес-* тоже способствует реализации абсолютной каритивности, но глаголы проявляют иные морфологические свойства. В первую очередь речь идет об их видовой принадлежности: в отличие от глаголов на *без-*, в списке глаголов с каритивным показателем *обез-/обес-* на русском материале находятся моноаспективы СВ (например, *обезголотеть, обездвигнуть, обезденежить, обезденежить, обеззубеть, обезлюдеть, обезматочить, обеспампачить, обесплодить, обеспертить(ся)* и др.), а также видовые тройки (*бесчестить – обесчестить – обещещивать, бесславить – обесславить – обесславливать, бессилить – обессилить – обессиливать*).

¹⁴ Из-за различий в лексикографической традиции в русских словарях постфиксальные формы на *-ся* даются отдельно от формы глагола без постфикса, в то время как в сербских словарях формы возвратных глаголов с морфемой *се* находятся в рамках одной словарной статьи с глаголами без *се*.

Сербский материал содержит моноаспективы СВ (*обезбратити, обезбрижити, обезвольити, обездружити (се), обезматичити се, обезножити, обезубити, обезкожити* и др.) и, в нескольких случаях, видовые пары (*обесценити – обесцењивати, беспокојити (се) – беспокојавати (се), обезнажити – обезнаживати, обесветити – обесвећавати* и т.д.)¹⁵.

Анализируемые глаголы констатируют изменение положения субъекта¹⁶, т.е. ситуацию, в которой *X* не обладает определенной вещью, признаком и т.п., а то, чем он в момент речи не обладает, кодировано в значении основного (деноминального либо деадъективного) глагола. Поэтому их семантическую модель можно представить следующим способом:

(i) У *X*-а наступило состояние, которое вызвано отсутствием элемента, находящегося в основе глагола с каритивным показателем.

Отсылка на наступление нового состояния заметна в примерах (12) и (13), где описывается наступающее физическое состояние слабости (*обессилевать/обессилеть* ← ‘оставаться/остаться без сил, становиться слабым’). В (10) и (11) благодаря предикатному отрицанию значение наступления нового состояния аннулируется, однако небольшой трансформацией нижеприведенных примеров эта семантика заметна, ср.: *Проигрыши обескуражил нашу команду* ‘→ до того момента наша команда была полна уверенности в себе, а сейчас сомневается’.

Несмотря на то, что каритивы не являются стилистически маркированными, их частотность в активном употреблении небольшая. Например, в [SRWAC] обнаружено всего 2 примера глагола *обезвольити* ‘рус. *обезвольить*’ (**безвольити* не существует), хотя прилагательное *безвольан* встречается часто.

(10) а. срб. *То није поколебало наше играче, није их обезвольило. Они су довољно мотивисани истрчали на терен...* [SRWAC]

б. рус. *Это не поколебало наших игроков, не обескуражило их. Они были достаточно мотивированы, чтобы выбежать на поле.*

¹⁵ Хотя некоторые вторичные имперфективы не входят в состав словарей сербского языка, существование и частотность их употребления подтвердит каждый носитель (например, *обесмислити – обесмишљавати* ‘рус. *лишить / лишать смысла*’).

¹⁶ В широком смысле слова: абстрактного, конкретного, живого и неживого.

(11) a. срб. *Превалили су стотине километара и овога пута, сведочили су несрећном поразу, али их то није разочарало, нити обезвољило.* [SRWAC]

b. рус. *Они проехали сотни километров и на этот раз стали свидетелями досадного поражения, но это их не разочаровало и не **обескуражило**.*

На наш взгляд, это может объясниться тем, что значение каритивов на *обез-/обес-* в живом употреблении перефразируется с помощью аналитических предикатов — либо как предложно-падежная конструкция с предлогом *без* и существительным в родительном падеже (например, *обезголо-сеть* → *остаться без голоса; лишиться голоса* ‘срб. *остати без гласа*’); либо употреблением глагола *стать* и прилагательного, имеющего ту же основу, что и глагол-каритив, например, рус. *стать безголосым*, срб. *постати безгласан*, нем, рус. *стать безвольным*, срб. *постати безвољан* ← *обезво-леть*).

Декомпозиция значения делает связь каритивов на *обез(с)-* и инхоативов более заметной, поскольку изменение одного состояния другим, т.е. переход в новое состояние, предполагает *начало* какого-то состояния (см. примеры (12) и (13), и объяснение выше). Глаголом *обессмертить* в (14), имеющим, в отличие от большинства экцерпированных каритивов, положительное значение, также передается семантика изменения состояния.

(12) a. рус. [...] *толпа вся вздрагивает крупно, общим телом и тут же так же разом **обессилевает**, как будто душу вынули из каждого, из всех.* [НКРЯ]

b. срб. *читава гомила задрхти као велико, збирно тело и онда исто тако изненада **сасвим ослаби**, као да је душа извучена из сваког, из свих.*

(13) a. рус. *Дорог между областями не было. Сельские областные окраины **обезлюдели**.* [НКРЯ]

b. срб. *Није било путева између региона. Сеоска регионална подручја су **остала без људи** [остала пуста].*

(14) a. рус. *Угол улиц Соль и Абревуар занимает «Розовый Дом», который **обессмертил** Морис Утрилло.* [НКРЯ]

в. срб. *На углу улица Сол и Абревуар налази се Ружичасти дом који је овековечио Морис Утрило.*

3.2. Каритивный показатель *недо-*

Данный сложный префикс указывает не на абсолютное отсутствие, а на малую степень качества либо плохое качество предмета [Боханова 2013], однако, поскольку все идентифицированные нами каритивы представляют собой отглагольные дериваты, их семантическую модель можно сформулировать как ‘действие/процесс, недоведенное до конца, а до определенной точки на пути полного завершения, результата’.

Итак, значение глаголов реконструируется без труда, а в большинстве случаев на материале русского языка, где обнаружено около 100 глаголов с каритивным показателем *недо-*, речь идет о видовых парах, напр.: *недоучесть* — *недоучитывать*, *недоучивать(ся)* — *недоучивать(ся)*, *недотянуть* — *недотягивать*, *недосыпать*² — *недоспать*, *недоработать* — *недорабатывать*. Моноаспективами являются глаголы, чья эмоциональная (*недолюбливать*, *недоумевать*) или семантика восприятия подвергаются градуированию (*недослышать*¹, *недослышать*², *недосмотреть*). Значение градуирования на сербский передается наречиями, так как соответствующего глагола нет, см.:

(15) а. рус. *Ей было стыдно сознаться даже себе самой, что она **недолюбливает** своего внука.* [НКРЯ]

в. срб. *Било ју је срамота да призна самој себи да **не воли довољно** свог унука.*

(16) а. рус. *Для денег воруют немножко, когда бригадир **недосмотрит**.* [НКРЯ]

в. срб. *За новац крадемо помало када бригадир **не обраћа довољно пажњу**.*

Материал на сербском языке содержит только 2 глагола — *недостајати* ‘быть недоступным (о том, что нужно)’, ‘быть нужным (и недоступным, отсутствующим и т.п.)’ и *недостати*¹⁷ ‘проявиться как дефицит, как отри-

¹⁷ В русском языке есть аналог *недостать*, однако в сербском словаре нет примечания о происхождении этого слова. Предположить, что речь идет о русизме, вполне можно.

цательная разница'. По данным словарей можно сделать вывод, что оба глагола — моноаспективы, первый НСВ, а второй СВ. Однако анализ примеров из электронного корпуса показал, что говорящие часто употребляют их в качестве видовой пары либо, из-за каких-то причин, употребляют один вместо другого.

Недостајати употребляется чаще, и в значении обоих глаголов. Ср. в (17a) ошибочное употребление глагола в аналитическом сказуемом с начинательным значением — *почео недостати* вместо *почео недостајати*. С начинательным глаголом СВ *почети*, ср. рус. *начать*, а также и с глаголом НСВ *почињати*, ср. рус. *начинать*, в качестве семантического ядра выражения можно употребить глагол несовершенного, а не совершенного вида (ср. в (17b) русский переводный эквивалент с глаголом НСВ *скучать*). Словоформа *недостале* в (18a) также не соответствует контексту, поскольку речь идет о прошедшем времени (причастии в форме ж.р.) глагола *недостати*, а объект, к которому он относится — трамвай — является существительным мужского рода. В (18a) следовало бы употребить 3 лицо ед.ч. глагола *недостајати* в настоящем времени — *недостаје*.

(17) а. срб. *Вальда си ми поново **почео недостати**. Вальда сам чула неку нашу стару песму, вальда су се те успомене вратиле уназад...* [SRWAC]

б. рус. *Кажется, я снова **начала скучать** по тебе. Кажется, я услышала одну из наших старых песен, думаю, эти воспоминания вернулись...*

(18) а. срб. *Врло су лепе фотографије, мени **недостале** транвај који је ишао одмах до двореда.* [sic; SRWAC]

б. рус. *Фотографиш очень хорошие, я **скучаю** по трамваю, который ходил прямо к линии деревьев.*

4. Прагматический уровень

Рассмотрим также некоторые употребления глаголов, где каритивное значение не морфологизировано и зависит от контекстной интерпретации. Оно может быть либо основным для конкретного глагола, либо переносным, однако все рассматриваемые глаголы предполагают наличие конверсивного отношения между «прежним» и «нынешним» обладателем, и создают особую перспективу действия [Балек 2018: 343].

Существует множество глаголов, которыми может быть выражено отчуждение/лишение, ср.: *брать* — *взять*¹⁸, *красть* — *украсть*, *овладевать* — *овладеть*, *разоружать* — *разоружить*, *отнимать* — *отнять* и др., но прототипическими каритивами мы считаем *лишать(ся)* — *лишить(ся)*, *отчуждать(ся)* — *отчуждить¹(ся)* и *отсутствовать*, т.е. в сербском *лишавати (се)* — *лишити (се)*, *отуђивати (се)* — *отуђити (се)* и *одсутвовати*. Помимо перечисленных, в данную группу можно включить рус. *отобрать* — *отбирать*, срб. *одабирати* — *одабрати*, рус. *отнимать* — *отнять*, срб. *отимати* — *отети*, рус. *удалять(ся)* — *удалить(ся)*, срб. *удаљавати (се)* — *удаљити (се)*, рус. *терять(ся)* — *потерять(ся)/утерять(ся)*, срб. *губити (се)* — *изгубити (се)*, рус. *утрачивать(ся)* — *утратить(ся)*, срб. *губити (се)* — *изгубити (се)* и рус. *не хватать* — *не хватить*, срб. *фалити* и многие другие.

Глаголы рус. *лишать* — *лишить*, срб. *лишавати* — *лишити* выражают отсутствие посессивного отношения. Из-за своих валентностных характеристик рассматриваемые глаголы требуют, чтобы абсенс был выражен родительным падежом:

- (19) а. рус. *Режиссер А.Н. Лагунов специально лишил постановку быта, чтобы сосредоточить внимание на внутренних переживаниях героя.* [НКРЯ]
- б. срб. *Режисер А.Н. Лагунов је специјално лишио поставку свакодневних ствари из живота да би фокусирао пажњу на унутрашња преживљавања јунака.*
- (20) а. срб. *То донекле решава проблем са стресом, али продавца лишава информација које су од виталног значаја у ова тешка времена економске кризе...* [SRWAC]
- б. рус. *Это в какой-то степени решает проблему стресса, но лишает продавца информации, которая жизненно необходима в эти непростые времена экономического кризиса.*

¹⁸ Благодаря конверсивному отношению между приобретением и отчуждением, глаголы со значением приобретения можно считать коррелятами каритивов [см. ТСПГ 1999: 568, 573]. О конверсии между единицами, принадлежащими к тематическим полям «приобретение» и «отчуждение», свидетельствует и толкование, представленное в статье [Балек 2018: 341–347], где утверждается, что в рамках приобретения можно выделить два семантических субполя в зависимости от оценки приобретения. Если речь идет об отрицательной оценке приобретения, реализуется значение отчуждения [Балек 2018: 342].

Каритивный фокус может быть сосредоточен и на чем-то другом, ср. метафорическое движение в конструкциях с глаголами рус. *отчуждать(ся)* — *отчудить*¹⁹(ся), срб. *отуђивати (се)* — *отуђити (се)*. С помощью метафорического движения абсенса удаляется от ориентира¹⁹, некоторой его части или свойства, а данная транспозиция охватывает и эмоциональную, и психическую сферу. Ср.: *Так они прожили с полгода, все больше друг от друга отчуждаясь; Или, наоборот, замечаешь, как он, записывая что-то в тетрадь, вдруг отчуждается, отстраняется ото всех, давая понять, что это только его дело* [НКРЯ].

Если речь идет об эмоциональной сфере, более подходящим эквивалентом-каритивом в сербском языке является именно глагол, которым выражается движение — *удаљавати се* (21b), чем *отуђивати се*. С другой стороны, если речь идет об отчуждении конкретного объекта, то эквивалентом является *отуђити*, несмотря на ироническое употребление (22b).

(21) а. рус. *Анна Андреевна все более и более отчуждалась от него.* [НКРЯ]

б. срб. *Ана Андрејевна се све више и више удаљавала од њега.*

(22) а. рус. [...] *21 апреля 1988 года [...] введя Алексея Ивановича мелькающими махинациями в заблуждение, я отчуждил у него [...] 3 рубля советских финансов одной купюрой...* [НКРЯ]

б. срб. *21. априла 1988. године, обманувши Алексеја Ивановича својим ситним махинацијама, отуђио сам му 3 рубље совјетских финансија у једној новчаници.*

Русский глагол *отсутствовать*, как и *одсуствовати* в сербском, не имеет видовой пары СВ, так как ситуация, которая ими выражается, не предполагает законченности. Отсутствие охватывает пространственную, временную (иногда их нельзя различать), экзистенциальную, а также сферу посессии, и является постоянным квалификатором этой деятельности:

(23) а. рус. *В водах на входе данный элемент практически отсутствовал.* [НКРЯ]

б. срб. *Овог елемента практично није било у улазним водама.*

¹⁹ Об отношении семантических ролей абсенса и ориентира и грамматикализации партиципатов в русском языке, включая валентностную структуру здесь представленных глаголов, см. [Балек 2021a]).

(24) а. рус. *Соответственно, там отсутствует возможность оказания услуг денежного перевода высокотехнологичными компаниями...* [НКРЯ]

б. срб. *Сходно томе, не постоји могућност пружања услуга трансфера новца од стране високотехнолошких компанија...*

(25) а. рус. *Но сама идея «грубой оценки» отсутствует в нашем курсе школьной математики.* [НКРЯ]

б. срб. *Али сама идеја „грубог оцењивања“ не постоји у нашем програму школске математике.*

При глаголах *отнимать(ся)* — *отнять(ся)*, срб. *одузимати (се)* — *одузети (се)*; *одсећи се* в качестве абсенсов часто появляются части тела, которые из-за болезни или другой причины (например, из-за страха, шока и т.п.) нельзя употреблять нормальным способом. В таких случаях каритивность является метафорической, поскольку часть тела физически на месте, но с временно или постоянно модифицированной функцией (например, рус. *У меня отнялся язык и я не смогла ничего сказать*, срб. *‘Одсекао ми се језик и нисам успела ништа да изустим’*; ср. также пример (26)).

Общее отсутствие или аннулирование посессивного отношения, которое обозначают глаголы рус. *утрачивать* и *утратить*, срб. *губити* — *изгубити* специфицируется благодаря дополнениям, с помощью которых грамматикализуется абсент. При транспозиции каритивной семантики в эмоциональную (отсутствие трезвости) глаголы рус. *терять(ся)*, *потерять(ся)* и *утерять(ся)*, срб. *губити се* — *изгубити се* не являются видовыми коррелятами, хотя в большинстве значений они функционируют таким образом (пример 27).

В одном из своих значений глаголы *не хватать* — *не хватить* также могут функционировать в качестве каритивов. Их сербский аналог *фалити* (иногда и *недостајати*) является моноаспективом НСВ (пример 28).

(26) а. рус. *Но и в тяжелейшем состоянии, когда отнялась рука, пришлось учиться писать заново...* [НКРЯ]

б. срб. *Али чак и у најтежем стању, када му је рука била одузета, морао је да поново учи да пише...*

(27) а. рус. *Однако, согласно данным исследований, проведённых на Западе, подавляющее большинство мужчин **теряются** [потерялись; *утерялись — Т.Б.] при виде женщины в ярком наряде.* [НКРЯ; Балек 2021а: 89]

б. срб. *велика већина мушкараца **се губи** (‘изгубила се) када види жену у сјајној одећи.*

(28) а. срб. *Само им још **Бане фали** на овој фотографији.* [SRWAC]

б. рус. *На этой фотографии им **не хватает** только **Бане**.*

Информационная структура и перспектива высказывания могут благоприятствовать реализации каритивности, но это заслуживает более подробного анализа. Здесь только отметим, что, учитывая данный факт, в качестве каритивов можно рассматривать и глаголы со значением получения, например, рус. *выигрывать — выиграть, брать — взять, вернуть, усваивать — усвоить* и проч., а также разные другие лексемы, например, прилагательные рус. *новый* и *свежий* [Балек 2021а: 89–90]. Такое утверждение влечет за собой другой вопрос: поскольку каритивность является диффузной категорией, что именно является ее ядром, и что именно отличает каритивность от лексической антонимии и конверсии.

5. Заключительные замечания

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть каритивное значение, реализующееся на материале глагольной лексики русского и сербского языков. В обоих языках каритивное значение в глагольной лексике слабо грамматикализовано, однако в узусе регулярно возникают контексты, способствующие каритивной интерпретации. Фактором, благоприятствующей ей, является оценка ситуаций лишения как отступления от нормы, в том числе — от нормы поведения. В обоих языках рассматриваемое значение на морфологическом уровне реализуется с помощью каритивной приставки *без-/бес-*, которая не является продуктивной. Многие из эксцерпированных деноминальных или деадъективных глаголов с данной приставкой в узусе неупотребительны. Это позволяет нам сделать вывод, что, несмотря на статус префикса *без-/бес-* (исследователи считают его прототипическим каритивным показателем), а также общего значения глаголов ‘X ведет себя способом *n*’ или ‘X совершает поступки *n*’, на самом деле его функционал ограничен.

В качестве каритивного показателя рассмотрены еще два сложных префикса: *обез-/обес-* и *недо-*. Первый сохраняет каритивную семантику одной своей части, но у дериватов обнаруживается дополнительная характеристика — наступление нового состояния, которое вызвано отсутствием элемента, находящегося в основе глагола с каритивным показателем *обез-/обес-*. Именно эта характеристика сближает каритивные глаголы с начальными.

Несмотря на то, что в литературе о каритивах не упоминается сложная приставка *недо-*, на основании лексикографических данных можно сделать вывод, что у нее тоже обнаруживается каритивное значение, но с дополнительным признаком градуальности, так что глаголы имеют значение ‘действие/процесс, не доведенное до конца, а до определенной точки на пути полного завершения, результата’. Глаголы с данной приставкой продуктивны в русском языке, а сербском почти не используются в глагольном словообразовании.

Возможность представления каритивного значения в контексте рассмотрена и на примере глаголов, у которых оно может быть либо основным, либо переносным. На основании проведенного анализа выяснилось, что неключенность в ситуацию проявляется как отсутствие посессивного отношения (рус. *лишать* – *лишить*, серб. *лишавати* – *лишити*), метафорическое движение (рус. *отчуждать(ся)* – *отчуждить(ся)*, серб. *отуђивати (се)* – *отуђити (се)*). Однако отсутствие может охватывать и другие сферы — странственную, временную и т.п. (рус. *отсутствовать*, серб. *одсуствовати*).

Поскольку существует конверсивное отношение между обладанием и каритивностью, то и глаголы приобретения способны выразить необладание, невовлеченность в ситуацию и т.п., поэтому определение факторов, способствующих и ограничивающих данное явление, а также формирование инвентаря лексических единиц, к которым они применимы, могут быть задачей для будущих исследований.

Список источников / References

- Балек 2018 — Балек Т. Аспектуальные особенности глаголов с общим значением «приобрести» в русском языке и их сербские эквиваленты // *La relation temps/aspect: approaches typologique et contrastive.* / Milliaressi T. (ed.). Lille: Université Charles-de-Gaulle – Lille 3, 2018. С. 341–347. [Balek T. Aspektual'nye osobennosti glagolov s obshchim znacheniem «priobresti» v russkom yazyke i ikh serbskie ekvivalenty // *La relation temps/aspect: approaches typologique et contrastive.* / Milliaressi T. (ed.). Lille: Université Charles-de-Gaulle – Lille 3, 2018. Pp. 341–347.]

- Балек 2021a — Балек Т. О лексичкој каритивности репрезентованој глаголима и граматикализацији партиципаната у руском језику. // Славистика. 2021. 25/2. С. 82–92. [Balek T. On lexical caritives represented by verbs and grammaticalisation of participants in the Russian language. *Slavic Studies*. 2021. 25/2. Pp. 82–92.]
- Балек 2021b — Балек Т. Релативне каритивне конструкције са везничко-предлошким спојем или без у српском језику (уз осврт на ситуацију у руском језику). // *Orbis Linguarum* / Езиков свят. 2021. 19/3. С. 30–41. [Balek T. Relative caritive constructions with conjunction-preposition complex ili bez in Serbian (with an overview of the situation in Russian). // *Orbis Linguarum* / *Ezikov svyat*. 2021. 19/3. Pp. 30–41.]
- Балек 2023 — Балек Т. Моноаспективи у руском и српском језику. Нови Сад: Филозофски факултет, 2023. [Balek T. *Monoaspektivi u ruskom i srpskom jeziku*. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2023.]
- Боханова 2013 — Боханова А.С. Вербализација категорији лишительности: критерији ограничења // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2013. 1–2. С. 169–173. [Bokhanova A.S. Verbalizatsiya kategoriji lishitel'nosti: kriterii ogranicheniya // *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*. 2013. 1–2. Pp. 169–173.]
- Боханова 2014a — Боханова А.С. Категория лишительности в исторической перспективе. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 9 (40). <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-lishitel'nosti-v-istoricheskoy-perspektive/viewer> [дата обращения 7.7.2024] [Bokhanova A. S. Kategoriya lishitel'nosti v istoricheskoi perspektive. // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 2014. № 9 (40). <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-lishitel'nosti-v-istoricheskoy-perspektive/viewer> retrieved 7.7.2024]
- Боханова 2014b — Боханова А.С. Категория лишительности (на материале русскоязычных газетных текстов). Дис. ... канд. филол. наук. Алматы: Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2014. [Bokhanova A.S. Kategoriya lishitel'nosti (na materiale russkoyazychnykh gazetnykh tekstov). Dis. ... kand. filol. nauk. Almaty: Kazhskii natsional'nyi pedagogicheskii universitet im. Abaya, 2014.]
- Горбова 2019 — Горбова Е.В. Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения. // Славистика. 2019. 23/1. С. 45–61. [Gorbova E.V. Dvukhkomponentnaya model' russkogo vida: polozheniya, predskazaniya, podtverzheniya. // *Slavistika*. 2019. 23/1. Pp. 45–61.]
- Жеребило 2010 — Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. [Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Nazran': Izdatel'stvo ООО «Piligrim», 2010.]
- Иванов 1993 — Иванов Вяч.Вс. Категория лишительности в языках евразийского языкового союза. // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. / Молошная, Т. Н. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 80–81. [Ivanov Vyach. Vs. Kategoriya lishitel'nosti v yazykakh evraziiskogo yazykovogo soyuza. // *Tipologicheskie i sopostavitel'nye metody v slavyanskom yazykoznanii*. / Moloshnaya, T. N. (otv. red.). Moscow.: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1993. Pp. 80–81.]
- Иванов 1995 — Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. / Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н. (отв. ред.). М.: Издательство «Индрик», 1995. С. 5–59. [Ivanov Vyach.Vs. Tipologiya lishitel'nosti (karitivnosti) // *Etyudy po tipologii grammaticheskikh kategorij v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. / Ivanov Vyach.Vs., Moloshnaya T.N. (otv. red.). Moscow.: Izdatel'stvo «Indrik», 1995. Pp. 5–59.]

- Коваль 2009 — Коваль А.И. Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пулар-фульфульде. // Африканский сборник. / Выдрин В. Ф. (ред.). Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2009. С. 194–203. https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-148-7/978-5-88431-148-7_17.pdf [дата обращения 1.12.2024] [Koval' A.I. Semanticheskaya kategoriya karitivnosti v leksikone i tekste pular-ful'ful'de. // *Afrikanskii sbornik*. / Vydrin V. F. (red.). Saint-Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2009. Pp. 194–203.]
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. Москва: Языки русской культуры, 1998. [Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.]
- МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Евгеньева А.П. (отв. ред.). Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [дата обращения 1.10.2024] [*Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* / Evgen'eva A.P. (otv. red.). Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> retrieved 1.10.2024]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 27.12.2024] [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. <https://ruscorpora.ru/> retrieved: 27.12.2024]
- Оскольская и др. 2020 — Оскольская С.А., Заика Н.М., Клименко С.Б., Федотов М.Л. Определение каритива как сравнительного понятия. // Вопросы языкознания. 2020. 3. С. 7–25. [Oskolskaya S.A., Zaika N.M., Klimenko S.B., Fedotov M.L. Defining caritive as a comparative concept. // *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. 3. Pp. 7–25.]
- Петрухина 2009 — Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Москва: МАКС Пресс, 2009. [Petrukhina E.V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)*. Moscow: MAKS Press, 2009.]
- РМС, т. 1 — Речник српскохрватскога књижевног језика. / Стевановић М. (гл. уред.). Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1967. [*Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevnoг jezika*. / Stevanovich M. (gl. ured.). Novi Sad – Zagreb: Matitsa srpska – Matitsa khrvatska, 1967.]
- РМС, т. 3 — Речник српскохрватскога књижевног језика. / Стевановић М. (гл. уред.). Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1969. [*Rechnik srpskokhrvatskoga knjizhevnoг jezika*. / Stevanovich M. (gl. ured.). Novi Sad – Zagreb: Matitsa srpska – Matitsa khrvatska, 1969.]
- Толстая 2008 — Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. Москва: Издательство «Индрик», 2008. [Tolstaya S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchslavyanskoj perspektive*. Moscow: Izdel'stvo «Indrik», 2008.]
- ТСРГ 1999 — Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. / Бабенко Л.Г. (гл. ред.). Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. [*Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy*. / Babenko L.G. (gl. red.). Moscow: AST-PRESS, 1999.]
- Шведова 1980 — Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука, 1980. [Shvedova N.Yu. (gl. red.). *Russkaya grammatika*. T. 1. Moscow: Nauka, 1980.]
- Янко 2022 — Янко Т.Е. Синтаксические параметры идиом: *вступить в силу VS вступить в лужу* // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. / Орлова О.С. (отв. ред.). Москва: Институт языкознания РАН, 2022. С. 233–237. [Yanko T.E. Sintaksicheskie parametry idiom: *vstupit' v silu VS vstu-*

- pit' v luzhu* // *Yazyk. Chelovek. Kul'tura*. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marii L'vovny Kovshovoi. / Orlova O.S. (otv. red.). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 2022. Pp. 233–237.]
- Matushansky 2020 — Matushansky O. Missing types. // *Caritive constructions in the languages of the world*. Presentations and handouts. November 30 – December 2, 2020. https://www.caritive.org/files/ugd/c659f4_85a4f45af8244b4b8cc7caa73f9d3076.pdf [retrieved 27.12.2024]
- Oskolskaya 2020 — Oskolskaya S. Typological study of caritives: an overview and methodology of research. // *Caritive constructions in the languages of the world*. Presentations and handouts. November 30 – December 2, 2020. https://www.caritive.org/files/ugd/c659f4_d6ae2b49963543688fc8b3feee529067.pdf [retrieved 27.12.2024]
- Oskolskaya 2023 — Oskolskaya S. Towards the absence: on the notion of dedicatedness of markers (on the example of caritive construction. // *Songs and Trees: Papers in Memory of Sasha Vydrina*. / Sumbatova N., I. Kapitonov, M. Khachaturyan, S. Oskolskaya, S. Verhees (eds.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. <https://doi.org/10.30842/9785604799925202320> [retrieved 27.12.2024]
- Panova 2021 — Panova A. Adverbial caritive markers. // *Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD)*. / Daniel M., K. Filatov, T. Maisak, G. Moroz, T. Mukhin, C. Naccarato, S. Verhees. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE, 2021. DOI: 10.5281/zenodo.6807070. <http://lingconlab.ru/dagatlas> [retrieved 27.12.2024]
- SRWAC — srWaC (Serbian Web Corpus) https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac;align= [retrieved: 20.12.2024]
- Stassen 2000 — Stassen L. AND-languages and WITH-languages. // *Linguistic Typology*. 2000. 4(1). Pp. 1–54.
- Stolz et al. 2007 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. WITH(OUT): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. // *Word*. 2007. Vol. 58. Issue 2. Pp. 63–122.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 09.12.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Тяна Балек

Ph.D.; Университет города Нови-Сад, Нови-Сад, Республика Сербия

Tijana Balek

Ph.D.; University of Novi Sad, Novi Sad, Republic of Serbia

tijana.balek@ff.uns.ac.rs

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.69.51.003

О ВЛИЯНИИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА ЯЗЫКОВ НА КАЧЕСТВО МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА АВТОМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ*

А.М. Ивойлова

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: Данная статья посвящена анализу результатов zero-shot межъязыкового переноса автоматической лингвистической разметки в стандарте CoVaLD с русского языка на близкородственные и неродственные языки. Исследование показывает, что качество переноса зависит как от генетического родства языков, так и от количества обучающих данных для языков в используемой языковой модели.

Ключевые слова: автоматическая семантическая разметка, лингвистическая разметка, межъязыковой перенос

Для цитирования: Ивойлова А.М. О влиянии генетического родства языков на качество межъязыкового переноса автоматической семантической разметки // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 43–59. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.69.51.003

ON THE INFLUENCE OF GENETIC RELATEDNESS OF LANGUAGES ON THE QUALITY OF CROSS-LINGUAL TRANSFER OF AUTOMATIC SEMANTIC ANNOTATION**

* Автор выражает искреннюю благодарность анонимным рецензентам и А.В. Циммерлингу за их ценные замечания и вопросы по теме данного исследования.

** The author expresses sincere gratitude to the anonymous reviewers and to A. Zimmerling who gave their notes and opinions on the topic.

Alexandra Ivoylova

Russian State University for the Humanities

Abstract: This paper is dedicated to the analysis of the results of zero-shot cross-lingual transfer of linguistic annotation in the CoBaLD standard from Russian to genetically related and unrelated languages. It appears that the quality of zero-shot cross-lingual transfer depends on genetic relatedness of donor and recipient languages as well as on the amount of training data for a language in the language model used as a backbone for the parser.

Keywords: automatic semantic annotation, linguistic annotation, cross-lingual transfer

For citation: Ivoylova A. On the influence of genetic relatedness of languages on the quality of cross-lingual transfer of automatic semantic annotation. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 43–59. doi:10.37632/PI.2024.69.51.003

1. Introduction

Currently, modern linguistics increasingly incorporates methods involving computer technologies for research purposes. These methods include creating text corpora and developing machine learning algorithms to address both theoretical and practical tasks. On the one hand, no corpus can exist without at least the most basic linguistic annotation (typically part-of-speech tagging). On the other hand, information about the grammar and semantics of natural language can serve as additional features when solving Natural Language Processing (NLP) tasks.

According to the definition provided in [Ide 2017], “linguistic annotation involves associating descriptive or analytical tags with linguistic data.” Initially, linguistic annotation was used exclusively for theoretical research, primarily to confirm or refute linguistic theories, and was therefore closely tied to corpus creation. Evidently, to make linguistic annotation applicable in practice, it is necessary to establish unified standards for annotation. Any standard must be grounded in some theoretical framework, such as the “Meaning \Leftrightarrow Text” theory by I. Mel’čuk [Мельчук 1974] or the Head-Driven Phrase Structure Grammar by C. Pollard and I. Sag [Pollard, Sag 1994]. Linguistic annotation can describe one or more levels of language; almost always, the morphological level is included. However, particularly in recent years, syntactic and semantic annotation have become increasingly important for both applied NLP tasks and computational linguistics research.

Two significant issues currently attracting the attention of researchers in computational linguistics are, first, the question of how modern language models (Large Language Models, LLMs) “understand” natural language semantics, given their well-known “black-box” nature, and second, the challenges related to processing data for low-resource languages. For most applied tasks (and often theoretical ones as well), annotated data are essential, as supervised learning algorithms still demonstrate the highest performance. However, creating such data is a labor-intensive and expensive process. Consequently, annotated datasets are available for far fewer natural languages than needed, and even when they exist, they are often insufficient in volume or quality.

Thus, active research today focuses on developing methods that reduce resource requirements or leverage resources created for other languages. Beyond their practical significance, studies in automatic processing of low-resource languages, particularly those involving the technique of cross-lingual transfer, can provide additional insights into the typological characteristics of various languages and be of interest to linguists.

This study combines the two outlined areas and is aimed at conducting experiments on transferring automatic linguistic annotation in a recently proposed multi-level annotation format CoBaLD from Russian to genetically related and unrelated languages, specifically Bulgarian, Hungarian, Serbian, and Turkish, and to analyze the results.

The selection of languages for this study is guided by two main criteria. First, this is the genetic proximity of the target languages to Russian, which serves as the donor language. For instance, Bulgarian and Serbian belong to the Slavic language group, while Hungarian and Turkish, on the other hand, are non-Indo-European languages. Second, for experiments involving machine learning, the availability of language support in existing multilingual language models is crucial. For example, in the training data of XLM-RoBERTa (XLM-R) [Conneau 2019], the model used for experiments in this study, Hungarian and Bulgarian are represented in approximately equal volumes, whereas Serbian and Turkish have lower representation. Russian, meanwhile, ranks second in training data volume in XLM-R, following English.

The hypothesis is that the quality of transfer will be higher for (a) genetically related languages and (b) languages with larger training data volumes in the language model. The results of this study can also be of interest for theoretical studies in the field of linguistic typology as they provide an additional method of quantitatively determining the differences in languages.

2. Related work

Due to the multilayered nature and large number of parameters in neural networks (modern neural models can have billions of parameters), their training requires a sufficient quantity of data. Ideally, an algorithm is trained on a large amount of labeled data with a distribution similar to the test data [Zhuang et al. 2020]. However, in practice, such a scenario is rarely achievable. As data requirements grow, training and fine-tuning techniques that reduce these demands become increasingly relevant. For instance, semi-supervised learning can partially address this issue by using a mix of labeled and unlabeled data, though acquiring even unlabeled data may sometimes be challenging.

Currently, the most well-known and widely used technique for training models with minimal labeled data is transfer learning [Weiss et al. 2016]. This approach enables a model to leverage knowledge acquired during training on a different task, domain, or language.

Cross-lingual transfer (CLT) technique, thus, is a means widely used nowadays to develop NLP models for low-resourced languages.

There are two concepts related to knowledge transfer depending on the presence or absence of labeled data for the target task or domain. When labeled data is completely unavailable, it is referred to as *zero-shot transfer learning*, which involves applying a model trained on other data or tasks to new data or tasks. Conversely, when at least a small amount of labeled data is available, this is termed *few-shot transfer learning*, where fine-tuning is used. In this study the former technique was applied.

In the case of CLT, the primary distinction lies in the language of the data. The language of the source model's data is typically referred to as the *donor language*, while the language for transfer is called the *recipient language*.

Since the appearance of multilingual language models such as mBERT [Devlin et al. 2018] and XLM-RoBERTa the use of CLT became available, although there have been attempts to align monolingual embeddings for the task [Duong et al. 2016; Zhang et al. 2017; Artetxe et al. 2017]. One of the first attempts to thoroughly analyze the ability of these models for cross-lingual generalization were conducted by [Wu et al, 2019] and [Hu et al, 2020]; in the latter study it was revealed that the quality of zero-shot CLT normally doesn't drop below 25% for English as a donor language.

There have been many investigations in the area of CLT since then, including the question of language choice for a donor language [Lin et al. 2019; Er-

onen et al. 2023], analyzing the impact of linguistic features [Dolicki, Spanakis 2021] or using several languages as donors [Lim et al. 2024], which revealed that diverse donor languages result in more robust results.

One of commonly used downstream tasks for the evaluation of CLT in recent research is dependency parsing [Ahmad et al. 2021; Choenni et al. 2023]; the reason for this may be the availability of multilingual datasets annotated in the Universal Dependencies (UD) standard [de Marneffe et al. 2021]. There have also been attempts to transfer semantic annotation such as [Fei et al. 2020; Sherborne, Lapana 2021], but none of them took typological aspects into account.

There have also been a lot of investigations devoted to the impact of linguistic similarity on the quality of CLT [Philippy et al. 2023]; although mostly it is shown that genetic relatedness and geographical distance between languages does affect CLT, there is also research where it is shown that other factors influence it, e.g. the amount of pre-training data in the models [ibid.]. Other research shows that shared vocabulary of a model can also be important [Patil et al. 2022].

3. Linguistic annotation

The annotation standard used in this study is CoBaLD [Petrova et al. 2023], which describes all three language levels (morphology, syntax and semantics). It is a new annotation format based on prior work; for morphosyntactic annotation, it is based on UD, and its semantic part is adopted from the ABBYY Compreno model [Manicheva 2012]. In this research, the semantic level was the one investigated, but its connection to other language levels is interesting as well.

The aim of CoBaLD development was to make this format fully compatible with the most popular annotation standard, UD, and easy to use. For annotation representation, it uses the CONLL-U (.conllu) file standard, which contains ten columns in its basic version (CoBaLD uses the extended version of CONLL-U which contains twelve columns; the first ten of them are the same as in UD). The annotation is word-centric: CoBaLD treats “words” as the fundamental elements of a text, assuming they possess morphological properties and participate in syntactic relations. The developers of the UD standard claim to adhere to the principle of **lexical integrity** [Chomsky 1970], and suppose that words are linguistic units constructed from other structural elements and based on principles distinct from those of syntactic constructions. CoBaLD inherited these principles.

Each token represents a row in a CONLL-U table (see fig. 1). Basic token information and morphological data are stored in the first six columns.

ID	FORM	LEMMA	UPOS	XPOS	FEATS	HEAD	DEPREL	DEPS
1	It	it	PRON	Pronoun	Case=Nom Gender=N	2	nsubj	2:nsubj
2	trivialises	trivialize	VERB	Verb	Mood=Ind Number=S	0	root	0:root
3	them	they	PRON	Pronoun	Case=Acc Number=Pl	2	obj	2:obj
4	.	.	PUNCT	PUNCT	_	2	punct	2:punct

Figure 1. An example of morphosyntactic annotation in CoBaLD

The first column of the format contains the token index (its sequential number in the sentence), the second column specifies the word form, and the next four columns represent the core morphological annotations.

Within the format, three categories associated with the morphological level are annotated: lemma, part of speech, and morphological features. The part of speech can be represented in two ways: the UPOS column contains one of the 17 universal part-of-speech tags standardized in UD, while the XPOS column can include designations from other tagsets if the annotation was converted from a different standard, or it can be filled with placeholders if not used. The FEATS column lists the morphological features relevant to the part of speech (universal features). These features are recorded in alphabetical order, with grammatical categories and their specific values (e.g., ‘Aspect=Imp’ indicates that the verb is in the imperfective aspect). The number of features may vary depending on the token.

The syntactic level of annotation in CoBaLD, as in UD, is represented by three columns following the morphological information: HEAD, DEPREL, and DEPS. The final column, MISC (not shown in fig. 1), typically contains technical details, such as the absence of a space following the token, spelling errors, or other auxiliary information.

The HEAD column specifies the index of the head (governing token) for the current token in the sentence. The DEPREL column indicates the dependency relation between the current token and its head. As for the DEPS column, it is used for additional annotation in the Enhanced UD standard [Schuster, Manning 2016]. Enhanced UD (E-UD) is an extension of the basic UD format, proposed by the same authors. In E-UD, some of the restrictions of the basic UD are lifted: for instance, the prohibition against having more than one root in a dependency tree and the prohibition of cyclic dependencies.

Additionally, E-UD allows for the annotation of certain types of ellipsis and includes the marking of phenomena such as referential relations (in a limited form) and raising/control structures.

Just like the original UD standard, CoBaLD is also presented in two versions, Base and Enhanced.

One of the main purposes for the development of CoBaLD format is the enrichment of UD with semantics. This standard is grounded in the formalism of the ABBYY Compreno model.

Historically, semantics has been the least explored level of natural language, although in contemporary computational linguistics, the primary focus is on semantics and how language models “understand” it. Given the variety of existing theories, the formalized representation of semantics can also vary significantly. This variability arises in part from the inevitable question of which specific characteristics of natural language we aim to represent.

In computational linguistics, two tasks directly related to semantic analysis are typically formulated: Semantic Role Labeling (SRL) and Semantic Parsing (SP). Among these, SRL is a more narrowly defined task, as it involves labeling only semantic roles.

The concept of semantic roles was largely shaped by the ideas of Charles Fillmore [Fillmore 1968; Fillmore 2006], Robert Van Valin [Van Valin 1993], and others. Semantic roles generally refer to the participants in predicate structures (i.e., verb arguments). Semantic role labeling attempts to recover the deep predicate structure, unlike syntactic dependency parsing, which annotates surface structure. Technically, these tasks are similar, as they both involve establishing categorized dependencies between words and are thus often solved using similar methods.

The SP task, however, is broader and may include SRL as a subtask. Semantic annotation is generally described as the construction of formalized, machine-readable representations of natural language semantics (typically at the sentence level, but sometimes at the text level). However, the concept of a formalized, machine-readable representation can be interpreted in various ways, leading to a wide range of approaches to semantic annotation.

The importance of semantic annotation for applied NLP tasks is clear: such annotation could enhance the quality of solutions to well-known tasks such as named entity recognition, sentiment analysis, text classification, dialogue system construction, information extraction, and more. However, the question of what exactly semantic annotation should include to be effective for practical

applications remains unresolved. As a result, there is no dominant semantic annotation format analogous to UD for morphosyntax, although some approaches are more popular than others — often because their creators continue to actively develop them.

The ABBYY Compreno model was a proprietary linguistic model developed by ABBYY over two decades for rule-based automatic machine translation. Today, development of the model has ceased due to the advent of new machine translation algorithms that eliminate the need for rule-based systems like Compreno.

Nevertheless, Compreno is not merely a rule-based translation system but also a sophisticated formalism suitable for linguistic annotation for various purposes, including theoretical research. Compreno is integrative, encompassing descriptions of morphological, syntactic, and semantic levels of language.

The semantic level of the model is the one adopted for CoBaLD. Despite its high level of detail in the original formalism, it is conceptually straightforward. Compreno represents semantics as a hierarchy of semantic classes (word meanings) connected by hyperonymy and hyponymy relations. Each class is associated with a specific set of deep slots (semantic roles) that it can assign to dependents. For example, the verb class **TO_GIVE** (*давать* and similar verbs) can assign dependents in roles such as **Agent**, **Possessor**, or **Object**.

The number of semantic classes in Compreno exceeds 200,000, and the number of deep roles (over 200) is also substantial, covering not only actants but also circumstantial roles.

Due to the proprietary nature of the model, no annotated datasets or automated parsers for the Compreno standard are publicly available. The only parser capable of producing analyses in the Compreno format is the rule-based parser owned by ABBYY. However, in 2022, the company released a simplified version of the semantic hierarchy for free academic use¹.

The primary feature of CoBaLD is the inclusion of a semantic annotation layer compatible with the UD formalism. Semantic information was integrated from the Compreno model but was reworked and simplified to enhance practical usability and compatibility. For instance, while the Compreno model contains additional information, the CoBaLD format retains only data on the semantic roles of tokens and their meanings (semantic classes) and the amount of those is also greatly reduced. In the Enhanced version of the format, there is

¹ <https://github.com/compreno-semantics>

also partial information about referential relations (in accordance with Enhanced UD principles). However, the CoBaLD format can potentially be extended to include additional information from the original Compreno model.

Thus, in the CONLL-U Plus format, which is also used for UD, two additional columns have been introduced. One column contains the semantic role category (referred to as the “deep slot” in Compreno formalism), and the other indicates the semantic class category. It is assumed that the heads of semantic relations align with the syntactic heads.

4. Data

The dataset used in this study for the source language is CoBaLD Rus² [Ivoylova et al. 2023], which consists of Russian news texts taken from NewsRu.Com. Its size is around 400,000 tokens and it was manually annotated in Compreno standard and then converted to CoBaLD. Additionally, an English dataset CoBaLD Eng³ [Petrova et al. 2024] was used which contains approx. 180,000 tokens of BBC news texts.

The data used for CLT are the following:

- *Bulgarian*: UD Bulgarian BTB⁴, which contains literary texts;
- *Hungarian*: UD Hungarian Szeged⁵, which also contains news texts from different sources;
- *Serbian*: UD Serbian SET⁶, comprised of news texts from SETimes;
- *Turkish*: Turkish news dataset taken from Kemik Group (Yıldız Technical University)⁷.

5. Automatic linguistic annotation

In 2024, a neural network based parser capable to produce automatic annotation in both versions of CoBaLD standard was created [Баяк 2024]; its code⁸ and trained models⁹ are publicly available. This is a multi-task learning model

² <https://github.com/CobaldAnnotation/CobaldRus>

³ <https://github.com/CobaldAnnotation/CobaldEng>

⁴ https://github.com/UniversalDependencies/UD_Bulgarian-BTB

⁵ https://github.com/UniversalDependencies/UD_Hungarian-Szeged

⁶ https://github.com/UniversalDependencies/UD_Serbian-SET

⁷ <https://www.kaggle.com/datasets/furkanozbay/turkish-news-dataset>

⁸ <https://github.com/CobaldAnnotation/CobaldParser>

⁹ <https://huggingface.co/CoBaLD>

which has a separate classifier for ellipsis restoration and several jointly trained heads for morphology, syntax and semantics prediction. Its overall F1-score is 93%; however, in order to assess the quality of CLT performed with it, one should analyze its errors on the source language data. For analysis, both English and Russian versions were used. The results show that there are errors related to deep slots, which may hypothetically arise from incorrectly determined semantic classes of heads. In the CoBaLD standard, the semantic head determines the permissible deep slots for its dependents. Nonetheless, in approximately 56% of cases, the parser assigns incorrect deep slots despite correct semantic classes. Notably, errors are most frequent in core arguments (e.g., **Experiencer vs Agent**) rather than adjuncts. This is likely because core arguments are typically distinguished only by the semantics of their head, whereas adjuncts are easier to identify based on context and structure.

During CLT qualitative analysis these errors weren't taken into account as linguistically non-specific.

6. Results

In order to get the results, a trained parser model for Russian (based on XLM-R) was taken and applied directly to the samples of the datasets for the chosen languages; no additional training was performed. Three of the UD datasets were already tokenized according to the UD principles, and the dataset for Turkish had been processed by UDPipe first, so that the UD principles should also apply to its tokenization. Afterwards, the labels were corrected manually by trained annotators (two annotators reviewed each dataset). The results of the annotation were discussed by the annotators and a specialist in Comprepro semantics. Finally, the amount of hand-made corrections was automatically calculated and is presented in Table 1.

Table 1. The amount of hand-made corrections for the CLT results

	Bulgarian	Serbian	Hungarian	Turkish
Deep Slots	5.62%	8.49%	11.6%	14.8%
Semantic Classes	14.59%	13.34%	14.6%	14.9%

6.1. Bulgarian and Serbian

Both Bulgarian and Serbian belong to the South Slavic subgroup of languages. Bulgarian is a typical representative of the Balkan language area and exhibits features such as the presence of articles and the almost absent case system.

Serbian, historically situated on the periphery of the Balkan sprachbund, shares some similar characteristics, such as the lack of infinitive verb forms, but is considered non-Balkanized.

It is expected that CLT from Russian to these two languages would yield high-quality results. Indeed, manual validation of automatic annotation revealed that the correction rate for deep slots was only 8.49%, and for semantic classes, it was 13.34%; these figures are comparable for Bulgarian. Note that the parser's annotation quality for Russian reaches 90.8% for deep slots and 93.6% for semantic classes, indicating that the neural model performs better with semantic classes.

This difference in transfer quality can be explained quite straightforwardly. The CoBaLD framework includes certain semantic classes that are not entirely universal; they may either be absent in the data of a specific language or expressed in fundamentally different ways, such as articles, prepositions, and particles. CoBaLD assumes that a semantic class is assigned to every token except punctuation, which necessitates assigning a class even to these functional words. This situation does not arise with deep slots, which are more universal and may not apply to functional parts of speech.

In the case of Serbian, one reason for the relatively high number of manual corrections in semantic classes is the particle/conjunction *da*, which lacks a direct counterpart in Russian. *Da* can function similarly to Russian conjunctions such as *что* 'what' or *чтобы* 'in order to', e.g., in sentences like *Iskreno se nadam da se to neće desiti* ('I sincerely hope that this won't happen'). However, it is also used as an untranslatable particle in syntactic structures equivalent to Russian constructions involving the infinitive, e.g., *zatvorska kazna mogla bi da zaplaši medije* ('a prison sentence could frighten the media') or *Da li očekujete i promenu ekonomske situacije u zemlji?* ('Do you also expect a change in the economic situation in the country?'); for more information on *da* refer to [Иванова 2022].

In the UD standard for Serbian, *da* is always tagged as *SCONJ* (subordinating conjunction) and typically linked with the syntactic relation *mark*, which usually indicates the relationship between a subordinating conjunction and the head of a subordinate clause. Notably, Bulgarian also has an analogous *da*, which, depending on the grammar, can be defined as either a particle or a conjunction (e.g., see [Маслов 1981]). For a comparison of *da*-constructions across South Slavic languages, including Bulgarian and Serbian, refer to [Иванова 2018].

When transferring annotations from Russian to Serbian or Bulgarian, the parser often annotates *da* as CONJUNCTIONS (i.e., a conjunction). However, in many cases, the semantic class is simply omitted (a placeholder is left) or sometimes duplicates the semantic class of a neighboring verb. Thus, a significant portion of manual corrections involves fixing issues related to *da*.

Both Bulgarian and Serbian also contain idiomatic expressions that lack direct parallels in Russian. For example, in Serbian, expressions like *bilo koja druga* ('any other'), *nakon što* ('after'), and *zato što* ('because') do not always have clear semantic class mappings (although deep slots tend to be more straightforward).

In conclusion, the quality of cross-linguistic transfer for deep slots to South Slavic languages is quite high, nearly comparable to the quality of automatic annotations for Russian. Errors made during transfer are consistent with errors observed in the source language. Regarding semantic classes, issues primarily arise for non-semantic phenomena (such as *da* and other functional words) or idiomatic expressions without direct analogues in the donor language.

6.2. Hungarian and Turkish

The Hungarian language belongs to the Uralic family (Ugric group). Among its key grammatical features distinguishing it from Russian are the presence of articles, a greater number of cases, and the use of postpositions. Much the same can be said about Turkish, which belongs to the Turkic family. In addition to these characteristics, both languages have a word order different from Russian: SOV in Turkish and OV constructions in Hungarian.

For Hungarian, the percentage of manual corrections for automatic annotations transferred from Russian was 11.6% for deep slots and 14.6% for semantic classes. For Turkish, the percentage of corrections for deep slots was slightly higher at 14.8%, while the percentage for semantic classes was comparable. These results are fairly predictable, given the size of the training data for these languages in the language model and their genetic distance from Russian.

As with the Slavic languages, the quality of semantic class transfer inevitably declines due to the presence of functional words, for which no semantic class can be assigned because they are absent from the parser's training data. For example, in Hungarian, the definite article *a* or *az*, especially in locative constructions, is often erroneously assigned the semantic class PREPOSITION — a

noteworthy error. In Turkish, the indefinite article *bir* is usually annotated with the semantic class CH_REFERENCE_AND_QUANTIFICATION and the deep slot **Quantity**, as the parser “confuses” it with the numeral *one*. It is worth noting that when annotations are transferred from English to Turkish, this issue with articles disappears, and the parser correctly assigns the class ARTICLES.

However, both Hungarian and Turkish face challenges related to the presence of postpositions and adjectives derived from them (in Hungarian). Postpositions are often misinterpreted as nouns and annotated accordingly. For instance, in the Turkish sentence *Dışişleri Bakanı Davutoğlu, Yunanistan ile Türkiye arasındaki farklılıkların ortak vizyon ile çözülebileceğini söyledi* (‘Foreign Minister Davutoğlu stated that the differences between Greece and Turkey can be resolved with a shared vision’), the postposition *arasındaki* (‘between’) is annotated with the deep slot **Locative** and the semantic class CH_OF_CONNECTIONS. However, the correct annotation would omit the deep slot and assign the semantic class PREPOSITION which is used for functional words that express some relation between two content words such as nouns etc. (this label was adopted during manual validation for these languages and is used to denote postpositions, despite its somewhat misleading name).

Finally, in Turkish, the decline in annotation quality for deep slots can also be attributed to the presence of structures like the *izafat*. Errors frequently occur in *izafat* constructions, e.g., in *Lübnan'ın başkenti Beyrut'ta* (‘In Beirut, the capital of Lebanon’), the token *Lübnan'ın* (Lebanon) should receive the deep slot **Whole**, but the parser assigns the deep slot **Locative** to all three tokens. Errors in deep slots within *izafat* constructions can vary but are clearly caused by insufficient embedding alignment.

7. Conclusion

As the number of hand-made corrections implies, not only genetic relatedness, but the amount of pre-training data in the language model influences the quality of CLT, besides, the annotation standard itself may have some flaws concerning the semantic classes (e.g., it is disputable if one should have semantic classes for functional words). The results of our study indicate that, firstly, certain features within the developed annotation standard itself may hinder transfer, and secondly, despite this, the quality of transfer is remarkably high, particularly for deep slots. This finding not only underscores the universality of

semantics as a linguistic level but also reinforces the adequacy of the CoBaLD standard for describing natural language semantics, although, naturally, the standard should be improved¹⁰. One of suggested improvements (by reviewers as well) is the introduction of multi-word semantic units; the developers have been discussing the means of labeling such units without the need to change the UD-compatible format. The other question is the connection between syntax and semantics in the standard, which may also influence the quality of automatic semantic annotation not only for CLT, but for source language parsing as well. A reviewer has reasonably argued that some of the principles of CoBaLD may be incorrect and semantics should not be strictly tied to syntax, but it is indiscrepancies in the current version of the format that most probably causes troubles (e.g., the unresolved difference in copula treatment in semantics and syntax which is inherited from Compreno and UD, respectively). Anyway, it is a disputable issue.

As for the possibility of using the proposed method as a means to measure the genetic relatedness of languages, it may yield stable results only if the compared languages have a similar amount of pre-training data for the language model used as a backbone. Besides, there are other factors which may influence the CLT quality. Still, the qualitative analysis of the CLT results can probably give some linguistic insights.

It is clear that the availability of even a small manually annotated dataset in the target language would enable few-shot CLT with minimal quality loss, provided the dataset includes the features described above. Additionally, a multi-source transfer strategy — where the model is initially trained on annotated corpora from multiple languages, such as English and Russian — appears highly promising.

References

Ahmad et al. 2021 — Ahmad W.U., Li H., Chang K.W., Mehdad Y. Syntax-augmented multilingual BERT for cross-lingual transfer. Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing, August 1–6, 2021. Pp. 4538–4554.

¹⁰ One of the reviewers has suggested using lexical functions for enhancement of the standard, but in our opinion, the restrictions imposed on semantic classes with regard to which semantic slots they can fill are equivalent to these.

- Artetxe et al. 2017 — Artetxe M., Labaka G., Agirre E. Learning bilingual word embeddings with (almost) no bilingual data. *Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)*. 2017. Pp. 451–462.
- Choenni et al. 2023 — Choenni R., Garrette D., Shutova E. Cross-Lingual Transfer with Language-Specific Subnetworks for Low-Resource Dependency Parsing. *Computational Linguistics*. 2023. Vol. 49. No. 3. Pp. 613–641.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on nominalization. Jacobs R.A., Rosenbaum P.S. (eds.). *Readings in English transformational grammar*. Waltham, MA: Ginn, 1970. Pp. 184–221.
- Conneau 2019 — Conneau A. Unsupervised cross-lingual representation learning at scale. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, pages 8440–8451. July 5–10, 2020.
- De Marneffe et al. 2021 — De Marneffe M.C., Manning C.D., Nivre J., Zeman D. Universal dependencies. *Computational linguistics*. 2021. 47(2). Pp. 255–308.
- Dolicki, Spanakis 2021 — Dolicki B., Spanakis G. Analysing the impact of linguistic features on cross-lingual transfer. arXiv:2105.05975.
- Duong et al. 2016 — Duong L., Kanayama H., Ma T., Bird S., Cohn T. Learning crosslingual word embeddings without bilingual corpora. *Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2016. Pp. 1285–1295.
- Eronen et al. 2023 — Eronen J., Ptaszynski M., Masui F. Zero-shot cross-lingual transfer language selection using linguistic similarity. *Information Processing & Management*. 2023. Vol. 60. No. 3. Article 103250.
- Fei et al. 2020 — Fei H., Zhang M., Li F., Ji D. Cross-lingual semantic role labeling with model transfer. *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2020. Vol. 28. Pp. 2427–2437.
- Fillmore 1968 — Fillmore C.J. The Case for Case. Bach E., Harms R. T. (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. London: Holt, Rinehart and Winston, 1968. Pp. 1–25.
- Fillmore 2006 — Fillmore C.J. Frame semantics. *Cognitive linguistics: Basic readings*. 2006. Vol. 34. Pp. 373–400.
- Hu et al. 2020 — Hu J., Ruder S., Siddhant A., Neubig G., Firat O., Johnson M. XTREME: A massively multilingual multi-task benchmark for evaluating cross-lingual generalisation. *International Conference on Machine Learning*. PMLR, 2020. Pp. 4411–4421.
- Ide 2017 — Ide N. *Introduction: The handbook of linguistic annotation*. Netherlands: Springer Netherlands, 2017.
- Ivoylova et al. 2023 — Ivoylova A., Dyachkova D., Petrova M., Michurina M. The problem of linguistic markup conversion: the transformation of the Compreno markup into the UD format. *International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies “Dialog”*. 2023.
- Lin et al. 2019 — Lin Y.H., Chen C.Y., Lee J., Li Z., Zhang Y., Xia M., Neubig G. Choosing transfer languages for cross-lingual learning. *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2019. Pp. 3125–3135.
- Manicheva et al. 2012 — Manicheva E., Petrova M., Kozlova E., Popova T. The Compreno Semantic Model as Integral Framework for Multilingual Lexical Database. *Proceedings of the 3rd Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon*. 2012. Pp. 215–230.
- Patil et al. 2022 — Patil V., Talukdar P., Sarawagi S. Overlap-based vocabulary generation improves cross-lingual transfer among related languages. *Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)*, Dublin, Ireland. 2022. Pp. 219–233.

- Petrova et al. 2023 — Petrova M., Ivoylova A., Bayuk I., Dyachkova D., Michurina M. The CoBaLD Annotation Project: the Creation and Application of the full Morpho-Syntactic and Semantic Markup Standard. Proceedings of the International Conference “Dialogue”. 2023.
- Petrova et al. 2024 — Petrova M.A., Ivoylova A.M., Tishchenkova A. CoBaLD Annotation: The Enrichment of the Enhanced Universal Dependencies with the Semantical Pattern. Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024). 2024.
- Philippy et al. 2023 — Philippy F., Guo S., Haddadan S. Towards a common understanding of contributing factors for cross-lingual transfer in multilingual language models: A review. Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers), Toronto, Canada. 2023. Pp. 5877–5891.
- Pollard, Sag 1994 — Pollard C., Sag I. A. Head-driven phrase structure grammar. University of Chicago Press, 1994.
- Schuster, Manning 2016 — Schuster S., Manning C. D. Enhanced English universal dependencies: An improved representation for natural language understanding tasks. Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16). 2016. Pp. 2371–2378.
- Van Valin 1993 — Van Valin Jr.R.D. A synopsis of Role and Reference Grammar. Advances in Role and Reference Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Weiss et al. 2016 — Weiss K., Khoshgoftaar T.M., Wang D. A survey of transfer learning. Journal of Big Data. 2016. Vol. 3. Article 1.
- Wu et al. 2019 — Wu S., Conneau A., Li H., Zettlemoyer L., Stoyanov V. Emerging cross-lingual structure in pretrained language models. Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, 2019. Pp. 6022–6034.
- Zhang et al. 2017 — Zhang M., Liu Y., Luan H., Sun M. Adversarial training for unsupervised bilingual lexicon induction. Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Volume 1: Long Papers. 2017. Pp. 1959–1970.
- Zhuang et al. 2020 — Zhuang F., Qi Z., Duan K., Xi D., Zhu Y., Zhu H., et al. A comprehensive survey on transfer learning. Proceedings of the IEEE. 2020. Vol. 109. No. 1. Pp. 43–76.
- Баяк 2024 — Баяк И.С. Создание трёхуровневого парсера для формата Enhanced CoBaLD. Магистерская диссертация, МФТИ, 2024. [Bayuk I.S. The Creation of a Three-Level Parser for the Enhanced CoBaLD Format. Master's Thesis, MIPT, 2024.]
- Иванова 2018 — Иванова Е.Ю. Да-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков. // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 171–205. [Ivanova E.Yu. The Da-Construction as a Factor of Syntactic Differentiation in Slavic Languages. Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi sezd slavyanistov. Belgrad, August 20–27. M.: Institute of Slavic Studies RAS, 2018. Pp. 171–205.]
- Иванова 2022 — Иванова Е.Ю. Балканославянская ирреальность в зеркале русского языка (южнославянские да-формы и их русские параллели). М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 288 с. [Ivanova E.Yu. Balkanoslavyanskaya irreal'nost' v zerkale russkogo yazyka (yuzhnoslavyanskije da-formy i ikh russkie paralleli). [Balkan-Slavic Irreality in the Mirror of the Russian Language (South Slavic da-Forms and Their Russian Parallels).] M.: Izdatel'skii Dom YASK, 2022. 288 p.]
- Маслов 1981 — Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. 407 с. [Maslov Yu.S. Bulgarian grammar. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981. 407 p.]

Мельчук 1974 — Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл – Текст". Семантика, синтаксис. 1974. 316 с. [Mel'čuk I.A. An Outline of the "Meaning – Text" Linguistic Models Theory. Semantika, sintaksis. 1974. 316 p.]

Статья поступила в редакцию 17.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 17.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Александра Михайловна Ивойлова

Российский государственный гуманитарный университет

Alexandra Ivoylova

Russian State University for the Humanities

a.m.ivoylova@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.71.84.004

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В СФЕРЕ СЕВЕРНОРУССКОЙ ГРАММАТИКИ: КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И СУБСТРАТНЫЕ МОДЕЛИ

С.А. Мызников

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена /
Институт славяноведения РАН*

Аннотация: Работа посвящена изучению результатов прибалтийско-финского языкового воздействия на севернорусские говоры в грамматической сфере. Отмечается, что при наличии показателей каузативности ряд глаголов имеет прямые семантические соответствия в прибалтийско-финских источниках. Некоторые русские диалектные глаголы, которые имеют каузативное значение, при наличии каузативного маркера, образуя пару: каузативный глагол — некаузативный глагол, представляют собой единицы, образованные уже на русской почве, хотя также имеют семантические соответствия в прибалтийско-финских языках. Наиболее частотно употребление глаголов с каузативным формантом в западной части севернорусских говоров — в русских говорах Карелии и сопредельных областей, что в большинстве случаев связано с непосредственными адстратными контактами с вепско-карельскими диалектами.

Ключевые слова: прибалтийско-финский, грамматика, глагол, каузативный, субстрат, севернорусский, диалект

Для цитирования: Мызников С.А. Прибалтийско-финское влияние в сфере севернорусской грамматики: каузативные глаголы и субстратные модели // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 60–79. doi:10.37632/PI.2024.71.84.004

BALTIC-FINNIC INFLUENCE IN THE SPHERE OF NORTHERN RUSSIAN GRAMMAR: CAUSATIVE VERBS AND SUBSTRATE MODELS

Sergey Myznikov

*Herzen State Pedagogical University of Russia / Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences*

Abstract: The work is devoted to the study of the results of the Baltic-Finnic language influence on the Northern Russian dialects in the grammatical sphere. It is noted that in the presence of causative indicators, a number of verbs have direct semantic correspondences in the Baltic-Finnic sources. Some Russian dialectal verbs that have a causative meaning, in the presence of a causative marker forming a pair: causative verb versus non-causative verb, are units formed already on Russian soil, although they also have semantic correspondences in the Baltic-Finnic languages. The most frequent use of verbs with a causative formant is in the western part of the Northern Russian dialects — in the Russian dialects of Karelia and adjacent areas, which in most cases is associated with direct adstratal contacts with the Vepsian-Karelian dialects.

Keywords: Baltic-Finnish, grammar, verb, causative, substrate, Northern Russian, dialect

For citation: Myznikov S. Baltic-Finnic influence in the sphere of Northern Russian grammar: Causative verbs and substrate models. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 60–79. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.71.84.004

1. Введение

К настоящему времени достаточно хорошо изучена проблема финно-угорского влияния на русский язык в сфере лексики и топонимии [Матвеев 2001–2015; Мызников 2004]. Следует отметить, что, несмотря на доминирование лексических данных, представляющих финно-угорские субстратные и заимствованные единицы, фиксируются также и результаты грамматического воздействия на русские говоры в соответствующих контактных зонах. Например, безличное употребление глагола *жить: живёт* в значении ‘довольно, достаточно, хватит’ с широким ареальным охватом в Обонежье:

(1) Ну, девки, на сегодня живё, пойдём чай пить. Каргоп. [СРГК 2: 54].

Семантически сходное употребление глагола *eläda* ‘жить’ фиксируется в вепсском языке, ср. вепс. *eläb* ‘хватит, достаточно’: *Eläb vet valada* ‘хватит воды лить’ [СВЯ: 78; Мызников 2021: 193].

2. Падежные употребления

2.1. Иллатив

В прибалтийско-финских языках иллатив — внутренне-местный, направительный падеж, отвечающий на вопрос «куда?». В традиционном русском речевом обиходе обычно употребляется словосочетание, отвечающее на вопрос «где?». На прибалтийско-финской почве в этих случаях нередко употребляется иллатив, что отражается и в узусе смежных русских говоров. Так, например, некоторые особенности глагольного управления, широко представленные на прибалтийско-финской почве, отмечаются также и в русской диалектной речи.

Вепсский глагол *gäda, jada* ‘остаться’ в ряде случаев требует управления иллативом (показатели — *ha, he, ho*): *Jada meche* ‘остаться в лесу’ (букв. — в лес). *Jada kodihe* ‘остаться дома’ (букв. — в дом). *Jada sihe* ‘остаться там’ (букв.: туда, в это).

В контактных зонах в русских говорах фиксируются сходные примеры.

- (2) *Я туды бы на всю жизнь осталась*. Подпорож. [СРГК 6: 530].
- (3) *Ты меня бросил, не уйду я никуда, так она и осталась туда*. Прионеж.
- (4) *Так она туда и осталась, ни одной косточки не нашли*. Подпорож. [СРГК 6: 529].

2.2. Элатив

Также имеются примеры возможного влияния речевых моделей с элативом (внутренне-местным, исходным падежом), при базовом значении — движение откуда-либо. В ряде случаев речевой узус на прибалтийско-финской почве и в русских говорах совпадает: *Ostanut leipää kaupasta* ‘Купил хлеба в магазине’ (букв.: из магазина).

Ср. такое же употребление в Беломорье:

- (5) *Пилы и той не было, только топоры, всё из Норвегии покупали. Шижня* [Мызников 2019: 746-747].
- (6) *Я осталась от отца пятигодовая всего и жила потом, слёзы проливали.* Лодейноп. [СРГК 5: 379].

2.3. Адессив

Имеется также возможность сопоставить некоторые данные с адессивом (внешне-местным падежом нахождения), основная функция которого — обозначения местоположения предмета (лица) на чем-, ком-л.: вепс. *Ajada venehel kalatamha* ‘Ехать на лодке рыбачить’ (букв.: лодкой). Имеются у него также посессивная и орудийная функции [СВЯ: 728]; грамматически это передается в русских говорах сочетанием существительного с предложением *на* или специфическим употреблением творительного падежа.

- (7) *Сенька на сарае, там убирает деньги от кобылы.* Беломор. (Сумской Посад).
- (8) *Лоткэй не суйсе туда, роздавит лотку и фсё.* Сегеж. (Сенная Губа) [ПЛГО].

2.4. Партитив

Довольно часто в севернорусских говорах в речевом контексте присутствует партитивное значение, выраженное родительным падежом, что, возможно, также связано с прибалтийско-финским влиянием в Беломорье.

- (9) *Начал опять **воды** качать.* Кереть.
- (10) *Дедушко дал **скота** пасти.* Нёнокса.
- (11) *Уехал **репы** сеять.* Нёнокса.

Такого рода примеры весьма характерны для карельско-вепсских диалектов и финского языка. Ранее это явление отмечалось И.С. Меркурьевым: «При словах *есть* и *было* в значении сказуемого обычно в говоре наблюдается сочетание имен в форме родительного падежа, т. е. широко представлены в говоре безличные предложения типа: *Там есть грибов. Тамотка есть стариков. Хороших есть песён. Было старинных слов*» [Меркурьев 1979: 9]. В финском языке довольно детально проанализированы

условия употребления партитива в ряде работ, ср. [Ikola 1972; Toivainen 1985]. Отмечаются следующие параметры его употребления:

1. Существительное находится в партитиве, если он выражает сущность, частью которой является субъект.
2. Падежами объекта являются аккумулятив и партитив.
3. Именная часть составного сказуемого выражается партитивом, если речь идет о каждой части субъекта.
4. Предикат, выраженный прилагательным, выражается партитивом, если свойство, которое оно выражает, приписывается каждой части субъекта. Субъект в этом случае является абстрактным, неисчисляемым, собирательным словом.
5. Сказуемое, выраженное прилагательным, обычно употребляется в партитиве, если подлежащее является инфинитивом или если в предложении нет подлежащего [Ikola 1972].

3. Субстратные глагольные маркеры

Кроме того, в русских говорах в зонах тесных контактов отмечаются глаголы с так называемыми субстратными маркерами, это глаголы на *-айдать/ -андать* [Азарх 1973; Дубровина, Герд 1974].

(12) **Легайдать** ‘колыхаться, колебаться, трястись’ Вытегор. Олон. ‘Ярко гореть (об огне, пламени)’: — *Хорошо у огонька в лесах, когда ен легайдает*. Вытегор. Олон. [СРНГ 16: 309].

(13) **Легандать** ‘колыхаться, колебаться, трястись’ Вытегор. Олон. [СРНГ 16: 309]. При карельско-вепсских источниках, ср. кар. *lehissä* ‘о дуновении ветра, о шелесте листьев, о колыпании пламени’ [KKS 3: 44], вепс. *l'eiheta* ‘развеваться, колыхаться’, ‘пылать, полыхать’ [СВЯ: 283].

Причем, в ряде случаев глаголы, имеющие русский (славянский) корень, представлены в говоре в форме, которая обычно фиксируется для неисконных единиц, т.е. в языке-доноре не фиксируется данных, которые можно было бы рассматривать в качестве возможного этимона, формируются своего рода субстратные модели с исконным корнем и субстратным маркером:

(14) **Гигандать** ‘тихо смеяться’ Петрозав. Олон., 1896 [СРНГ 13: 169], при русск. *хихикать*.

(15) **Вызандать** ‘поднять’ Волог. [СГРС 2: 223]. Преобразовано по субстратной модели от **выздымать** ‘поднимать’ [Мызников 2019: 146].

Причем, в ряде случаев, имеется возможность говорить, как и об образовании по субстратной модели, так и об обратном заимствовании.

(16) **Буляндать** ‘болтать, говорить попусту’ Вытегор. (Ошта) [ПЛГО]. **Буляндать** ‘говорить непонятно, невразумительно; говорить глупости, несуразности’ Вытегор., Лодейноп. [СРНГ 3: 270]. Данный материал можно рассматривать как образование от русск. **болтать**, однако имеется и вепс. *bul'eita* ‘говорить вздор’ [СВЯ: 50].

(17) **Бурандать** ‘ворчать, брюзжать Кириш., Вытегор., Подпорож. [ПЛГО]. **Бурандать** ‘ворчать’ Олон., 1896 [СРНГ 3: 283]. При наличии этимологически сходных материалов на прибалтийско-финской почве, ср. вепс. *bureita* ‘ворчать, брюзжать’, ‘сердито говорить’, при люд. *burista* ‘жужжать’, при водск. *burisa* ‘урчать (в животе)’, эст. *buriseda* ‘шумно течь, журчать’, фин. *purista* ‘болтать, говорить’, ‘журчать’ [SKES: 651], А. С. Герд возводит к русск. **бурчать**, и далее образование по продуктивной модели [Герд 1995: 97; Мызников 2019: 100].

4. Каузативность в финно-угорских языках

Кроме того, при изучении результатов языковых контактов прибалтийско-финских языков и смежных русских говоров сфере лексики и грамматики, были получены данные, которые ранее не отмечались на значительном количестве материалов — это наличие глагольной морфологической каузативности. Автор не раз обращался к анализу данной проблемы [Мызников 2013; Мызников 2017; Мызников 2022], однако, фиксация новых лексических данных позволяет продолжать ее изучение с выделением ее различных аспектов. Причем, в данном случае крайне важен взгляд на эту проблему и со стороны источника этого грамматического воздействия.

4.1. Коми язык

В финно-угорских языках каузативность и каузативные глаголы к настоящему времени изучены достаточно подробно. Отмечается в пермских языках, например, в казымском говоре ижемского диалекта коми языка для образования каузативных глаголов служит суффикс –эд. Он может присоединяться к переходным глаголам, причем непереходные глаголы также способны образовать каузативную форму. Наиболее частотным является каузативное значение, безобъектно-двусубъектное, которое образуется от непереходных глаголов. Такого рода каузатив трактуется как понудительный транзитивный. Суффикс -эд в этом случае несет двойную функцию, каузативную транзитивную, причем, изменяет исходную основу от непереходной на переходную. Выраженный в подлежащем субъект-понудитель воздействует на второй субъект так, что он совершает действие [Суббота 2009: 10-11].

4.2. Мансийский язык

В обско-угорских языках каузативность имеет морфологически структурированное выражение. В мансийском языке существует четыре каузативных показателя: *-Vlt-*, *-Vpt-*, *-tt-*, *-t-*. Из них основным является *-Vlt-*, а остальные реализуются при определённом фонологическом окружении: *-Vpt-* появляется при наличии плавного звука в основе, *-tt-* и *-t-* являются результатами усечения труднопроизносимого кластера. Высказывается предположение, что в мансийском языке существует два омонимичных частотных глагольных суффикса *-t*, один из которых является упомянутым вариантом каузативного суффикса, а другой служит для образования переходных отыменных глаголов [Пилюгина 2022: 300].

4.3. Прибалтийско-финские языки

В прибалтийско-финских языках также широко представлены каузативные глаголы. М. Пёрн, анализируя глагольную лексику финского языка, сделала вывод о том, что каузативные эмотивные глаголы, можно разделить на две группы: обязательно каузативные глаголы (*compulsorily causative verbs*), например, фин. *kaduttaa* ‘раскаиваться’ и факультативно каузативные (*optionally causative verbs*), например, фин. *janottaa* ‘испытывать жажду’ [Pörn 2004; Pörn 2007].

В людиковском диалекте карельского языка употребляются следующие каузативные суффиксы: *-goitta-*, *-hutta-* (*-hüttä-*), *-htoitta-* (*-htöittä-*), *-škoita-* (*-šköitä*), *-zoita-* (*-zöitä-*), *-ta-* (*-tä-*), *-tta-* (*-ttä-*). Примеры: *tuottua* ‘заставлять приносить’, *tuvva* ‘приносить’; *piästä* ‘освобождать’, *piästä* ‘освобождаться’ [Агранат 2016: 61].

В вепском языке самая многочисленная группа производных глаголов — каузативная. Наряду с *t*-овыми суффиксами, которые являются древнейшими финно-угорскими суффиксами, в вепском языке каузативные глаголы образуются также с помощью сочетаний *t*-овых суффиксов с другими суффиксами (*-zoita-*, *-škōta-*, *-nzoita-* и др.): *hüpitada* ‘заставлять прыгать’, *hüipta* ‘прыгать’ [Агранат 2016: 62].

Причем следует отметить, что традиционно в прибалтийско-финском языкознании каузативными принято называть такие глаголы, которые имеют значение причины (прямой или косвенной) процесса, действия или состояния, выраженными производящим словом. Как правило, производящим является непереходный глагол, а производным — переходный. По мнению М.И. Зайцевой, это самая многочисленная группа производных глаголов в вепском языке. Причем наиболее частотный вепский каузативный суффикс *-ta* восходит к общеприбалтийско-финской форме *-tta*.

Например: *siizutada* ‘поставить (стоя)’ — *siizu-* (инф. *siista*) ‘стоять’; *hüpitada* ‘заставлять прыгать’ — *hüipi-* (инф. *hüipta*) ‘прыгать’; *imetada* ‘кормить грудью’ — *ime-* (инф. *imdä*) ‘сосать’; *vanhtutab* ‘старит что-л.’ — *vanhtub* ‘стареет’ [Зайцева 1978: 25].

Отмечаются случаи лексикализации при образовании каузативных глаголов, т.е. необусловленное формально отклонение в отношениях между структурной формой и лексическим значением. Лексикализация не носит закономерного характера, например, вепс. *tegetada härg* ‘кастрировать быка’, при *tehta* ‘делать’; *mänotada aig* ‘тратить время’, при *mända* ‘идти’ [Зайцева 1978: 26].

Кроме того, на вепском материале отмечаются и другие показатели каузативности, например, *-htoita-*, с дополнительным оттенком однократности действия: *likahtoitta* ‘сдвинуть с места’, при *likahtada* ‘двинуться с места’; *hurahtoitta* ‘бросить, вырнуть’, при *hurahtada* ‘броситься, кинуться’; *pölähtoitta* ‘швырнуть; плеснуть’, *pölähtada* ‘взлететь, вспорхнуть’ [Зайцева 1978: 55].

На прибалтийско-финской почве каузативные глаголы представлены во многих языках, см. ниже таблицу.

Таблица 1. Каузативные глаголы в прибалтийско-финских языках

Язык	Показатель каузативности	Основа глагола	Глагол	Казуативный глагол
вепсский	-ta-	siizu-	siišta 'стоять'	siizutada 'поставить (стоя)'
вепсский	-ta-	ime-	imdä 'сосать'	imetada 'кормить грудью'
вепсский	-ta-	kül'be-	kül'ptä 'купаться'	kül'betada 'купать'
вепсский	-ta-	ištu-	ištta 'сидеть'	ištutada 'усадить'
финский	-utta-	rakenn-	rakentaa 'строить'	rakenuttaa 'заставить строить'
финский	-tta-	itke-	itkeä 'плакать'	itkettää 'заставить плакать'
финский	-ttä-	sula-	sulata 'таять'	sulattaa 'растопить'
карельский	-ta- -tä	šula-	šulata 'таять'	šulattoa 'таять' (о льде)
карельский	-ttu-	juo-	juuvva 'пить'	juottua 'поить'
ливвиковский	-ttu-	sula-	sulua 'таять'	sulattua 'растопливать, оттаивать'

В прибалтийско-финской лексикографии каузативные глаголы довольно часто имеют соответствующую помету, так, например, в «Словаре собственно карельских говоров» зафиксировано 120 глаголов с пометой -caus — 'каузативный', ср.:

- (18) *arvotuttua* 'гадать, загадывать', при *arvottua* 'разгадывать';
*aššuttua*₁ 'учить ходить', при *aštuo*, *aštua* 'идти, шагать';
čilahuttua 'звякнуть; разбить стекло', при *čilahtua* 'зазвенеть';
ečittyä 'вынуждать, заставляя, просить искать', при *eččie*, *eččiiä* 'искать, разыскивать' [ССКГК].

4.4. Саамский язык

Также представлены морфологические показатели каузативности-понудительности в глаголах в саамском языке в виде суффиксов -*m*- и -*x*-, например:

- (19) *юх-т-э* 'поить' < *югкэ* 'пить';
ух-т-э 'заставлять лаять' < *угкэ* 'лаять';
суг-х-э 'заставлять грести' < *сугкэ* 'грести',

ыллт-х-э ‘зажигать’ < *ыллтэ* ‘зажечься’;
оалв-х-э ‘заставлять выть’ < *оаллвэ* ‘выть’;
ряг-х-э ‘заставлять реветь’ < *рягкэ* ‘реветь’.

Первичные суффиксы могут выступать в сочетании со вторичными, Например: *сыййн-лаххът-э* ‘смешить’ < *сыййнэ* ‘смеяться’;

(20) *суннт-лаххът-э* ‘заставлять растаять’ < *суннтэ* ‘растаять’;
ёск-хаххът-э ‘остановить’ < *есскэ* ‘остановиться’;
руст-хаххът-э ‘заставить ржаветь’ < *рустэ* ‘ржаветь’ [Керт 1987: 98].

4.5. Морфологический каузатив. Выводы

Таким образом, в прибалтийско-финских языках каузативные глаголы представляют довольно большую группу. Грамматический каузатив — это морфологический и синтаксический каузативы, морфологический каузатив — это морфологически производные каузативные глаголы. Данный тип не представлен в русском литературном языке, однако, в ряде работ выявляется лексический каузатив, представляющий глаголы, в семантическую структуру которых инкорпорирован компонент направленности действия на кого-, что-л. В семантику лексических каузативов уже включено значение соответствующих статальных глаголов, ср.: *поить* — *пить*, *сажать* — *сесть* и т. д. Таким образом, на материалах русского литературного языка выделяют функционально-семантическую категорию каузативности на лексическом уровне. Причем, такого рода глаголы выделяются в самостоятельный функционально-семантический разряд на основе следующих семантических признаков: семы воздействия; объектности; семы причинности и следствия. Кроме того, в русском выделяется особая группа глаголов со значением волевого воздействия, особенностью семантики которых является обозначение желаемого, потенциального каузируемого действия другой лексемой, выраженной инфинитивом [Дадуева 2011: 80]. Однако, в большинстве случаев определение каузативного глагола связано с обозначением воздействия на объект с тем, чтобы изменить его состояние или побудить к совершению действия, и имеющий соотносительный некаузативный коррелят, выражающий то действие, состояние или качество, которое возникло в результате воздействия.

Морфологический каузатив¹ — это морфологически производные каузативные глаголы, представляющие пару. Данные каузативные модели отсутствуют в русском литературном языке. Однако в севернорусских говорах морфологическая глагольная каузативность представлена и имеет морфологический маркер *-ита-*. На данный момент в севернорусских говорах выявлено более ста глаголов, которые проявляют в своей структуре каузативный формант.

5. Каузативные глаголы в русских говорах

Впервые такого рода глаголы были зафиксированы в «Словаре олонцкого областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского. Причем не всегда толкование учитывает семантику каузативности глагола, кроме того, ввиду лакунарности сведений по диалектной лексике, не всегда можно зафиксировать пару — глагол и образованная от него каузативная единица:

(21) Го'ститать (Пудож.) 'гостить'.

(22) Ка'питать (Петроза.) 'лить по каплям, а не струею' (ср. *капать*).

(23) Ки'питать (Петрозав.) 'кипятить'.

(24) Ку'бритать (р. Свирь) 'чесать в голове рукой, искать вшей'.

(25) Ля'питать «играющая ляпитает, (т.е. разбрасывает камни, берет себе один для подкидывания, во время которого она попеременно то хватает камень с полу, то кладет его опять обратно, и это продолжается до тех пор, пока не переберет всех камней); собирает в ручку (подкидывая один камень, девочка берет один камень за другим в горсть, пока не уберет всех с полу), делает столба, 4 камня берут в горсть».

(26) Насо'ситать, со'ситать (Петрозав. Лодейноп.) 'кормить ребенка грудью'.

(27) Ска'китать (Петрозав.), ско'китать (Заонежье) 'подбрасывать ребенка на руках'.

¹ Об аналитическом каузативе см.: [Недялков, Сильницкий 1969; Недялков 1971].

(28) **Та'итать** (Петрозав.) 'растоплять, расплавлять, а также — таять': — *Наб олова таитать. Снег что-буде долго не таитает.*

(29) **Чисать** (Петрозав.) 'испускать мочу'; **чи'ситать** (там же) 'заставлять ребенка испускать мочу' [Куликовский 1898].

Наиболее значительное число каузативных глаголов зафиксировано на страницах «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», а также, кроме того — в картотеке этого словаря.

При лексикографическом описании такого рода глаголов кажется весьма важным учитывать в толковательной формуле семантику каузативности.

Например, в словаре Куликовского для лексемы **гоститать** дано толкование — 'гостить', позднее значение было повторено в СРНГ [СРНГ 7: 94]. На наш взгляд, в данном случае присутствует семантика каузативности, причем она также сопровождается маркером – *ита*, **гостить** – **гоститать**, что и отражено в СРГК: **Го'ститать** 'угощать гостей': — *Лешу гоститать дивья, было б молоко, боле ничего не надо. Подпорож. Буде ничего не привезли, то чем надо гоститать. Подпорож. Инных-то и не гоститали, как не думали идти. Прионеж. Стучат сваты, снутят, гоститают, чай пьют. Кандалакш. [СРГК 1: 381].*

Имеются случаи, когда отражение каузативности в толковании довольно затруднительно, поскольку направленность действия уже заложена в семантике глагола, который представлен в толковательной формуле.

(30) **Та'йтать** 'топить, растапливать': — *Маргарину не тайтаю, а пестиком давлю. Прионеж. [СРГК 6: 436].* По полевым данным фиксируется форма **та'итать** [ПЛГО].

(31) **Ки'питать** 'кипятить': — *Каменьям бочку овса кипитаем, и белье так кипитаем. Подпорож. Курьей слепоты много, для клопов нарвать, кипитать, хорошо для клопов. Прионеж. [СРГК 2: 347].*

В данном случае, возможно использование в толковании формулу — подвергать какому-л. действию, например, подвергать кипячению.

(32) **Сми'хитать** 'смешить': — *Ой комедь, один смех. Хватит тебе смихитать, не смеши хоть, ой комедь, интересно как. Подпорож. [СРГК 2: 410].*

В ряде случаев, при наличии показателей каузативности ряд глаголов имеет прямые семантические соответствия в прибалтийско-финских источниках. Некоторые русские диалектные глаголы, которые имеют каузативное значение, при наличии каузативного маркера, образуя пару: каузативный глагол — некаузативный глагол, представляют собой единицы, образованные уже на русской почве, хотя также имеют семантические соответствия в прибалтийско-финских языках. Однако, конечно, при опоре на лексикографические источники для сопоставления такого рода материалов возможны лакуны, которые могут повлиять на точность выводов о происхождении конкретной единицы.

(33) **Ки'ситать** 'заставлять киснуть, скисать — иронически о водке во время застолья': — *Хватить ки'ситать, давайте выпьем*. Вытегор. (Ошта) [ПЛГО]. Образовано от глагола **киснуть**, хотя имеются семантически сходные данные, ср. вепс. *hapanzoitta* 'гноить' при *hapata* 'гнить' [СВЯ: 105].

В ряде случаев определение семантики не вполне корректно, так, например, для глагола **ска'китать** является достаточно точным толкование, предложенное Г.И. Куликовским: 'подбрасывать ребенка на руках'. Ср. вепс. *hüptä* 'прыгать', *hüpitada*, *hüpitada* 'дать ребенку попрыгать (на коленях у взрослого)' [СВЯ: 137]. Однако в СРГК составители предлагают иное значение: **Ска'китать** 'качать, укачивать': — *Ребёнка скакитае, трясёт*. Кандалакш. [СРГК 6: 101].

В ряде случаев, сохраняя каузативную форму в севернорусских говорах, глагол ее уже не проявляет на уровне семантики. Хотя, нередко, возможна корректировка толкований, представленных в лексикографических источниках.

Например, в глаголе с каузативным формантом, в семантике такого рода значение не отражается. **Пла'витать** 'плыть (о лошади)': — *Хватят за повод — плавитает*. Подпорож. [СРГК 4: 528].

В то же время, в сходном глаголе — **пла'вить**, каузативность семантики представлена довольно точно — 'перевозить, переправлять по воде': — *Дома наши плавили тогда, когда канал строили, переселяли нас в иные места*. Сегеж. *Коней туда плавили*. Пудож. *А кутило, чтоб к берегу плавить*. Терск. *Вот бурый карбас плавит на тоню*. Кем. 'переправляться': — *Она плавить хотела через озеро с теленком*. Прионеж. [СРГК 4: 528].

Сохраняя каузативную форму в севернорусских говорах, в ряде случаев, глагол ее уже не проявляет на уровне семантики, например:

(34) **Пля'сигать** 'танцевать, плясать', в СРГК дается **пля'сетать**: — *Да плясетаит-то он хорошо, работал бы лучше так*. Подпорож. [СРГК 4: 556].

И в настоящее время глагол **пля'сигать**, в отличие от **пляса'ть**, имеет каузативное значение: *Хватит ребёнка плясигать*. Вытегор (ПЛГО).

(35) **Нако'ригать** 'сделать из коры': — *У невода два крыла, а у крыльев снасти из лыка из коританного, накоригано из ивы*. Плесец. [СРГК 3: 337].

В СРГК дано ошибочное толкование, более корректно — 'очистить от коры', что подкрепляется сходными субстратными данными, ср. вепс. *korigitada* 'очищать от коры' [ПЛГО], при первичном **кори'ть** 'очищать от коры' Вытегор. Волог. [ПЛГО]. Ср. также: **накори'ть** 'очистить от коры' Лодейноп., Каргоп., Вытегор. [СРГК 3: 337].

(36) **Ка'питать** 'капать (о дожде)': — *Целый день понемножку капигает. Большая туча дождливая, дождь, говорили, капигает*. Подпорож. [СРГК 2: 326]. 'Закапывать капли': — *Я тоже как стала в нос капигать, так и лучше стало*. Прионеж. *Стали уж капли негодные, в одной бутылочке еще есть капигать, а другая пустая*. Вытегор. [СРГК 2: 326].

Таким образом, выявленная в севернорусских говорах глагольная каузативность имеет морфологический маркер *-ига-*, в ряде случаев такого рода глаголы представлены в паре: каузативный < некаузативный, при том, что каузативный в большинстве случаев является производным, например, **ка'пать** — **капигать** — **выкапигать** — **накапигать**.

(37) **Капать** 'падать каплями': — *Целый день фсё капигает, сибандаит*. Подпорож. [ПЛГО]

(38) **Капигать** 'закапывать капли': — *Я тоже как стала в нос капигать, так и лучше стало*. Прионеж. [СРГК 2: 326].

(39) **Накапигать** 'накапать что-л., чего-л.': — *Накапигай мне капель*. Подпорож.

(40) **Выкапигать** 'закапать чем-л.': — *Пока ходили, весь пол кровью выкапигала*. Подпорож. [СРГК 1: 267].

6. Результаты

Можно выделить следующие особенности каузативных глаголов в диалектах русского Севера.

Каузативность представлена и реализуется в одном из членов пары: каузативный глагол с соответствующим маркером и глагол, который послужил для него основой. Во всех случаях в качестве основы выступают процессуальные глаголы, стальные глаголы не могут присоединять к себе каузативный формант.

(41) **Скакать** — **скакитать**; **плясать** — **пляситать** (о ребенке); **писать** — **писитать** (о ребенке); **таять** — **таитать**.

При наличии в семантике глагола каузативного компонента, возможно присоединение форманта без изменения значения.

(42) **Корить** ‘очищать дерево от коры’; **коритать** ‘то же’: — *На баню-то брёвна надо коритать*. Вытегор. [ПЛГО].

(43) **Карзать** ‘обрубать ветви у дерева’; **карзитать** ‘то же’: — *Пошли карзитать*. Вытегор. [ПЛГО].

Наличие каузативного форманта не меняет вид глагола. В тех случаях, когда каузативный глагол получает дальнейшее словообразовательное развитие, к его основе может быть присоединен префикс, в этом случае происходит смена вида глагола: несовершенный вид > совершенный вид.

(44) **Таять** (несов.) — **таитать** (несов.) — **растайтать** (сов.) ‘разморозить’: — *Застыла рыба, надо растайтать*. Подпорож. [КСРГК].

(45) **Плавать** (несов.) — **плавитать** (несов.) — **уплавитать** (сов.) ‘позволить перелиться через край при кипении (о жидкости)’: — *Женька, уху будешь ты варить, если уплавиташь, так ремень на спине*. Вытегор. [СРГК 6: 620].

Имеются случаи, когда пара производная каузативная единица и глагол с производящей основой, семантически могут расходиться, хотя их основы этимологически тождественны или сходны, например: **вы'чапитать** ‘расплющить тесто ладонью, раскатать’: — *Вычапिताют калитку*. Прионеж. [СРГК 1: 313]. **Чапать** ‘выполнять работу кое-как’: *А вывод в печи сделал не так, не через печь; такой чапала был, чапал как попало*. Каргоп. [СРГК 6: 756].

Сохраняя каузативную форму в севернорусских говорах, глагол ее уже не проявляет на уровне семантики. При этом возможна трансформация семантики, связанная не с репрезентацией морфологической каузативности, а с ее размытием у носителей говоров вследствие влияния русского литературного языка, где такая маркированность отсутствует.

В большинстве случаев глагол, при наличии показателей каузативности, имеет прямые семантические соответствия в прибалтийско-финских источниках.

Приведенные выше севернорусские диалектные данные, в основном, почерпнуты из лексикографических источников, однако их число довольно велико (в данной статье наряду с полевыми данными, использованы материалы СРГК и СРГН), что позволяет проводить и в дальнейшем сопоставительный анализ с прибалтийско-финскими аналогами. Можно отметить, что наиболее частотное употребление глаголов с каузативным формантом в западной части севернорусских говоров — в русских говорах Карелии и сопредельных областей, что связано как с непосредственными адстратными контактами, так и с этноязыковой ассимиляцией карельского и вепсского населения.

Список условных сокращений

Сокращения языков и диалектов: вепс. — вепсский язык; водск. — водский язык; кар. — карельский язык; люд. — людиковский диалект карельского языка; русск. — русский язык; фин. — финский язык; эст. — эстонский язык;

Географические сокращения: Беломор. — Беломорский район Карелии; Волог. — Вологодская область; Вытегор. — Вытегорский уезд Олонецкой губернии, район Вологодской области; Кандалакш. — Кандалакшский район Мурманской области; Каргоп. — Каргопольский уезд Олонецкой губернии, район Архангельской области; Кем. — Кемский район Карелии; Кириш. — Киришский район Ленинградской области; Лодейноп. — Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии, район Ленинградской области; Олон. — Олонецкая губерния; Петрозав. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии; Плесец. — Плесецкий район Архангельской области; Прионеж. — Прионежский район Карелии; Подпорож. — Подпорожский район Ленинградской области; Пудож. — Пудожский район Карелии; Сегеж. — Сегежский район Карелии; Терск. — Терский район Мурманской области.

Список источников / References

Агранат 2016 — Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы инtragenетической типологии. М.: Языки народов мира, 2016. 248 с. [Agranat T. B. Sravnitel'nyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiiskofinskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoi tipologii [Comparative analysis of grammatical systems of the Baltic-Finnic languages: principles of intragenetic typology]. Moscow: Yazyki narodov mira, 2016.]

- Азарх 1973 — Азарх Ю. С. О глаголах типа улайдать-уландать в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203-209. [Azarkh Y. S. On verbs of the type uलयdat'-ulandat' in northern Russian dialects // Issledovaniya po russkoi dialektologii. Moscow, 1973. Pp. 203-209.]
- Герд 1995 — Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 6 / Отв. редактор А. С. Герд. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. С. 85-107. [Gerd A. S. Materials for the etymological dictionary of northern Russian dialects // Severnorusskie govory. Mezhvuzovskii sbornik. Vyp. 6 / A. S. Gerd (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University, 1995. Pp. 85-107.]
- Дадуева 2008 — Дадуева Е.А. Каузативные отношения в глагольной лексике бурятского языка в сопоставлении с русским языком. АДК, Улан-Уде, 2008. 24 с. [Dadueva E.A. Kauzativnye otnosheniya v glagol'noi leksike buryatskogo yazyka v sopostavlenii s russkim yazykom [Causative relations in the verbal vocabulary of the Buryat language in comparison with the Russian language]. Avtoreferat dokt. diss. Ulan-Ude, 2008.]
- Дадуева 2011 — Дадуева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ, 2011. № 2. С.76-81. [Dadueva E. A. [General characteristics of causative verbs // Vestnik SibGUTI, 2011. № 2. Pp.76-81.]
- Дубровина, Герд 1974 — Дубровина З. М., Герд А. С. Об одном типе глаголов, заимствованных из вепского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XV конференции по финно-угроведению, посв. 259-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 75-76. [Dubrovina Z. M., Gerd A. S. 1974. On one type of verbs borrowed from the Veps and Karelian languages into the Russian dialects of Karelia // Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniya. Tezisy докладov i soobshchenii na XV konferentsii po finno-ugrovedeniyu, posv. 259-letiyu AN SSSR. Petrozavodsk, 1974. Pp. 75-76.]
- Зайцева 1978 — Зайцева М. И. Глагольное словообразование в вепском языке. Л., 1978. [Zaitseva M. I. Glagol'noe slovoobrazovanie v vepsskom yazyke [Verb formation in the Vepsian language]. Leningrad, 1978.]
- Керт 1987 — Керт Г. М. О глагольных словообразовательных суффиксах в килдинском диалекте саамского языка // Советское финно-угроведение, 1987, XXIII, № 2. С. 93-100. [Kert G. M. On verbal word-formation suffixes in the Kildin dialect of the Sami language. Sovetskoe finno-ugrovedenie, 1987, XXIII, № 2. Pp. 93-100.]
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в МСК им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. [KSRGK — Kartoteka «Slovarya russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei» (khranitsya v MSK imeni B. A. Larina filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta) [Archive of the "Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions.]
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонетского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. [Kulikovskii G. I. Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i ehtnograficheskom primenenii [The dictionary of the regional Olonets Dialect in its everyday and ethnographical use]. St. Petersburg, 1898.]

- Матвеев 2001-2015 — Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Чч. 1-4. Екатеринбург, 2001-2015. [Matveev A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa [Substrate toponymy of the Russian North] Parts 1-4. Ekaterinburg, 2001-2015.]
- Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. [Merkur'ev I. S. Zhivaya rech' kol'skikh pomorov [Living speech of the Kola Pomors].. Murmansk, 1979].
- Молданова 2018 — Молданова И. М. Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Родной язык: лингвистический журнал. 2018. № 2. С. 81–105. [Moldanova I. M. Semantic types of causative verbs of the Khanty language (based on the Kazym dialect). Rodnoi yazyk: lingvisticheskii zhurnal. 2018. № 2. Pp. 81–105.]
- Мызников 2004 — Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. 492 с. [Myznikov S. A. Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: ehtimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz [Vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian dialects of the North-West: etymological and linguogeographic analysis]. St. Petersburg, 2004. 492 p.]
- Мызников 2013 — Мызников С. А. О грамматических аспектах прибалтийско-финского и севернорусского языкового взаимодействия: каузативные глаголы // Исследования по славянской диалектологии. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 338-348. [Myznikov S. A. On grammatical aspects of Baltic-Finnish and Northern Russian language interaction: causative verbs. Research in Slavic dialectology. Grammar of Slavic dialects. Mechanisms of evolution. Losses and innovations. Historical and typological phenomena. Moscow, 2013. Pp. 338-348.]
- Мызников 2017 — Мызников С. А. Каузативные глаголы в севернорусских говорах: проблемы лексикографического описания // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник материалов Международной научной конференции «Современные проблемы лексикографии» (Минск, 23–24 ноября 2017 г.). Вып. 15. Национальная академия наук Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Институт языкознания имени Якуба Коласа. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 448-451. [Myznikov S. A. Causative verbs in northern Russian dialects: problems of lexicographic description. Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Sovremennye problemy leksikografii» (Minsk, 23–24 noyabrya 2017 g.). Issue 15. Natsional'naya akademiya nauk Belarusi, Tsentri issledovaniy belorusskoi kul'tury, yazyka i literatury, Institut yazykoznaniya imeni Yakuba Kolasa. Minsk: Chetyre chetverti. Pp. 448-451.]
- Мызников 2019 — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019 [Myznikov S. A. Russkii dialektnyi ehtimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov [Russian dialect etymological dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019].
- Мызников 2021 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 912 с. [Myznikov S. A. Russkie govory Belomor'ya v kontekste ehtnoyazykovogo vzaimodeistviya: opyt kompleksnogo issledovaniya [Russian dialects of the White Sea region in the context of ethnolinguistic interaction: an experience of a comprehensive study]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021.]

- Мызников 2022 — Мызников С. А. Глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Северо-Запада // Севернорусские говоры. Выпуск 21. СПб., 2022. С. 33–57. [Myznikov S. A. Verbs of Baltic-Finnic origin in Russian dialects of the North-West. Severnoruskie govory. Issue 21. St. Petersburg, 2022. Pp. 33–57.]
- Недялков 1971 — Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Ленинград: Наука, 1971. 178 с. [Nedyalkov V. P. Kauzativnye konstruksii v nemetskom yazyke. Analiticheskii kauzativ [Causative constructions in German. Analytical causative]. Leningrad: Nauka, 1971. 178 p.]
- Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. [Nedyalkov V. P., Sil'nickij G. G. Typology of causative constructions. Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ. Leningrad: Nauka, 1969.]
- Пилюгина 2022 — Пилюгина Д. А. Алломорфическое варьирование каузативных показателей в верхнелозвинском диалекте мансийского языка // Вестник угроведения. 2022, т. 12, № 2. С. 300–308. [Pilyugina D. A. Allomorphic variation of causative indicators in the Upper Lozvin dialect of the Mansi language // Vestnik ugrovedeniya. 2022, vol. 12, № 2. Pp. 300–308.]
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные С. А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам) [Polevoe lingvogeograficheskoe obsledovanie (materialy, sobrannye S. A. Myznikovym v dialektologicheskikh ehkspeditsiyakh po russkikh govoram i finno-ugorskim yazykam) [Field linguogeographical survey (materials collected by S. A. Myznikov during dialectological expeditions on Russian dialects and Finno-Ugric languages).]]
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. [Zajtseva M. I., Mullonen M. I. Slovar' vepsskogo yazyka [Dictionary of the Vepsian language] Leningrad: Nauka, 1972.]
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–7. Ред. А. К. Матвеев, М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001–2018. [Slovar' govorov Russkogo Severa. T. 1–7. Red. A. K. Matveev, M. E. Rut. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta, 2001–2018. [Dictionary of the dialects of the Russian North. Vols. 1–7. A. K. Matveev, M. E. Rut (eds.). Ekaterinburg: Uralic State University, 2001–2018.]
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2002. [Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei. Gl. red. A. S. Gerd [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent regions. A. S. Gerd (ed.). Vols. 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg University, 1994–2002.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–52. Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. [Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 1–52. Gl. red. F. P. Filin (vyp. 1–24), F. P. Sorokoletov (vyp. 25–46), S. A. Myznikov (vyp. 47–52) [Dictionary of Russian folk dialects. Vols. 1–52. Ed. by F. P. Filin (vols. 1–24), F. P. Sorokoletov (vols. 25–46), and S. A. Myznikov (vols. 47–52). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka, 1965–2021.]
- ССКГК — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. [Fedotova V. P., Bojko T. P. Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii [Dictionary of the Karelian dialects of Karelia] Petrozavodsk, 2009.]
- Суббота 2009 — Суббота К. А. Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразование (на материале казымского говора). Йошкар-Ола, 2009. [Subbota K.A. Glagol v izhenskom dialekte komi yazyka: grammaticheskie kategorii i

- slovoobrazovanie (na materiale kazymskogo govora) [Verb in the Izhem dialect of the Komi language: grammatical categories and word formation (based on the Kazym dialect)]. Ioshkar-Ola, 2009.]
- Ikola 1972 — Ikola O. Partitiivi subjektin, objektin ja predikatiivin sijana // Kielikello. 1972. № 5. S. 5–12. [Ikola O. Partitive as a placeholder for subject, object, and predicate. Kielikello. 1972. № 5. S. 5–12.]
- KKS — Virtaranta P., Koponen R. (toim.) Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI) [Virtaranta P., Koponen R. (eds.) Dictionary of the Karelian language. Vols. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.]
- Pörn 2004 — Pörn M. Suomen tunnekausatiiviverbit ja niiden lausemaisest täydennykset. Helsinki: SKS, 2004. [Pörn M. Finnish emotional causative verbs and their sentence-like complements Helsinki: SKS, 2004.]
- Pörn 2007 — Pörn M. Causative spatial expressions in Finnish and Swedish // SKY Journal of Linguistics, 2007, 20. Pp. 345–366.
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (1955–1981) [Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Etymological dictionary of the Finnish language. Vols. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (1955–1981).]
- Toivainen 1985 — Toivainen J. Partitiivin syntaksi // Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. Vol. 25. Turku, 1985. [Toivainen J. Partitive syntax. Turku, 1985.]

Статья поступила в редакцию 20.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 20.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Сергей Алексеевич Мызников

д.ф.н.; член-корреспондент РАН; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Институт славяноведения РАН

Sergey Myznikov

Dr. Phil. Hab.; RAS corresponding member; Herzen State Pedagogical University of Russia / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

myznikovs@rambler.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

К ПОНЯТИЮ «ВТОРИЧНОЙ СЛОВОФОРМЫ»^{*}

В.А. Плунгян

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН /

Институт языкознания РАН

Аннотация: В статье вводится понятие «вторичная словоформа», определяемое как результат локальной морфологизации нескольких линейно смежных единиц в тексте, приводящей к полной утрате их синтаксической автономности. Такие единицы могут впоследствии подвергаться фузии и другим морфологическим изменениям. Предлагается предварительная классификация типов вторичных словоформ, охватывающая широкий спектр явлений, и обсуждается их значимость для описания языков мира. В заключительном разделе в качестве примера анализируется эволюция форм с начальным *н-* в косвенных падежах русских местоимений третьего лица, демонстрирующая нетривиальную динамику морфологизации в одной специфической конструкции.

Ключевые слова: морфология, словоформа, клитики, морфологизация, фузия, вторичная словоформа

Для цитирования: Плунгян В.А. К понятию «вторичной словоформы» // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 80–104. doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

^{*} Автор приносит благодарность двум анонимным рецензентам статьи за полезные и конструктивные замечания, а также Н.И. Кирееву, Ю.Ю. Макарову, Н.В. Никитину, М.Г. Степанянцу, Д.А. Тверякову, М. Ухлику и К.В. Филатову, с которыми обсуждались основные идеи этой работы на разных этапах ее подготовки. Все недостатки остаются на совести автора.

ON THE NOTION OF “SECONDARY WORDFORM”*

Vladimir Plungian

Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

Abstract: This article introduces the concept of the “secondary wordform”, defined as the result of local morphologization of multiple linearly adjacent units within a text, leading to a complete loss of their syntactic autonomy. Such units may subsequently undergo fusion and other morphological modifications. I propose a preliminary classification of types of secondary wordforms, covering a wide range of morphological phenomena, and discuss their significance for cross-linguistic descriptive analysis. The concluding section examines the evolution of forms with initial *n-* in the oblique cases of Russian third-person pronouns, illustrating the complex dynamics of morphologization within a specific construction.

Keywords: morphology, wordform, clitics, morphologization, fusion, secondary wordform

For citation: Plungian V. On the notion of “secondary wordform”. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 80–104. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.65.84.005

1. О термине и явлении

В набор базовых понятий морфологического уровня, используемых для описания языков мира (таких как словоформа, морфема, аффикс, корень и клитика), «вторичная словоформа» обычно не включается (ср., например, номенклатуру, предлагаемую в [Haspelmath 2021, 2023, 2024]). Между тем, этот тип единиц кажется важным: вторичные словоформы присутствуют в большинстве языков и представляют собой один из существенных (хотя и недостаточно учитываемых в типологических работах) элементов текста и источников пополнения словаря.

Сам термин «вторичная словоформа» восходит к работам И.А. Мельчука: он вводится в [Mel’čuk 1993: Ch. IV] и, соответственно, в [Мельчук 1997:

* I would like to thank the two anonymous reviewers for their helpful and constructive comments, as well as Konstantin Filatov, Niyaz Kireyev, Yury Makarov, Nikita Nikitin, Maxim Stepanyants, Dmitry Tveriakov, and Mladen Uhlik, who I discussed the main ideas of this paper with at various stages of its preparation. The usual disclaimers apply.

Гл. IV]¹. В пятитомном «Курсе общей морфологии» этот термин предстает как часть сложной понятийной системы, создание которой и является главной целью этого труда; может быть, в силу этого обстоятельства важность терминологической новации И.А. Мельчука не была в достаточной степени замечена и оценена: для этого данный термин необходимо было извлечь из сложного и объемного целого, отделить от других элементов и отметить его оригинальный характер (при том, что сам И.А. Мельчук, поставивший задачу создания цельного терминологического массива, далеко не всегда отмечает различия между традиционными и хорошо известными терминами и собственными оригинальными идеями — и практически никогда не углубляется в историю вопроса). На наш взгляд, указание И.А. Мельчука на существование таких элементов — бесспорная заслуга «Курса» (независимо от того, как оценивать его замысел в целом); ниже для характеристики соответствующих элементов в языках мира мы будем пользоваться термином именно в той форме, в какой его предложил И.А. Мельчук, хотя интерпретировать его будем несколько иначе, во многом упрощенно по отношению к терминологической системе «Курса общей морфологии». Но вначале кратко поясним, как его понимает И.А. Мельчук и какие явления он имеет в виду.

Начнем с того, что в «Курсе общей морфологии» различаются так называемые «языковые» (они же «первичные») и «речевые» (они же «вторичные») словоформы: вторые, в отличие от первых, не могут быть получены с помощью стандартных словообразовательных или словоизменительных процедур языка, т.е. не являются комбинацией корней и (словообразовательных или словоизменительных) аффиксов. Далее, речевые словоформы могут быть «повышенными» или «пониженными», т.е. образовываться в результате повышения или понижения исходного линейно-синтагматического статуса (в смысле [Плунгян 2009: 32–35]). «Повышение» состоит в

¹ Укажем также на использование термина «вторичная словоформа» в совершенно ином значении у А.А. Зализняка [1967/2002: 133, 276–278]: в его ранней морфологической концепции вторичными словоформами назывались маргинальные элементы словоизменительной парадигмы (типа счетной формы или партитива), выражающие то, что позднее будет названо им слабо дифференцированными или морфологически несамостоятельными граммемами. Как кажется, такое терминологическое употребление не получило большого распространения (в том числе и в более поздних работах самого А.А. Зализняка): данное противопоставление скорее принято описывать в терминах «базовых», с одной стороны, и «слабо дифференцированных», «неполных» [Зализняк 1973/2002] или «экстрапарадигматических» [Плунгян 2021] граммем, с другой стороны.

придании статуса словоформы объекту, в нормальном случае выступающему как (неавтономная) часть словоформы. Иными словами, «повышенными» становятся, например, аффиксы, употребляемые в качестве автономных словоформ, как в (1)².

(1) *In sum, thanks to everyone, mentioned and un, for all of your support over the years!*

Напротив, результатом «понижения» оказываются такие сочетания словоформ, в которых все словоформы, входящие в их состав, утрачивают исходную автономность. Примером таких явлений могут служить русские единицы типа *слева, шестьсот, в общем, потому что* или *вряд ли*, восходящие к морфологизовавшимся³ сочетаниям падежных форм существительных и клитик: исходно автономные единицы (например, *ряд*) в их составе оказываются, согласно И.А. Мельчуку, «пониженными» т.е. лишенными автономности (доказательство этого тезиса мы здесь опускаем). Как можно видеть, в письменном тексте вторичные словоформы могут содержать в своем составе пробел, но такое оформление является орфографической условностью и не отражает реального линейно-синтагматического статуса их частей.

Ниже под «вторичными словоформами» мы будем понимать только случаи последнего типа, т.е. сочетания из единиц с «пониженным» (по И.А. Мельчуку) статусом, не апеллируя тем самым ни к предложенному

² В других теоретических концепциях такое явление называется *clipping* или *debonding* (см. например [Norde 2009]). Заметим, что интерпретация статуса элемента *un* — конкретно в примере (1) может быть и иной: альтернативным анализом может быть выделение особого типа нулевого корня — а именно, полученного в результате морфологического эллипсиса. В этом случае исходный статус префикса за элементом *un* сохраняется, но для этого необходимо допустить существование эллипсиса частей словоформы (а не словоформ в целом). Для многих современных теорий языка такое допущение менее приемлемо, чем существование аффиксов, функционирующих как автономные словоформы; тем не менее примеры типа *кино-* и *фотосъёмка* или *до-* и *переписать*, как кажется, лучше описываются понятием морфологического эллипсиса, чем повышения. С другой стороны, контексты типа *Около него уже образовался небольшой кружок новаторов, презиравших всякие «измы», направления и школы* [А.И. Куприн] действительно иллюстрируют скорее случаи повышения аффикса до статуса словоформы (подробнее см. [Плунгян 2009: 88–91]).

³ Здесь и далее под морфологизацией мы понимаем приобретение произвольной единицей статуса связанной морфемы, лишенной каких-либо проявлений автономности, свойственных клитикам и акцентно самостоятельным словоформам (т.е., в числе прочего, отделимости и переместимости).

им различению «языковых» и «речевых» словоформ, ни к единому большому и разнородному классу «речевых» словоформ, полученных путем как «повышения», так и «понижения». В любом случае анализ и критика терминологических предложений И.А. Мельчука не входит в нашу задачу, и мы лишь позволим себе воспользоваться одним из его терминов в более узком, чем у автора, значении. При этом следует отдать должное интуиции И.А. Мельчука, справедливо указавшего на то, что словоформа в общем случае — это далеко не только комбинация корня и аффиксов, присоединяемых к нему по некоторым правилам (понимания этого обстоятельства, как кажется, нет в большинстве современных попыток создания типологически ориентированного инвентаря «универсальных» морфологических элементов). Между тем вторичные словоформы в таком понимании — т.е., в первом приближении, словоформы, образованные путем морфологизации сочетания нескольких контекстно смежных (контактных) морфологических единиц (в их число могут входить как акцентно самостоятельные словоформы, так и клитики) — достаточно многочисленны, разнообразны и присутствуют едва ли не во всех языках, в которых морфологический уровень играет заметную роль.

При этом И.А. Мельчук — конечно, далеко не первый лингвист, обращающий внимание на такие случаи; как кажется, они известны и обсуждались в литературе по крайней мере с середины XIX века, но в целом обычно оставались на периферии морфологических рассуждений и были недостаточно интегрированы в общие теории структуры слова. Этому способствовало то обстоятельство, что все вторичные словоформы по определению нерегулярны: это не результат действия каких-либо общих «правил» грамматической системы, а скорее результат локальной морфологизации некоторых частотных сочетаний (как кажется, именно высокая частота совместной встречаемости является наиболее существенным триггером этого процесса; ср. обсуждение роли частотности в языковых изменениях в общем виде в [Bybee 2007] и применительно к морфосинтаксическим явлениям — например, в [Arnon, Snider 2010]). Образование вторичной словоформы — всегда индивидуальное явление; оно происходит с элементами конкретных последовательностей единиц в конкретных контекстах и не опирается на свойства классов единиц, как это необходимо для стандартного грамматического правила. Лингвистика XX века (в целом мыслившая себя как лингвистика «правил» и «обобщений») была в основном устроена так, что на подобные «локальные» явления обращать

внимание было не принято: они считались как бы не существующими в рациональном мире теорий языка этого периода — и тем самым не существующими и в «языке» как в системе; в лучшем случае они описывались в словаре как индивидуальные свойства лексем. В этом смысле не случаен ярлык «речевые», который применяет И.А. Мельчук (ср. также утверждение в [Lehmann 2020: 210], что процесс образования таких единиц “*happens in speech (parole) rather than in the linguistic system (langue)*”; к важной для нашего предмета концепции Кристиана Лемана мы еще вернемся ниже). Сегодня это следование сосюрковским дихотомиям представляется слишком ригористическим (и даже отчасти схоластическим). Не углубляясь в эту тему, заметим лишь, что, с нашей точки зрения, не стоит ставить знак равенства между «несистемным» и «неязыковым», поспешно объявляя всё то, что не находит места в рамках регулярной системы, принадлежащим не «языку», а «речи». Кроме того, нельзя не заметить, что в языке первичные и вторичные словоформы переплетены гораздо теснее, чем кажется: сочетания первичных словоформ образуют вторичные, а те, в свою очередь, могут начать использоваться как словообразовательная основа для производства новых первичных словоформ с помощью средств регулярной аффиксации, ср. русские производные слова типа *изрядный* или *подстаканник*, структурно не отличающиеся, например, от *нарядный* или *подкладка*, но имеющие в качестве основы морфологизованные сочетания предлога и существительного. Еще ярче это явление представлено в языках с более проницаемой границей между морфологией и синтаксисом (наподобие английского), где вполне обычными являются, например, единицы вида *I don't care-ness*, где регулярный словообразовательный или словоизменительный аффикс может свободно оформлять результат морфологизации целого словосочетания, т.е. вторичную словоформу.

В работах авторов XIX и XX вв., обращавших внимание на вторичные словоформы, для описания этих единиц (или каких-то их подклассов, или сходных с ними объектов) использовались разные термины — например, «синтаксические агломераты» (Ю.Д. Апресян и Л.Л. Йомдин)⁴ или «син-

⁴ «Сочетание слов, лишенное внутренней синтаксической структуры, но всегда произносимое как единое целое (с акцентно выделенным ядром и примыкающими к нему клитичными или полуклитичными элементами), мы предлагаем называть синтаксическим агломератом» [Апресян, Йомдин 1989/2010: 73]; «Введение понятия синтаксического агломерата как раз и является средством фиксации начальной фазы превращения сочетания слов в слово» [ibidem: 74]. Как можно видеть, у Ю.Д. Апресяна и Л.Л. Йомдина

таксические амальгамы» (Дж. Лакофф). Но наиболее известными терминами в этом ряду, пожалуй, являются два: «сращение» и «универбация».

Уже в середине XIX века в немецкоязычной традиции для обозначения интересующих нас явлений был употребителен термин *Zusammenrückung* (букв. 'сжатие, уплотнение'; в русском переводе ему точнее всего соответствует «сращение», который обычно и используется в современной русистике, включая академические грамматики; наиболее распространенным английским эквивалентом этого термина считается *juxtaposition*). Применительно к славянскому материалу наиболее подробно типология таких единиц была разработана в известной «Сравнительной грамматике славянских языков» Франца Миклошича; во втором томе этого труда, озаглавленного «Основообразование» (1 изд. 1868, 2 изд. 1875) приводится богатый и разнообразный инвентарь единиц из разных славянских языков, в основном подпадающих под критерии вторичных словоформ [Miklosich 1875: 347–377]⁵. Хотя Миклошич не всегда различал синхронно и этимологически членимые «сращения», его бесспорной заслугой является то, что он указал на важное место слов этого класса в славянской лексике.

понятие синтаксического агломерата фактически применяется к словоформам (в другом месте той же работы они прямо называются «моноклитными лексическими единицами», с. 131), хотя и определяется как «сочетание слов». Некоторая противоречивость такого подхода проявляется и в утверждении, что «<агломераты> *некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, незачем* внешне маскируются под слова, а на деле не являются даже словосочетаниями с внутренне замкнутой синтаксической структурой» [ibidem: 113]: идет ли все-таки речь о словах или о единицах, которые «маскируются под слова»? В предлагаемой нами системе понятий эти единицы бесспорно являются словами (т.е. словоформами) — но принадлежат к особому классу словоформ, а именно, вторичных.

⁵ Миклошич считает сращения частным случаем композитов (*Zusammensetzung*): под композитами он понимает любое слово, «состоящее из нескольких слов или основ», а сращением он называет такую разновидность композита, которая «состоит из самостоятельных слов». В дальнейшем он выделяет несколько разновидностей сращений, не все из которых целесообразно считать вторичными словоформами в нашем смысле, однако многие из них безусловно относятся к этому типу — отметим в особенности (i) композиты вида *Белгород* или *жар-птица*, (ii) сложные числительные вида *двенадцать* или *шестьдесят* (об их акцентных и морфологических свойствах в славянских языках см. [Зализняк 2010]), (iii) клитические комплексы вида *даже, уже, ибо, неужели; чтобы, якобы* и др. (ср. используемый в [Зализняк 2008: 72–73] термин «проклитико-энклитические сращения»); о важности этого класса единиц для славянских языков см. также [Николаева 2008]). Наконец, нельзя не оценить проницательное указание Миклошича на то, что «сращением» является по происхождению и славянская членная форма прилагательного (“<...> die nichts anderes ist als eine Verbindung des Adjektivs <...> mit dem als Artikel fungierenden *ъ* im betreffenden Kasus <...>” [ibidem: 377]; современное исследование этих образований см. в [Wandl 2022]).

В начале XX века в немецкоязычной традиции в том же значении появляется и термин *Univerbierung* (Кр. Леман отмечает, что первым его употребил Карл Бругман), позднее распространившийся и в других европейских языках. Правда, этот термин развил конкурирующее значение (возможно, сегодня даже более распространенное, по крайней мере в русистике и славистике): универбацией называют словообразовательный механизм, создающий однословные эквиваленты словосочетания (типа русск. *открытка* или *сгущёнка*), и такое понимание, например, преобладает в современных работах по русскому словообразованию (хотя русисты используют для этого и другие термины, например, «стяженная номинация», «компрессия» и др.). Единицы-«универбаты» типа *открытка*, безусловно, не являются вторичными словоформами — с точки зрения морфологии это обычные суффиксальные производные, нестандартной оказывается лишь их словообразовательная семантика. В целом, однако, в современных морфологических теориях термин *univerbation* (и его эквиваленты в других языках) все-таки применяется для описания процесса образования вторичных словоформ; как кажется, наиболее подробно история этого понятия, от Бругмана до работ последних лет, прослежена в статье [Lehmann 2020]. Определение Лемана (“Univerbation is the union of two syntagmatically adjacent word forms into one. It may be formalized as the downgrading of a syntactic to a morphological boundary” [ibidem: 206]) достаточно точно характеризует этот класс единиц; заметим, что Леман, как и Мельчук (хотя и без ссылок на его работы), рассуждает в терминах «понижения» линейно-синтагматического статуса. В центральных разделах статьи Лемана предпринимается попытка выделения различных типов «универбатов» (на синхронных и диахронических основаниях). Ниже мы предложим несколько модифицированную классификацию этих типов, отчасти учитывая предложения Лемана, отчасти опираясь на другие критерии.

Заметим, что Леман использует в основном материал романских и германских языков; о попытках анализа славянского материала говорилось выше. Между тем, вторичные словоформы — по-видимому, универсальное явление, и при этом отнюдь не маргинальное: их доля остается значительной в лексиконе практически любых языков, как с развитой аффиксальной морфологией (т.е. с большим количеством первичных словоформ), так и, что важно, и тех языков, где аффиксальная морфология отсутствует или не развита: в языках такого типа вторичные словоформы становятся слабо отличимы от обычных композитов и так или иначе ока-

зываются одним из важнейших классов производных лексем. Однако всесторонний типологический анализ вторичных словоформ в языках мира остается задачей для будущих исследований, мы же ниже в основном ограничимся примерами из хорошо известных языков. В русском языке, в частности, вторичных словоформ разного типа очень много, и их состав постоянно пополняется (подробнее об этом — в следующем разделе).

2. К классификации вторичных словоформ

Итак, как уже было сказано, вторичные словоформы являются морфологически неэлементарными образованиями, но, в отличие от основной массы морфологически неэлементарных словоформ, они не представляют собой сочетания одного или нескольких корней и аффиксов, полученных по правилам словообразования или словоизменения, т.е. не являются «производными» (в смысле «derived»). Вторичные словоформы характеризуются прежде всего тем, что диахронически восходят к сочетанию уже существующих в языке словоформ. При этом процесс образования вторичных словоформ — не аффиксация или словосложение, а, так сказать, «локальная морфологизация синтаксиса», т.е. превращение в минимальную автономную единицу исходного сочетания нескольких автономных словоформ (или словоформ и клитик). Все эти элементы в составе вторичной словоформы утрачивают изначально присущую им автономность (в том числе и частичную автономность, если речь идет о клитиках). Как почти всё в морфологии (да и в языке в целом), эта утрата — градуальное явление, отражающее разные этапы диахронического процесса морфологизации. Классификацию вторичных словоформ наиболее целесообразно строить с учетом степени морфологизации их составных элементов⁶ (как отчасти поступает и Леман). С точки зрения степени морфологизации «гранул»

⁶ Заметим, что с составными элементами вторичных словоформ связана серьезная терминологическая проблема: в арсенале общей морфологии нет удобных наименований для этих единиц. Действительно, как назвать части вторичных словоформ типа *сбоку*? Элемент *с-* очевидным образом нельзя объявить приставкой, тем более элемент *-у* — суффиксом. Диахронически — это самостоятельные единицы (словоформы, клитики, морфемы в составе словоформ), но каким термином обозначить их синхронно? Хороших решений этой проблемы нам не известно; ниже мы в порядке терминологического эксперимента предлагаем называть их (морфологическими) *гранулами*. Гранула — это любая морфема в составе вторичной словоформы, противопоставляемая аффиксам и корням первичных словоформ.

вторичных словоформ можно выделить по крайней мере три различных класса единиц; ниже мы будем называть их «агломераты», «амальгамы» и «фоссилии».

2.1. Агломераты

Наименее морфологизованным типом вторичных словоформ являются единицы, внешне неотличимые от сочетаний слов — однако эти «застывшие» сочетания на самом деле уже представляют собой единый просодический и морфологический комплекс⁷, элементы которого утратили синтаксическую самостоятельность и подвижность (а сам комплекс в семантическом отношении, как правило, приобрел идиоматичность). «Синтаксические агломераты» Ю.Д. Апресяна и Л.Л. Иомдина в основном (хотя и не целиком, см. ниже) принадлежат к этому типу, поэтому предложенный ими термин как раз для описания этого подкласса вторичных словоформ оказывается наиболее уместен. Помимо утраты автономности «гранулы» агломератов не затронуты никакими другими морфологическими процессами — и это отличает их от вторичных словоформ следующего класса (амальгам).

В русском языке класс агломератов очень велик и включает разнообразные структурные типы. К ним относятся по крайней мере следующие единицы:

(1) Сочетания предлогов с энклиноменами типа *зá = руку* или *пó = трое*: это хорошо известное в русской морфо(но)логии явление (о его происхождении и исторической эволюции см. [Зализняк 1985/2010: 283–285, Зализняк 1989/2010]), однако в описаниях современной русской морфологии не всегда отчетливо осознается, что подобные единицы являются в морфологическом отношении едиными словоформами. Действительно,

⁷ Ср. термин «просодический комплекс», используемый А.А. Зализняком для описания «универбации» (последний термин он использует со ссылкой на Х. Станга) двух тактовых групп, в результате которой новые единицы возникают «из словосочетаний путем одного лишь акцентного объединения, без замены целых словоформ их основами» [Зализняк 2010: 817]. Просодические комплексы типа *нó у кого* А.А. Зализняк относит не к словам, а к словосочетаниям, однако в нашей системе понятий они тоже являются вторичными словоформами, в составе которых предлог теряет отделимость и превращается в «гранулу». Тем самым, мы не признаем существования такого парадоксального явления, как «разрывные словоформы» типа *друг у друга* или *ни с кем* (выделяемые в [Зализняк 1967/2002: 53] вслед за подходом традиционной русистики): в рамках предлагаемой здесь терминологии и единицы типа *друг друга*, и единицы типа *друг у друга* — это всё вторичные словоформы-агломераты. О сочетаниях предлогов с местоимениями см. также ниже.

критерий отделимости, диагностирующий проклитический статус предлога, здесь не работает — при отделении от существительного ударного предлога этот последний перестает быть акцентоносителем (ср. *за = лѣвую рѹку*). Ударный предлог, тем самым, свойством отделимости не обладает. Морфологически слитный статус сочетаний предлогов с энклиноменами хорошо коррелирует с их семантикой: как правило, в таких случаях перед нами не обычные сочетания предлога и существительного, а адвербиальные выражения, где существительное употреблено нереперентно: так, в классическом литературном языке XIX–XX вв. *пѳд гору* — это примерно то же, что *вниз*⁸ (кстати, еще одна вторичная словоформа), *зѳ морем* в первом приближении означает просто ‘очень далеко’, и т.п. В сочетаниях с числительными предлоги фактически формируют новые морфологические ряды числительных: предлог *по* — дистрибутивные, предлог *на* — разделительные, и т.п.⁹

(2) Редуцированные выражения с простым (*быстро-быстро, сидите-сидите*) или модифицированным (*темным-темно, штучки-дрючки*) удвоением словоформы. Удвоению соответствует особая семантика (чаще всего, интенсивности, но также, например, ассоциативной множественности или, как в случае с удвоенным императивом, континуативности). По всем критериям, данные сочетания являются «слитными» образованиями, т.е. одним словом, а не двумя¹⁰ (так, в выражении *тушат-тушат* — *не потушат* представлено всего две словоформы); вообще, удвоенные словоформы являются одним из самых распространенных в языках мира типов вторичных словоформ.

⁸ В современном разговорном языке оно может получать противоположное значение ‘вверх’ (вытесняя классическое литературное *в гору*); впрочем, его адвербиальный характер сохраняется в любом случае.

⁹ Обычно в числе сочетаний с энклиноменами рассматривают также глагольные комплексы с *не* или *ни* типа *нѣ = пил*; однако современные русские отрицательные частицы, не обладая отделимостью (в силу строго контактной сферы действия), являются, в отличие от предлогов, не клитиками, а формантами [Плунгян 2009: 33–34]. Тем самым, они входят в состав словоформы в любом случае: изменение места ударения внутри отрицательных форм глаголов не меняет их линейно-синтагматический статус.

¹⁰ Один из рецензентов настоящей статьи заметил, что включение редуцированных выражений типа *тихий-тихий* в число словоформ может привести к тому, что «придется ввести правила склонения внутри словоформ». Такие правила, однако, действуют в любом случае — «внутреннее словоизменение» [Плунгян 2009: 24–25] (затрагивающее самые разные граммемы) свойственно многим типам вторичных словоформ в языках мира, и далеко не только редуцированным: ср. русск. *шестьдесят* ~ *шестидесяти* (внутренний падеж) или франц. *madame* ~ *mesdames* (внутреннее число).

(3) Многочисленные составные союзы, предлоги и наречия, образованные преимущественно из сочетаний предлогов с местоимениями: *из-за, зачем, затем, потом, отсюда, оттого, поэтому, почему, потому, потому что, так как, также, так сказать, тем самым, то есть, поскольку, докуда*, и т.п. Как можно видеть, здесь орфографическая практика также далеко не всегда отражает слитный статус этих образований. Большое количество и разнообразие таких единиц не случайно: местоимения (особенно указательные и вопросительные) — вообще один из самых продуктивных источников для образования вторичных словоформ. Большинство таких образований в высокой степени идиоматично и стремится к опрощению (тем самым попадая в класс фоссилий, о котором см. ниже), однако в приведенных примерах морфемное членение еще в той или иной степени сохраняется.

(4) Производные наречия и предлоги (этимологически — предложно-именные сочетания) типа *слева, наверх, впереди, заново, добела, сгоряча, по новой, в общем, в обнимку, по-хорошему, вокруг* и т.п. Это один из самых обширных классов вторичных словоформ в русском языке (который продолжает активно пополняться, что отмечалось во многих современных работах и фиксировалось в специальных словарях — здесь мы не имеем возможности привести подробный обзор соответствующей литературы); базой для него служат как существительные, так и прилагательные (в том числе краткие: наречные вторичные словоформы с их участием — самое массовое отражение того этапа в истории языка, когда они еще изменялись по падежам). Орфографические проблемы записи этого класса слов также хорошо известны — это один из самых непоследовательных разделов русской орфографии: ср. написания вида *под стать* и *подчас*, *с ходу* и *сплеча* (но *по плечу*), *вполцены* и *за полцены*, и т.п. Такая непоследовательность отражает интенсивность диахронических процессов морфологизации в этой зоне, от которых орфографическая кодификация неизбежно отстает.

Разумеется, агломераты в избытке представлены и во многих других языках: в массовом количестве они имеются в английском (где к ним, в числе прочего, относятся практически все композиты вида *blackbird* или *firewall*, многочисленные предложно-именные образования вида *afternoon, tonight, online* и т.п.); разнообразные примеры из других европейских и неевропейских языков рассматриваются в статье [Lehmann 2020] (где этот тип вторичных словоформ приблизительно соответствует тому, что Леман называет *phrasal univerbation*).

2.2. Амальгамы

В отличие от агломератов, амальгамы представляют собой такой тип вторичных словоформ, в которых отдельные входящие в их состав «гранулы», продолжая отождествляться как отдельные морфемы, претерпели более или менее значительные фонологические изменения — по аналогии с процессами, затрагивающими преобразования на морфемных границах корней и аффиксов первичных словоформ, здесь можно говорить о фузии. Таким образом, амальгамы отражают более продвинутую степень морфологизации синтаксических структур, чем «агглютинативные» агломераты. Именно к амальгамам логично отнести русские единицы типа *негде* (в работе [Апресян, Иомдин 1989/2010] эти два типа образований не различаются, поэтому термин «синтаксический агломерат» авторами применяется и к ним тоже; подробнее об этих единицах, в том числе в диахроническом аспекте, см. [Zimmerling 2024] и указанную там литературу).

Хорошо известными примерами амальгам являются сочетания предлогов с артиклями (или с местоимениями) в романских и германских языках. В большинстве случаев эти формы обнаруживают нерегулярную, но частичную фузию, так что фонологические фрагменты, соответствующие артиклю и предлогу, всё-таки выделяются. Таковы итальянские *nel* (< *in + il*), *nello* (< *in + lo*), *del* (< *di + il*), *dello* (< *di + lo*), *sul* (< *su + il*) и т.п., немецкие *im* (< *in + dem*), *am* (< *an + dem*), *zur* (< *zu + der*) и т.п. (немецкие формы, в отличие от итальянских, допускают и неслитное употребление, иногда с тонкой семантической разницей). Не менее известны «местоименные предлоги» островных кельтских языков, т.е. амальгамы предлогов и личных местоимений: ср. ирландские предлоги *ag* 'у' и *ar* 'на' в сочетании с местоимениями *mé* 'я', *tú* 'ты' и *é* 'он' соответственно: *agam*, *agat*, *aige*; *orm*, *ort*, *air*. Английский язык, в свою очередь, богат амальгамами личных местоимений и вспомогательных глаголов типа *I'm* или *you're*¹¹. В античной

¹¹ Вторичные словоформы такого типа ярко иллюстрируют тот тезис, что морфологизация не обязательно происходит внутри какой-либо «замкнутой» синтаксической группы — для этого достаточно просто частотного линейного контакта: элементы, ставшие «гранулами» вторичной словоформы, во многих случаях, как это сформулировали Ю.Д. Апресян и Л.Л. Иомдин, «на деле не являются даже словосочетаниями». Тем не менее, примеры образования амальгам из субъектных местоимений и (энклитических) вспомогательных глаголов типологически частотны; при дальнейшей морфологизации и полной потере членимости из таких единиц могут развиваться так называемые «местоименные серии» предикативных показателей (типичные, например, для языков Западной Африки), кумулятивно выражающие лицо/число субъекта и разные видовременные значения глагола.

грамматической традиции для определенного типа фузии внутри амальгам (связанной с преобразованием гласных на морфемных стыках) имелся даже специальный термин — *красис* (от греч. ‘смешение’); примером вторичных словоформ, образованных в результате красиса, могут служить, например, сочетания сочинительного союза с формами личных местоимений в древнегреческом вида *καὶ ἐγώ* (< *καὶ ἐγώ*) ‘и я; я тоже’.

В ряде случаев мы находим примеры не частичной, а полной фузии («сильной мегаморфы», по И.А. Мельчуку), когда в плане выражения амальгама утрачивает членимость, сохраняя ее лишь на уровне плана содержания. Такие «сильные амальгамы» особенно характерны для французского языка: к их числу относятся не только сочетания предлогов с артиклем типа *au* (< *à + le*), *aux* (< *à + les*) или *du* (< *de + le*), но и полностью нечленимые супплетивные формы, выражающие сочетание пространственных предлогов *à* и *de* с указательным местоимением: соответственно, *у* (≈ ‘в это; туда’ или ‘в этом; там’) и *en* (≈ ‘из этого, от этого; оттуда’); сочетание того же предлога *de* и относительного местоимения *qui* ‘кто, который’ передается супплетивной амальгамой *dont* (≈ ‘которого, у/от которого’; < поздн. лат. *de unde*).

2.3. Фоссилии

Наконец, несколько экзотическим термином «фоссилии» (привычным, впрочем, для палеонтологов) мы хотели бы обозначить результат последней стадии морфологизации вторичных словоформ, когда они утрачивают членимость в плане содержания и становятся, вообще говоря, внешне неотличимы от производных словоформ. Про первичные словоформы в таких случаях говорят, что они подвергаются опрощению — но и вторичные словоформы могут точно также проходить эту стадию. Утратившие семантическую членимость вторичные словоформы могут сохранять элементарную морфемную структуру с отдельными выделяемыми гранулами (для первичных словоформ такая членимость обычно называется субморфной) — но могут и не сохранять ее, если к началу процесса опрощения они уже были сильными амальгамами. В любом случае производную природу этих единиц можно установить только в результате диахронического этимологического анализа; синхронно они должны рассматриваться как производные.

Опростившихся вторичных словоформ в языках мира тоже много (но, возможно, их истинное число было бы много бóльшим, если бы этимоло-

гия языков, не обладающих письменной историей, была нам известна лучше). Характерные примеры из русского языка — *спасибо, будто, нету, вряд ли* или *доколе*; то, что их происхождение связано с контактной морфологизацией, еще достаточно очевидно, но их внутренняя структура уже непрозрачна — прежде всего вследствие идиоматизации. Фактически, это непрямые единицы словаря. Заметим, что к этому классу относится и большинство «проклитико-энклитических сращений» славянских языков типа *даже* (см. сноску 5), за исключением более поздних, таких как *чтобы*, где семантическая членимость сохраняется. Известным примером опростившейся вторичной словоформы является французский комитативный предлог *avec* (<лат. *apud hoc*, первоначально сочетание пространственного предлога с указательным местоимением).

В предшествующих классификациях (от Миклошича до Лемана) синхронная и диахроническая членимость не всегда строго противопоставляется (впрочем это и не всегда легко сделать); вместе с тем, отделение опростившихся вторичных словоформ от агломератов и амальгам, хотя бы отчасти сохраняющих членимость, полезно как в дескриптивном, так и в теоретическом отношении — хотя образуются они по одним и тем же принципам.

3. Особый случай: русские *н*-местоимения

В заключение рассмотрим одну специфическую группу слов русского языка, нетривиальных как с точки зрения синхронного, так и диахронического анализа. Понятие вторичной словоформы к этому сложному материалу до сих пор не применялось, и мы попробуем показать, как оно может работать при разных интерпретациях фактов.

Речь идет об особых формах косвенных падежей у местоимений 3-го лица (*он, она, оно, они*) с так называемым «протетическим» *н*- (ср. *ими* и *ними, её* и *неё*, и т.п.); ниже мы будем условно называть их назальными формами (этимологически начальное *н*- является, как известно, не фонетической протезой, а результатом переразложения ряда древних пространственных предлогов с назальной финалью, как **вън* и др., ср. [Hill 1977]). Назальные формы, в первом приближении, употребляются после (большинства) непрямых предлогов и в некоторых других случаях (о них ниже): так, в литературном языке нормативной является беспредложная форма *ими* (*доволен ими*), но *ними* после базовых предлогов (*с ними*,

под ними, за ними и т.п.); естественным образом, в предложном падеже существуют только алломорфы с начальным *н-*: *нѣм, ней* и *них*, соответственно. Как правило, по этой причине назальные формы в грамматиках называются «припредложными». Подробнее о правилах употребления этих форм и их грамматическом статусе в рамках русской падежной системы см. [Зализняк 1967/2002: 52–55, Булыгина 1977: 197–198] (где предлагается отличная от принятой А.А. Зализняком трактовка), [Иткин 2007] и др.; здесь мы не будем углубляться в эти детали. Отметим также целый ряд специальных исследований назальных форм, включающие исторический, сравнительный и корпусный материал: обстоятельную дескриптивную монографию [Hill 1977], статьи [Еськова 1989/2011] и особенно [Daniel 2015] (в последней содержится ряд важных для нас обобщений и диахронических наблюдений) и, наконец, диссертацию [Philippova 2018], хотя и выполненную в рамках формально-синтаксического подхода, но аккумулировавшую обширный материал русского и других славянских языков¹².

Как можно видеть, вниманием славистов назальные формы не обделены. Тем не менее, в отличие от истории, синхронной грамматической интерпретации и правил употребления этих форм, их линейно-синтагматический статус в предложных сочетаниях обсуждался в литературе гораздо меньше. Между тем вопрос об отделимости предлога от местоимения для нашей проблематики очень существен: в случае отделимости перед нами обычная предложная клитическая группа, в случае отсутствия таковой — еще один своеобразный тип вторичной словоформы. Местоимения, как мы уже знаем, часто оказываются компонентами вторичных словоформ, но в русском языке в других случаях формы косвенных

¹² Судьба назальных форм в разных славянских языках различна. Так, они полностью отсутствуют в белорусском и в большей части русских диалектов (в русском литературном языке их неупотребление является распространенным маркером просторечия, ср.: *Но учти, что Фишер очень ярок, — даже спит с доскою — сила в ём* [В. Высоцкий. *Честь шахматной короны* (1972)]). Напротив, во всех южнославянских языках у акцентно самостоятельных местоимений варьирование полностью устранено в пользу назальных форм, ср. эквивалент русского *я вижу его и её* в сербском, словенском и болгарском соответственно: *видим њега и њу, vidim njega in njo, виждам него и неа*. Ситуация в украинском и в западнославянских языках в целом сходна с литературным русским (но в польском алломорфическое варьирование отсутствует не только в предложном, но и в творительном падеже, где обобщились назальные формы типа *nim*). При этом в современном словенском сохраняются настоящие вторичные словоформы-амальгамы типа *nanj* ‘на него’ (сходные примеры имеются в старославянском).

падежей местоимений всё же обладают в предложных конструкциях слабой отделимостью, ср., например, *с этими ~ с одними этими*¹³ (где рестриktivное *один* оказывается одной из немногих автономных единиц, способных разделять предлог и местоимение — ту же роль могут еще выполнять *оба, весь/все* и *сам*, наиболее подробно рассмотренные в [Hill 1977]). Однако назальные формы к употреблению в контекстах с такими разделителями не склонны: допустимым вариантом фактически является только модель *с ними одними*, где контакт предлога с местоимением сохраняется; все остальные модели находятся на грани (и даже за гранью) приемлемости, ср. равно избегаемые *?с одними ними* и *?с одними ими*.

Эти простые аргументы как будто бы свидетельствуют в пользу того, что сочетания предлогов с назальными формами местоимений следует трактовать как локально морфологизованные, т.е. как вторичную словоформу-агломерат: их компоненты не обладают отделимостью, и при попытке отделить местоимение от предлога употребление начального *н-* становится невозможным. (Такая ситуация отчасти напоминает сочетания предлогов с энклиноменами, которые «разрушаются» при устранении контакта существительного и предлога.) На первый взгляд, и корпусные данные это наблюдение подтверждают: так например, в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) сочетание *с ним одним* встретилось более 120 раз, *с одним им* — только 2 раза (оба примера относятся к XIX веку), а сочетание *с одним ним* не встретилось ни разу. Подтверждение того, что употребление назальных форм строго коррелирует с контактной позицией предлога и местоимения, мы находим и в очень показательных примерах типа (2–3), где нарушение линейного контакта непосредственно в том же фрагменте текста вызывает утрату начального *н-*:

- (2) *Какова бы ни была наша литература, во всяком случае, её значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться; в ней, в одной ей, вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни.* [Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы (1856)]

¹³ Ср.: Знайте, сударыня, знайте, что я бы мог, что я бы сумел справиться с этим местом, и не то что с **одним этим** местом, а с десятью такими местами, потому что имею способности <...>. [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)].

- (3) *Я не говорю того, что я не верю в святость и непогрешимость церкви. Я даже в то время, как начал это исследование, вполне верил в нее, в одну ее (казалось мне, что верил).* [Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия (1880)]

Так же точно, в корпусе практически не встречаются примеры местоименных сочиненных групп, где предлог опускается при втором компоненте: в частности, для предлога с возможны только контексты вида *с ней* и *с ним*, но не **с ней* и *им* / **с ней* и *ним*.

Тем не менее в корпусе имеются и примеры другого рода (на что обращается внимание уже в [Hill 1977]). Они становятся относительно частотнее и заметнее приблизительно со второй половины XX в. (а первые такие случаи появляются уже в последней трети XIX в.): это контексты, в которых утрата непосредственного контакта с предлогом не вызывает исчезновения начального *н-*, ср. (4)–(5) с разделителем *один*:

- (4) *Думалось: на одном нем держится наше дело...* [Г. Радов. Кузьма-укрепитель // «Огонек». № 5, 1956] — здесь по нормам XIX века ожидалось бы *на нём одном*; в предложном падеже неназальная форма, как известно, невозможна
- (5) *У одного него вполне хватит сил, чтобы вынуть из дверной ручки лом, который засунул туда этот малохольный журналистишка...* [В. Громов. Компромат для олигарха (2000)] — здесь ожидалось бы *или у него одного*, или (маловероятное, но, как мы видели, по норме XIX века также не исключаемое) *у одного его*

Аналогично, начиная с конца XIX века появляются немногочисленные примеры сочиненных групп, в которых после союза *и* употребляется назальная форма, ср. один из ранних примеров (6) — наряду с (7)–(8), демонстрирующими более старую норму¹⁴:

¹⁴ В целом в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) на конструкцию вида *между X и им* имеется 145 примеров (в интервале 1810–2011), а на конструкцию вида *между X и ним* — всего 16 примеров (в интервале 1886–2010). Как можно видеть, тенденция к блокировке назальной формы после сочинительного союза продолжает устойчиво сохраняться и в современных текстах, но ее нарушения также имеются.

- (6) *И Софье Петровне открылось вдруг, что муж — ни при чем во всем этом роковом происшествии между ними; происшествие это должно было остаться тайною между нею и ним; а теперь мужу она все сама рассказала.* [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)]
- (7) *Между нами и им лежала пропасть, которую он сам не склонен был перейти.* [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]
- (8) *На сегодня я вызвал из Москвы фон Боля для того, чтобы переговорить совместно с Вуичем и им о рабочем вопросе.* [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1905)]

Еще один относительно экзотический тип контекста (упоминаемый в [Hill 1977] и [Philippova 2018]) — это предложные группы, разрывающиеся противопоставительной энклитикой *же*; и в этом случае модель *мимо же них* возникает относительно рано и, как кажется, в современном языке практически полностью вытесняет старую модель *мимо же их*: ср. показательные примеры (9)–(10), воспринимаемые как нейтральные. Обе модели, однако, редки, так как конструкция с разрывом предложной группы в современном узусе в целом избегается: в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2025 года) сочетания вида [предлог + *же* + *j*-] встречаются всего 8 раз (в интервале 1771–1930), сочетания вида [предлог + *же* + *n*-] — лишь немногим чаще, 13 раз (в интервале 1863–2000).

- (9) *И вот в третьей книге этого культурного журнала были напечатаны некоторые «драгоценные литературные материалы», среди же них нечто особенно драгоценное <...>* [И. А. Бунин. Из воспоминаний. Автобиографические заметки (1948)]
- (10) *Охранник в камуфляже уже на него косился. <...> Парней нигде не было видно. Мимо же него самого дважды за время поисков продефилировал милицейский наряд.* [А. Житков. Кафедра (2000)]

Появление всех этих примеров свидетельствует о том, что наблюдаемая морфосинтаксическая эволюция назальных форм более сложна и, так сказать, нелинейна. По-видимому, в их развитии можно постулировать несколько этапов. На этапе 1 («понижение») назальные формы в сочетании с предлогом теряют автономность и становятся компонентом вторичной словоформы (агломерата); при отделении от предлога употребление назальных форм в автономной позиции невозможно. Этот этап продолжается приблизительно до середины XIX в.

После этого этап 1 сменяется этапом 2 («частичное повышение»): при отделении от предлога в автономной позиции становится возможна конкуренция простой и назальной формы (такова в общих чертах и современная ситуация).

По-видимому, такой «диахронический поворот» должен объясняться тем, что на употребление назальных форм стали влиять и другие факторы, помимо дистантной/контактной позиции по отношению к предлогу. Вместо чисто морфонологического распределения стало возникать в каком-то смысле более простое грамматическое: “[T]he licensing of *n*-forms in Contemporary Russian should be conceived of in morphosyntactic rather than phonological terms” [Philippova 2018: 19].

В пределе (и это можно мыслить как гипотетический этап 3) назальная форма была бы способна распространиться вообще на все контексты косвенных падежей независимо от типа вершины, с полным устранением вариативности и утратой неназальной формы: в таком случае элемент *n* «поднимется» на морфемный уровень и станет показателем косвенной основы местоимения (повторив, тем самым, ситуацию в южнославянских языках). Конечно, сегодня мы еще очень далеки от такого сценария (и нет гарантии, что развитие пойдет именно в эту сторону), но некоторые подтверждения этой тенденции есть. Прежде всего это относительно недавняя (произошедшая в основном в течение XX века) экспансия назальных форм в зону компаративных конструкций, приведшая к нормативности сочетаний типа *лучше них* — при сохранении и старой нормы, предписывающей неназальный вариант (об этом процессе см. подробнее [Hill 1977, Иткин 2007, Philippova 2018]). Другим проявлением этой тенденции можно считать экспансию назальных форм в область производных предлогов — отыменных (*в честь него*) и отглагольных (*благодаря ему*) [Hill 1977; Сичинава 2018: 342–343; Philippova 2018]; в современном языке такие употребления практически нормативны и достаточно широко засвидетельствованы¹⁵. И хотя зона беспредложных аргументов глагола пока остается для назальных форм полностью недостижимой, диахронический переход от чисто морфонологических к морфосинтаксическим правилам распределения назальных и неназальных алломорфов в современном языке дей-

¹⁵ Ср.: <...> Невский отложил изучение синтоизма ради айнов. За три года он записал десятки айнских текстов, многие из которых сейчас известны только **благодаря ему**, изучал быт и верования айнов. [В.М. Алпатов. Языковеды, востоковеды, историки (2012)]; Мне потом в госпитале один политрук сказал, тоже контуженый, что в Кенигсберге немецкий философ похоронен, по фамилии Кант... **В честь него**, наверное, кант у фуражки называется... [А. Геласимов. Степные боги (2008)].

ствительно происходит. Такая тенденция приводит к образованию новой морфемной единицы, показателя косвенной основы — процесс, который в работе [Lass 1990] был назван “exaptation” (ср. также более подробный анализ этой проблематики в [Norde, Van de Velde 2016]). Некоторая более далекая аналогия этого процесса (на которую указывается и в [Daniel 2015]) — возникновение «второго предложного» и «второго родительного» падежей в период XIV–XVII вв. в результате перестройки системы склонения (также повлекшей за собой семантизацию бывших алломорфов). Однако в отличие от этого последнего семантизация начального *n*- в современном русском языке пока еще лишь достаточно слабо обозначена. Как бы то ни было, употребление назальных форм в современном языке безусловно нельзя объяснять одними лишь «контактными» факторами: «морфонологическая» модель распределения алломорфов, предложенная в [Булыгина 1977], наиболее точно соответствует фактам языка XIX века (для которых наиболее подходит и трактовка сочетаний назальных форм с предлогами как вторичных словоформ), но не фактам современного языка. Хотя и для современного языка контактный фактор остается важным, существенную роль начинает играть синтаксическая зависимость местоимения от предлога сама по себе — и, вслед за предлогом, от некоторых других (пока немногочисленных) единиц, способных управлять косвенным падежом местоимений¹⁶. Таким образом, материал русских назальных форм

¹⁶ Естественный вопрос (занимавший многих исследователей этого явления) — почему экспансия назальных форм затронула, за пределами предлогов, в первую очередь именно компаративы? Ответы, которые на этот вопрос давались, обычно сводятся к тому, что компаративы наиболее похожи на предлоги по своим синтаксическим свойствам. Рассуждая на эту тему, следует помнить, что пределом экспансии назальных форм могут выступать вообще все контексты синтаксической зависимости (как в южнославянских языках), поэтому достаточным может быть и более простое объяснение: компаративы — это ближайший крупный подкласс неглагольных вершин, глагольные вершины — следующая цель экспансии. Иными словами, можно осторожно предположить, что общим у компаративов с предлогами является лишь то, что и те и другие не относятся к глаголам. Попытки найти что-то еще за пределами этой констатации выглядят, как кажется, не слишком убедительными: так, С. Хилл [Hill 1977] тратит много усилий, доказывая, что компаративы — это особый подкласс предлогов, а Т. Филиппова [Philippova 2018], аргументированно опровергая эту трактовку, взамен предлагает считать, что назальные формы всегда «лицензируются предложной вершиной (P-head)». Но, кажется, такой анализ не более предпочтителен: в нем можно увидеть логическую циркулярность и то, что иногда называют «реификацией конструкта». Действительно, те предлоги, которые назальных форм не требуют, предложной вершиной не признаются, а у компаративов, которые сочетаются с назальными формами, выделяется «нулевая предложная вершина», безотказный флогистон формального синтаксиса (естественно, что у тех компаративов, которые с назальными формами не сочетаются, нулевой предложной вершины не оказывается).

представляет чрезвычайно любопытный пример двунаправленного диахронического развития: начавшаяся морфологизация предложно-местоименных сочетаний, достигнув пика к середине XIX века, сменяется их постепенной деморфологизацией с одновременной тенденцией к семантизации алломорфического варьирования.

4. Вместо заключения

Подводя итоги, можно сказать, что понятие «вторичной словоформы» заполняет важную лакуну в инвентаре базовых единиц общей морфологии и может быть полезно и в теоретическом, и в дескриптивном плане. Вторичные словоформы, в отличие от первичных, или базовых — это не сочетания корней и аффиксов, образованные по морфологическим правилам конкретных языков. Их источник — не морфология, а дискурс: единицы этого типа возникают в результате морфологизации частотных контактных сочетаний словоформ, полностью утрачивающих автономность и превращающихся в жестко зафиксированные в составе вторичной словоформы «гранулы»; одновременно возможна идиоматизация получающихся комплексов, и в этом случае вторичные словоформы оказываются одним из средств пополнения словаря.

Даже беглый обзор позволяет убедиться, что в языках мира таких единиц очень много, и они образуют большую и неоднородную совокупность. Попытка их типологизации кажется наиболее продуктивной в диахроническом измерении — в этом случае удается выстроить шкалу морфологизации, на одном полюсе которой располагаются жесткие линейные комплексы — «агломераты», а на другом — подвергающиеся фузии «амальгамы»; утрата семантической членимости у агломератов и амальгам ведет к возникновению фоссилей — это производные единицы словаря, являющиеся вторичными словоформами только этимологически.

Список источников / References

- Апресян, Иомдин 1989/2010 — Апресян Ю.Д., Иомдин, Л.Л. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Ю.Д. Апресян (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСК, 2010. С. 59–113. [Apresyan Yu.D., Iomdin, L.L. Konstruktsiya tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografiya [Construction of the type *negde spat'* 'there is no place to sleep': syntax, semantics, lexicography]. Yu.D. Apresyan (ed.). Teoreticheskie problemy russkogo sin-taksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya. M.: YaSK, 2010. Pp. 59–113.]

- Булыгина 1977 — Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. [Bulygina T.V. Problemy teorii morfologicheskikh modelei [Issues in the theory of morphological models]. М.: Nauka, 1977.]
- Еськова 1989/2011 — Еськова Н.А. 1989/2011. Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами // Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: ЯСК, 2011. С. 210–219. [Es'kova N.A. Formal'nye osobennosti nekotorykh predlozhnykh sochetanii s mestoimennymi slovami [Formal features of some prepositional combinations with pronominal words]. Izbrannye raboty po rusistike: Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya. М.: YaSK. Pp. 210–219.]
- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение // Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: ЯПК, 2002. С. 1–370. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu). М.: YaRK, 2002. Pp. 1–370.]
- Зализняк 1973/2002 — Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: ЯПК, 2002. С. 613–647. [Zaliznyak A.A. O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyakh [On understanding the term “case” in linguistic descriptions]. Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu). М.: YaRK, 2002. Pp. 613–647.]
- Зализняк 1985/2010 — Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, 1985/2010. С. 8–430. [Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoj aktsentuatsii k russkoi [From Proto-Slavic to Russian accentuation]. Trudy po aktsentologii. Tom I. М.: YaSK, 1985/2010. Pp. 8–430.]
- Зализняк 1989/2010 — Зализняк А.А. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, 1989/2010. С. 804–816. [Zaliznyak A.A. Perenos udareniya na proklitiki v starovelikorusskom [Stress shift to proclitics in Old Great Russian]. Trudy po aktsentologii. Tom I. М.: YaSK, 1989/2010. Pp. 804–816.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008. [Zaliznyak A.A. Drevnerusskie enklitiki [Old Russian enclitics]. М.: YaSK, 2008.]
- Зализняк 2010 — Зализняк А.А. Ударение просодических комплексов в истории русского языка // Труды по акцентологии. Том I. М.: ЯСК, С. 817–826. [Zaliznyak A.A. Udarenie prosodicheskikh kompleksov v istorii russkogo yazyka [Stress of prosodic complexes in the history of Russian]. Trudy po aktsentologii. Tom I. М.: YaSK, Pp. 817–826.]
- Иткин 2007 — Иткин И.Б. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007. [Itkin I.B. Russkaya morfonologiya [Russian morphophonology]. М.: Gnozis, 2007.]
- Мельчук 1997 — Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том I. Введение; Часть первая: Слово. / Пер. с франц. Москва; Вена: Прогресс; ЯПК; Wiener Slawistischer Almanach, 1997. [Mel'chuk I.A. Kurs obshchei morfologii. Tom I. Vvedenie; Chast' pervaya: Slovo [Course of general morphology. Volume 1: Introduction; Part 1: The word]. Translated from French. Moscow; Vena: Progress; YaRK; Wiener Slawistischer Almanach, 1997.]
- Николаева 2008 — Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика («история блуждающих частиц»). М.: ЯСК, 2008. [Nikolaeva T.M. Neparadigmaticheskaya lingvistika («istoriya bluzhdayushchikh chastits») [Non-paradigmatic linguistics (“a history of wandering particles”)]. М.: YaSK, 2008.]

- Плунгян 2009 — Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / изд. 3, испр. и доп. М.: Либроком, 2009. [Plungian V.A. Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology: An introduction]. 3rd ed. M.: Librokom, 2009.]
- Плунгян 2021 — Плунгян В.А. Геометрия русского словоизменения: о традиционных и нетрадиционных таблицах склонения // Сборник Матице Српске за славистику 100, 2021. С. 187–203. [Plungian V.A. Geometriya russkogo slovoizmeneniya: o traditsionnykh i netraditsionnykh tablitsakh skloneniya [Geometry of Russian inflection: on traditional and non-traditional declension tables]. Zbornik Matice Srpske za slavistiku 100, 2021. Pp. 187–203.]
- Сичинава 2018 — Сичинава Д.В. Предлоги // Е.Р. Добрушина и др. (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 329–373. [Sitchinava D.V. Predlogi [Prepositions]. E.R. Dobrushina et al. (eds.). Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vypusk III: Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy. SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 329–373.]
- Arnon, Snider 2010 — Arnon I., Snider N. 2010. More than words: Frequency effects for multiword phrases. *Journal of Memory and Language*. 2010. 62:1. Pp. 67–82.
- Bybee 2007 — Bybee J. *Frequency of use and the organization of language*. Cambridge: Cambridge U. Press, 2007.
- Daniel 2015 — Daniel M. Stem-initial alternation in Russian third person pronouns: variation in grammar. *Computational linguistics and intellectual technologies*. Proceedings of the “Dialogue, 2015” conference. 2015. Vol. I. Pp. 95–103.
- Haspelmath 2021 — Haspelmath M. Bound forms, welded forms, and affixes: Basic concepts for morphological comparison. *Voprosy Jazykoznanija*. 2021. 1. Pp. 7–28.
- Haspelmath 2023 — Haspelmath M. Defining the word. *Word*. 2023. 69:3. Pp. 283–297.
- Haspelmath 2024 — Haspelmath M. Four kinds of lexical items: Words, lexemes, inventorial items, and mental items. *Lexique*. 2024. 34. Pp. 71–95.
- Hill 1977 — Hill S.P. *The N-factor and Russian prepositions: their development in 11th-20th century texts* (Slavistic Printings and Reprintings 118). The Hague: Mouton, 1977.
- Lass 1990 — Lass R. How to do things with junk: exaptation in language evolution. *Journal of Linguistics* 1990. 26:1. Pp. 79–102.
- Lehmann 2020 — Lehmann Ch. Univerbation. *Folia Linguistica Historica* 2020. 41:1. Pp. 205–252.
- Mel’čuk 1993 — Mel’čuk I.A. *Cours de morphologie générale. Introduction et 1-ère partie: le mot*. Montréal: Presses de l’U. de Montréal, 1993.
- Miklosich 1875 — Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 2: Stammbildungslehre*. Wien: Braumüller, 1875.
- Norde 2009 — Norde M. *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford U. Press, 2009.
- Norde, Van de Velde 2016 — Norde M., Van de Velde F. (eds.). *Exaptation and Language Change* (Current Issues in Linguistic Theory 336). Amsterdam: Benjamins, 2016.
- Philippova 2018 — Philippova T. *Prepositional Repercussions in Russian: Pronouns, Comparatives and Ellipsis*. Doctoral dissertation, Ben-Gurion U. of the Negev, 2018.
- Wandl 2022 — Wandl F. Trapped morphology and the rise of the Slavic definite adjective inflection: a reexamination. *Folia Linguistica Historica* 2022. 43:1. Pp. 1–31.
- Zimmerling 2024 — Zimmerling A. Microsyntax meets macrosyntax: Russian *neg*-words revisited. *Russian Linguistics* 2024. 48, Art. 6.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 16.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Владимир Александрович Плунгян

д.ф.н., проф., академик РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН / Институт языкознания РАН

Vladimir Plungian

Prof. Dr., RAS full member; Vinogradov Russian Language Institute RAS / Institute of Linguistics RAS

plungian@iling-ran.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.78.83.006

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Ю.В. Сеницына

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье исследуются особенности маркирования компаративных конструкций в татышлинском говоре удмуртского языка (<пермские <уральские). Показано, что для маркера стандарта *-les'* (GEN2) доступны стандарты сравнения, выраженные не только именными группами, но и послеложными группами, некоторыми наречиями, рядом нефинитных глагольных форм. Именные стандарты сравнения могут быть связаны с объектами в косвенных позициях и при этом сохранять внутреннее падежное оформление, что соответствует стратегии с производным падежом по классификации Л. Стассена. Также в статье предложен вариант анализа компаративных конструкций с сохранением клаузуальной структуры в стандарте, что позволяет объяснить источник внутреннего маркирования.

Ключевые слова: синтаксис, компаративные конструкции, удмуртский язык

Для цитирования: Сеницына Ю.В. Компаративные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 105–120. doi:10.37632/PI.2024.78.83.006

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN TATYSHLY UDMURT

Julia Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article studies standard marking strategies in comparative constructions in Tatyshly Udmurt (<Permic <Uralic). The standard marker *-les'* (GEN2) is available not only with nominal standards, but also with postpositional phrases, some adverbs, as well as a number of non-finite verb forms. Nominal standards of comparison can be associated with the oblique objects and retain the internal case form. This corresponds to the derived-case comparatives, according to Stassen's classification. The paper also proposes an analysis of comparative constructions with clausal structure preserved, so its predicate remains the source for the internal case marking.

Keywords: syntax, comparative constructions, Udmurt

For citation: Sinitsyna J. Comparative constructions in Tatyshly Udmurt. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 105–120. (In Rus.). doi:10.37632/Pl.2024.78.83.006

1. Введение

Объектом настоящего исследования являются компаративные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка (<пермские <уральские).

- (1) *pet'a* *vas'a-les'* *d'užžät-(ges)*.
 Петя Вася-GEN2 ВЫСОКИЙ-CMPR
 'Петя выше Васи.'

Основными элементами сравнительных конструкций являются: объект сравнения (*pet'a*), параметр сравнения (*d'užžät*) и стандарт (эталон) сравнения (*vas'a*). Стандарт сравнения оформляется специальным маркером — показателем второго генитивного падежа *-les'* в (1). Параметр сравнения, выраженный прилагательным или наречием, может факультативно маркироваться показателем *-ges*, семантика которого, однако, выходит за рамки семантики обычного компаративного оператора, см. [Черемисинова 2022] о *-ges* в бесермянском удмуртском; [Синицына 2022а, 2022б] о функционировании *-ges* в татышлинском говоре удмуртского языка.

Статья посвящена исследованию структурных особенностей стандарта с опорой на теоретические представления о структуре компаративных конструкций. Нет оснований считать фактор наличия/отсутствия *-ges* на параметре сравнения влияющим на допустимость разных стратегий маркирования стандарта, поэтому далее собственные полевые примеры выровнены по эксплицитному маркированию параметра.

Данные собраны в ходе полевой работы в Татышлинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы и с. Старокальмиярово) в 2021-2022 гг. Также привлекался материал экспедиционного корпуса объемом на момент написания статьи около 48,6 тыс. словоупотреблений¹. Примеры, полученные при анкетировании, приводятся без помет в фонологической транскрипции. В примерах из других источников сохранена система записи.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 обсуждаются необходимые теоретические аспекты анализа, а также приводятся данные предыдущих исследований по компаративным конструкциям в удмуртском языке. Раздел 3 посвящен разбору полевых данных; в разделе 4 обсуждаются результаты и перспективы дальнейших исследований. Краткие итоги подведены в разделе 5.

2. Исследования компаративных конструкций в теоретической и типологической перспективе

2.1. Теоретические предпосылки

Параметром типологического варьирования компаративных конструкций, согласно Л. Стассену, является способ оформления стандарта сравнения [Stassen 1985]. В компаративных конструкциях с **фиксированным падежом** (fixed-case comparatives) оформление стандарта сравнения не зависит от синтаксической позиции объекта сравнения (2). Наоборот, в конструкциях с **производным падежом** (derived-case comparatives) (3) сохраняется внутреннее оформление стандарта сравнения, соответствующее позиции объекта сравнения в главной части.

(2) *Я люблю сестру больше брата.* = (3a) и (3b)

(3) а. *Я люблю сестру больше, чем брат (любит сестру).*

б. *Я люблю сестру больше, чем (я люблю) брата.*

Классификацию Л. Стассена можно соотнести с разделением стандартов сравнения на клаузальные и фразовые в зависимости от их структуры. В структуре **клаузального** стандарта, согласно традиционным подходам к

¹ <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>

анализу, имеется финитная клауза, независимо от того, получает ли предикат фонологическое выражение. В этом случае форма имени в группе стандарта сравнения зависит от этого предиката (как правило, совпадающего с предикатом в матричной клаузе) и, как следствие, соотносится с формой объекта сравнения, см. [Bresnan 1973; Heim 2000] и др.

Прямой анализ **фразовых** стандартов (direct analysis) предполагает, что маркер стандарта вводит именную группу, то есть структура совпадает с поверхностным выражением. Стандарт таким образом имеет фиксированную форму независимо от объекта сравнения, и эта форма определяется непосредственно маркером стандарта, а не предикатом, см. [Bhatt, Takahashi 2011, Berezovskaya, Hohaus 2015] и др.

Свойства компаративов с фразовыми и клаузальными стандартами суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Свойства компаративов с фразовыми и клаузальными стандартами

Свойство	Фразовые компаративы	Клаузальные компаративы
Доступная синтаксическая позиция объекта сравнения	SU > DO > IO > ?OBL	нет ограничений
Фиксированное оформление стандарта	да	нет
Способ выражения стандарта	только именные группы	нет ограничений

Рассмотрим эти свойства подробнее. Ожидается, что фразовые стандарты сравнения в меньшей степени допустимы при сравнении с объектом, занимающим косвенную позицию (например, инструментальные обстоятельства): *??Я ем лапшу палочками чаще **вилки**, но Я ем лапшу палочками чаще, **чем вилкой**.*

Фразовые стандарты сравнения соответствуют компаративам с фиксированным падежом по Л. Стассену, следовательно, не ожидается сохранение внутреннего оформления стандарта, соответствующего форме объекта сравнения. При фразовой структуре допускаются только именные группы, в отличие от клаузальной, при которой нет ограничений на способ выражения стандарта. Например, передать смысл выражения *Петя подарил больше конфет Маше, чем Ваня* — *Саше* при помощи стратегии с фразовым стандартом сравнения затруднительно.

2.2. Удмуртские компаративные конструкции

Грамматические описания удмуртского языка выделяют следующие маркеры стандарта: падеж с показателем *-лэсь*, имеющий аблативные функции, а также маркирующий обладающего в позиции прямого дополнения, и послелог *сярысь* 'о' [ГСУЯ 1962: 97, 138; Winkler 2001: 40].

В исследовании, проведенном преимущественно на материале бесермянского идиома, родственного татышлинскому удмуртскому, М.А. Холодилова отмечает употребление маркера стандарта *č'em*, заимствованного из русского языка [Холодилова 2015]. В данной работе высказывается предположение о том, что на выбор маркера стандарта может влиять синтаксическая позиция объекта сравнения, с которым связан стандарт. За основу была взята иерархия доступности именных групп [Comrie, Keenan 1979: 650]: SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP, при этом позиция OCOMP не рассматривается, а для косвенных объектов вслед за [Keenan, Comrie 1979] взяты две семантические группы — инструменты и локативные адъюнкты.

В результате было показано, что конструкции с производным падежом (оформленные маркерами *s'arâš'* и *č'em*) грамматичны в случае сравнения косвенных объектов (4)–(5).

(4) бесермянский

<i>mân-â-m</i>	<i>târ-o</i>	<i>tros-ges</i>	<i>č'em</i>
я-DAT-POSS.1SG	клясть-PRS.3PL	много-CMPR	чем

<i>mân-a-m</i>	<i>drug-e-lâ.</i>
я-GEN-POSS.1SG	друг-POSS.1SG-DAT

'Мне платят больше, чем моему другу.' [Холодилова 2015]

(5) бесермянский

<i>pin'al</i>	<i>pin'â-jen</i>	<i>š'i-š'k-e</i>	<i>d'eš'-ges</i>
ребенок	ложка-INS	есть-DETR-PRS.3	хороший-CMPR

<i>vilka-jen</i>	<i>š'arâš'.</i>
вилка-INS	о

'Ребенок ест ложкой лучше, чем вилкой.' [Холодилова 2015]

Конструкции с фиксированным падежом в бесермянском тяготеют к более высоким позициям, как, например, позиция прямого или непрямого объекта (адресата) (6).

(6) бесермянский

<i>mān-ā-m</i>	<i>tār-o</i>	<i>drug-e-lāš'</i>	/	<i>*drug-e-lā-lāš'</i>
я-DAT-POSS.1SG	класть-PRS.3PL	друг-POSS.1SG-GEN2		друг-POSS.1SG-DAT-GEN2

tros-ges.

много-CMPR

‘Мне платят больше, чем моему другу.’ [Холодилова 2015]

Важно отметить, что в (6) стратегия с производным падежом запрещена; кроме того, М.А. Холодилова отмечает сниженную приемлемость этой стратегии для *-lāš'* в случае сравнения косвенных локативных и инструментальных объектов. В [Arkhangelskiy, Usacheva 2018: 121] отмечается возможность *-lāš'* оформлять стандарты сравнения в конструкциях с производным падежом, хотя авторы не приводят конкретного примера из бесермянского идиома.

В исследовании Т.А. Архангельского и М.Н. Усачёвой отмечается, что двойное падежное маркирование компаративного стандарта сравнения не имеет ограничений на первый, внутренний, падеж и как правило отсутствует поссессивный маркер 3 лица единственного числа, что отличает данный контекст от других случаев двойного падежного маркирования [Arkhangelskiy, Usacheva 2018: 122]. В статье также делается утверждение, что двойное падежное маркирование на стандарте сравнения является причиной т.н. компаративного удаления (comparative deletion, термин [Bresnan 1973], см. также [Lechner 2008]) — обязательного процесса элидирования элемента в группе стандарта сравнения, совпадающего с элементом в главной клаузе.

Компаративные конструкции с двойным падежным маркированием зафиксированы и в литературном удмуртском. Г.А. Некрасова объясняет данный феномен эллипсисом «компонентов причастного оборота, выступавшего в качестве атрибута компонента стандарта сравнения, или элидирования компонентов конструкции с отглагольным существительным» [Некрасова 2018: 294]. То есть предлагается восстанавливать в группе стандарта сравнения глагольную группу, которая почти полностью совпадает с глагольной группой из главной части предложения за исключением сравниваемых частей. В примере (7) в стандарте сравнения Г.А. Некрасова восстанавливает причастный оборот «людьми, живущими в городе», часть которого совпадает с предикатом и субъектом в главной части.

(7) литературный удмуртский

а.	<i>Нош</i>	<i>калык</i>	<i>отын</i>	<i>ул-э</i>	<i>город-ын-лэсь</i>	<i>но</i>
	а	народ	там.LOC	жить-PRS.3SG	город-LOC-GEN2	ADD

ӝеч...

хороший

‘А народ там живет лучше, чем даже в городе...’ (Удмурт дунне, 17. 09. 2008; цит. по [Некрасова 2018: 293])

б.	<i>город-ын-лэсь</i>	<	<i>город-ын</i>	<i>ул-йсь</i>	<i>калык-лэсь</i>
	город-LOC-GEN2		город-LOC	жить-PTCP.ACT	народ-GEN2

‘по сравнению с живущими в городе людьми’ [Некрасова 2018: 294]

Таким образом, на основании данных других родственных идиомов мы можем предположить, что в татышлинском говоре удмуртского языка для компаративных конструкций с маркером стандарта *-les'* также будет доступна стратегия с двойным падежным маркированием.

3. Полевые данные

В этом разделе будут рассмотрены компаративные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка с маркером *-les'*. Некоторые носители отмечают, что стратегия с послелогом *s'arâs' 'o'* является литературной, поэтому далее она не рассматривается подробно. Также при необходимости будут приведены примеры с заимствованным из русского маркером *ĉ'em*, распространенным в данном идиоме и однозначно допускающимся носителями в конструкциях с финитным стандартом сравнения.

Стратегия выражения стандарта с фиксированным оформлением вторым генитивом далее условно обозначена как N-GEN2; производная стратегия с сохранением внутреннего падежного или послеложного оформления, будет обозначаться как N-CASE-GEN2. Прежде всего мы рассмотрим допустимость маркера *-les'* при стандартах, выраженных не именными группами (раздел 3.1), после чего обсудим ограничения на позицию контролера именного стандарта в главной части (раздел 3.2).

3.1. Конструкции с неименными стандартами сравнения

Прежде всего будет проверена возможность *-les'* оформлять неименные стандарты сравнения, то есть выраженные глагольными формами, наречиями, а также послеложными группами.

Для проверки совместимости маркеров стандарта со стандартами-наречиями нас интересовали в первую очередь непроизводные наречия, форма которых не могла бы повлиять на доступность падежного оформления. Например, часть наречий, согласно [ГСУЯ 1962: 294], представляют собой «исторически застывшие формы имен и местоимений в отдельных косвенных падежах» — местного, *отын* ‘там’, творительного, *лашки-нэн* ‘галопом’. Следовательно, можно предположить, что это свойство может повлиять на доступность таких наречий в стандартах сравнения, оформленных *-les'*.

Как показано в примере (8), непроизводное наречие *ber* ‘поздно’ не может быть стандартом сравнения при *-les'*. В отличие от него, производные наречия *otân* ‘там’, сохраняющее форму локативного падежа, и *az'lo* ‘прежде’, имеющее в составе атрибутивизатор, в примерах (9)–(10) допускают оформление вторым генитивом в качестве маркера стандарта.

- (8) **mon* *vaz'* *ber-les'* *ättä-ges* *sult-is'ko-Ø*
 я рано поздно-GEN2 часто-CMPR встать-PRS-1SG
 Ожид. зн.: ‘Я чаще встаю рано, чем поздно.’

- (9) *otân-les'* *tatân* *šunât-ges*
 там.LOC-GEN2 здесь.LOC теплый-CMPR
 ‘Здесь теплее, чем там.’

- (10) *mon* *al'i* *az'-lo-les'* *danak-ges* *uža-s'ko-Ø*
 я сейчас перед-ATTR-GEN2 много-CMPR работать-PRS-1SG
 ‘Сейчас я работаю больше, чем раньше.’

Примеры (11)–(13) показывают, что *-les'* как маркер стандарта может присоединяться к некоторым глагольным формам — деепричастию на *-sa* (11), глагольному имени на *-on* (12), форме на *-(e)t*, омонимичной для номинализаций и причастий прошедшего времени (13). Финитная форма, а также инфинитив не могут быть в стандарте сравнения, оформленными вторым генитивом (12)–(13).

- (11) *mon* *vâdâ-sa* *iz'â-nâ* *puks'â-sa-les'* *ž'ârat-is'ko-Ø-ges*
 я лежать-CVB спать-INF сесть-CVB-GEN2 любить-PRS-1SG-CMPR
 ‘Я больше люблю спать лежа, чем сидя.’

(12) *mon s'îâ-nâ iz'-on-les' / *iz'â-nâ-les' ž'arat-is'ko-Ø-ges*
 я есть-INF спать-VN-GEN2 спать-INF-GEN2 любить-PRS-1SG-CMPR
 'Я люблю есть сильнее, чем спать.'

(13) *pet'a vas'a-len ekt-em-ez-les' /*
 Петя Вася-GEN танцевать-NMLZ-POSS.3SG-GEN2

**vas'a ekt-e-les' alama-ges kârž'a-Ø*
 Вася танцевать-PRS.3SG-GEN2 плохой-CMPR петь-PRS.3SG
 'Петя поет хуже, чем Вася танцует.'

При анализе употребления маркеров со стандартами, выраженными послеложными группами, был взят несерийный послелог *s'arâs' 'o'* (14), а также серийный послелог *ber-e* (зад-ILL) (15). Как видно из примеров, использование *-les'* в качестве маркера стандарта возможно в обоих случаях при производной стратегии с сохранением послеложного оформления.

(14) *pogoda s'arâs' už s'arâs'-les' danak-ges*
 погода о работа о-GEN2 много-CMPR

vera-s'k-is'ko-Ø.
 говорить-DETR-PRS-1SG
 'Я говорю о погоде чаще, чем о работе.'

(15) *mon mašina-me korka az'-e korka ber-e-les'*
 я машина-ACC.POSS.1SG дом перед-ILL дом зад-ILL-GEN2

ättä-ges kel't-is'ko-Ø
 часто-CMPR оставить-PRS-1SG
 'Я ставлю машину перед домом чаще, чем за домом.'

3.2. Конструкции с именными стандартами сравнения

Для анализа особенностей оформления именных стандартов сравнения мы вслед за исследованием бесермянских компаративов в [Холодилова 2015] взяли за основу иерархию доступности именных групп [Comrie, Keenan 1979: 650] с некоторыми изменениями. В частности, мы также не рассматривали позицию стандарта сравнения, а также не включили в итоговое исследование стандарты, связанные с генитивным посессором. Последняя позиция выбивается из остального списка тем, что является зависимым внутри именной группы, в то время как другие позиции рассматриваются как зависимые на уровне предиката [Саха 2008: 273]. Таким об-

разом, в данном разделе мы рассмотрим возможности стандартов, маркированных *-les'*, контролироваться объектами сравнения, занимающими следующие синтаксические позиции: SU > DO > IO > OBL.

В (16) продемонстрирована единственно возможная фиксированная стратегия при сравнении с прямым объектом. В то же время пример (16) также может быть проинтерпретирован как сравнение с подлежащим.

(16) *pet'a mon-e t̃n'es't-âd / *ton-e-les' katâ-ges*
 Петя я-ACC ты.GEN2-POSS.2SG ты-ACC-GEN2 сильно-CMPR

ž'arat-e.

любить-PRS.3SG

DO: 'Петя любит меня больше, чем тебя.'

SU: 'Петя любит меня больше, чем ты.'

Стандарт сравнения может соотноситься с непрямым объектом (17), при этом допустима как стратегия с фиксированным падежом, так и стратегия с производным падежом.

(17) *m̃ñm vas'a-les' / vas'a-l̃-les' ättä-ges zvonit'*
 я.DAT Вася-GEN2 Вася-DAT-GEN2 часто-CMPR звонить

kar-o

делать-PRS.3PL

'Они звонят мне чаще, чем Васе.'

Следуя за [Холодилова 2015], мы отдельно рассмотрели контексты с косвенным объектом, имеющим семантическую роль инструмента или локативного объекта. В случае сравнения с инструментальным косвенным объектом (18) однозначно допустима стратегия N-CASE-GEN2, в то время как стратегия N-GEN2 оказалась приемлемой не для всех опрошенных носителей.

(18) *ñl̃pi pun'i-jen vilka-en-les' / ?vilka-les' äjbät-ges*
 мальчик ложка-INS вилка-INS-GEN2 вилка-GEN2 хороший-CMPR

s'i-e

есть-PRS.3SG

'Ребенок ест ложкой лучше, чем вилкой.'

Рассмотрим далее компаративные конструкции с локативными объектами. В ходе исследования были проверены конструкции с косвенными

объектами в локативном (-*ân*) и иллативном (-*e*) падежах как наиболее распространенных среди инвентаря местных падежей татышлинского говора удмуртского языка². Обе стратегии оформления стандарта сравнения допустимы в случае, если стандарт соотнесен с объектом в одном из этих падежей (19)–(20).

(19) *mon gorod-ân gurt-ân-les' / gurt-les' kema-ges*
я город-LOC деревня-LOC-GEN2 деревня-GEN2 долго-CMPR

ul-is'ko-Ø.

жить-PRS-1SG

‘Я в городе живу больше, чем в деревне.’

(20) *mon škola-je lavka-les' / lavka-e-les' tros-ges*
я школа-ILL shop-GEN2 магазин-ILL-GEN2 много-CMPR

vetl-is'ko-Ø.

ходить-PRS-1SG

‘Я хожу в школу чаще, чем в магазин.’

В таблице 2 суммированы результаты по допустимости стратегий оформления стандарта сравнения в зависимости от синтаксической позиции контролирующего объекта сравнения.

Таблица 2. Допустимость фиксированной и производной стратегий при маркере стандарта *-les'*

Синтаксическая позиция	N-GEN2	N-CASE-GEN2
SU	OK	—
DO	OK	*
IO	OK	OK
OBL (INS)	?	OK
OBL (LOC)	OK	OK

Простое и двойное падежное маркирование нельзя развести в случае сравнения с подлежащим, так как номинатив в удмуртском языке не имеет

² Количество вхождений имен в локативном падеже в корпусе татышлинского говора на момент написания статьи — 1569; количество вхождений имен в иллативе — 2562. Следующие по количеству вхождений падежи — элатив (-*is'*) и пролатив (-*ti*) — насчитывают каждый около 200 вхождений. Впрочем, стоит отметить, что в корпусе отсутствует снятие омонимии и в реальности интересующих нас вхождений меньше.

фонологического выражения. Мы относим такие случаи к стратегиям с фиксированным падежом вслед за исследованием бесермянских компаративов в [Холодилова 2015].

Таким образом, наши данные подтвердили выдвинутую гипотезу о доступности производной стратегии для маркера стандарта *-les'* в татышлинском говоре удмуртского языка. Из таблицы 2 видно, что данная стратегия не только возможна, но и в некоторых случаях предпочтительна для стандартов, связанных с объектами сравнения, занимающими позицию косвенных объектов. В то же время стратегия с фиксированным падежом оказывается единственной возможной при сравнении с прямым объектом.

В следующем разделе мы обсудим полученные результаты в контексте предпочтительного анализа татышлинских компаративных конструкций.

4. Обсуждение результатов и перспективы дальнейших исследований

В таблице 3 приведены обобщенные свойства компаративных конструкций в татышлинском удмуртском в сравнении с ожидаемыми свойствами для фразовых и клаузуальных компаративов.

Таблица 3. Свойства компаративных конструкций в татышлинском удмуртском

Свойство	Фразовые компаративы	Клаузуальные компаративы	Татышлинские компаративы
Доступная синтаксическая позиция	SU > DO > IO > ?OBL	нет ограничений	SU > DO > IO > OBL
Фиксированное оформление стандарта	да	нет	нет
Способ выражения стандарта	только именные группы	нет ограничений	запрещены финитные клаузы, производные наречия

Таким образом, стандарты сравнения с *-les'* проявляют более широкую сочетаемость по сравнению с тем, что ожидалось бы при фразовой структуре. С другой стороны, нельзя однозначно принять клаузуальный анализ, так как рассмотренные конструкции имеют ограничения на способы выражения стандарта — в частности, запрет на финитные клаузы или некоторые наречия, чего бы не ожидалось для прототипически клаузуальных стандартов сравнения.

Тем не менее постулирование некоторой клаузалной структуры в стандарте сравнения предпочтительно, так как позволяет объяснить источник внутреннего падежа или послелого на стандарте. Один из вариантов — предположить наличие малой клаузы, аналогично анализу компаративных конструкций в славянских языках [Pancheva 2006, 2009] и GEN-компаративов в русском языке [Philippova 2017].

Согласно Т. Филипповой, аргументом за наличие клаузалной структуры в компаративах с генитивным стандартом сравнения в русском языке являются контексты типа (22а), где в некоторых идиолектах допустима связь стандарта с внутренним аргументом глагола (в данном случае — *гордиться*)³.

В (22b) показана структура конструкции из (22а), элидированная часть стандарта выделена серым. Стандарт, изначально являющийся внутренним аргументом глагольной группы и получивший от глагола лексический инструментальный падеж, выдвигается на правую периферию главной клаузы, где благодаря ЕСМ получает генитив от нулевого послелога *от*, согласно [Pancheva 2006].

(22) а. *Я горжусь Петровым больше Ивановой.*

= *Я горжусь Петровым больше, чем я горжусь Ивановой.*

б. [_{DegP} -ee [_{PP} ∅_{от} [_{FP} Иванова₁ [_{VP} [_{AdvP} *wh* много] [_{VP} я [_{V'} гордиться [_{VP} [_{VP} t_V t₁] t_{AdvP}]]]]]]]]] [Philippova 2017: 8, 10]

Схожим образом можно предположить, что в стандарте сравнения та-тышлинских компаративов присутствует глагольная группа, от которой именная часть получает падеж. Далее операция компаративного удаления удаляет предикативную часть из стандарта, так как она совпадает с предикатом и параметром в главной части (аналогично гипотезе Т.А. Архангельского и М.Н. Усачёвой о бесермянских компаративах). Маркер стандарта *-les'*, оформляющий всю группу стандарта, в таком случае озвучива-

³Обязательным условием на доступность необходимого прочтения, согласно Т. Филипповой, является совпадение морфологической формы генитива и релевантного косвенного падежа [Philippova 2017: 8]. Впрочем, в этом же исследовании высказывается предположение об излишней ограничительной силе данного условия ввиду найденных в НКРЯ контрпримеров, ср., например:

(i) *Больше них удалось заработать только ПИФам...* [НКРЯ; Иван Шлыгин. ПИФы заработали на бондах и потребительском секторе // РБК Дейли, 11.01.2013]

ется на ближайшем сохранившемся элементе — например, на *gurt-ân* (деревня-LOC) в (23).

(23) a. *mon gorod-ân gurt-ân-les' kema-ges ul-is'ko-Ø.*
я город-LOC деревня-LOC-GEN2 долго-CMPR жить-PRS-1SG

b. *mon gorod-ân [gurt-ân [d-kema ul]-em]-les'*
я город-LOC деревня-LOC долго жить-NMLZ-GEN2

kema-ges ul-is'ko-Ø.
долго-CMPR жить-PRS-1SG

‘Я в городе живу дольше, чем в деревне.’ {a = b}

За рамки данного исследования выходят вопросы, касающиеся параллелизма структуры компаративов с фиксированной и производной стратегией с учетом различающихся суждений о приемлемости для некоторых контекстов. Также мы оставляем для дальнейших исследований вопрос о причинах (не)доступности для компаративов с *-les'* различных нефинитных глагольных форм.

5. Заключение

В статье были рассмотрены особенности маркирования компаративных конструкций в татышлинском говоре удмуртского языка. В ходе исследования было показано, что для маркера стандарта *-les'* доступны стандарты сравнения, выраженные не только именными группами, но и некоторыми наречиями, послеложными группами, а также рядом нефинитных глагольных форм. Именные стандарты при этом могут сохранять внутреннее падежное оформление. Наконец, был предложен вариант анализа компаративных конструкций, который сохраняет в структуре стандарта предикативную часть как источник внутреннего оформления именного стандарта.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; ADD — аддитивная частица; ATTR — атрибутивизатор; CMPR — компаратив; CVB — конверб; GEN(2) — генитив; D — степенной аргумент; DAT — датив; DETR — детранзитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PL — множественное число; POSS — поссессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; VN — глагольное имя.

Список источников / References

- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П.Н. Перевошиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. [Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Perevoshchikov P.N. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.]
- Некрасова 2018 — Некрасова Г. Эллиптические конструкции и двойное падежное маркирование в удмуртском языке // *Linguistica Uralica*. Т. LVI. Вып. 4. 2018. С. 286–295. [Nekrasova G. Elliptic Constructions and Double Marking of Case in Udmurt. *Linguistica Uralica*. LVI (4). 2018. Pp. 286–295.]
- Синицына 2022а — Синицына Ю.В. Компаративный суффикс *-ges* в татышлинском удмуртском: употребление в сравнительных конструкциях и не только // Конференция, посвящённая 90-летию со дня рождения А.И. Кузнецовой (Кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ совместно с Институтом языкознания РАН 30 сентября — 1 октября 2022 года). [Sinitsyna J.V. Comparative suffix *-ges* in Tatyshly Udmurt: its use in comparative constructions and beyond. Talk presented at the conference in honour of the 90th anniversary of Ariadna Ivanovna Kuznecova (The Department of Theoretical and Applied Linguistics (Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University) and the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, 30 September — 1 October, 2022).]
- Синицына 2022б — Синицына Ю.В. Компаративный суффикс *-ges* в глагольных конструкциях: данные татышлинского удмуртского // Третья конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022 г.). [Sinitsyna J.V. Comparative suffix *-ges* in verb constructions: evidence from Tatyshly Udmurt]. Talk presented at The third conference on Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages (St. Petersburg, ILS RAS, 21–23 November 2022).]
- Холодилова 2015 — Холодилова М.А. 2015. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. (Доклад на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 15–16 октября 2015 г.) [Kholodilova M.A. 2015. Comparative constructions and noun phrases accessibility hierarchy in Beserman Udmurt and Moksha. Talk at the conference 'Uralic languages: synchrony and diachrony (St. Petersburg, ILS RAS, 15–16 October 2015).]
- Черемисинова 2022 — Черемисинова М.О. Компаративно-аттенуативная полисемия в финно-угорских языках // *Урало-алтайские исследования*. 2022. № 3 (46). С. 75–95. [Cheremissinova M.O. Comparative-attenuative polysemy in Finno-Ugric Languages. *Ural-Altai studies*. 2022. № 3 (46). Pp. 75–95.]
- Arkhangelskiy, Usacheva 2018 — Arkhangelskiy T., Usacheva M. Case compounding in beserman udmurt. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri: Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 111–138.
- Bhatt, Takahashi 2011 — Bhatt R., Takahashi S. Reduced and unreduced phrasal comparatives. *Natural Language & Linguistic Theory*, Vol. 29. No. 3. Pp. 581–620.
- Berezovsakaya, Hohaus 2015 — Berezovsakaya P., Hohaus V. The Crosslinguistic inventory of phrasal comparative operators: evidence from Russian // *Proceedings of FASL 23*. 2015. Pp. 1–19.
- Bresnan 1973 — Bresnan J. The Syntax of the Comparative Clause Construction in English. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. No. 3 Pp. 275–343.

- Caha 2008 — Caha P. The Case Hierarchy as Functional Sequence. *Scales*. Richards M., Malchukov A. (eds.). Lipsko: Universität Leipzig, 2008, Pp. 247–276.
- Comrie, Keenan 1979 — Comrie B., Keenan E. Noun Phrase Accessibility Revisited. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 649–664.
- Hein 2000 — Heim I. Degree Operators and Scope. *Proceedings of SALT X*. 2000. Cornell University, Ithaca, NY, Cornell Linguistics Club. Pp. 40–64.
- Keenan, Comrie 1979 — Keenan E.L., Comrie B. Data on the noun phrase accessibility hierarchy. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 2. Pp. 333–351.
- Lechner 2008 — Lechner W. *Ellipsis in Comparatives*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2008.
- Pancheva 2006 — Pancheva R. Phrasal and Clausal Comparatives in Slavic. *Proceedings of FASL 14*. 2006. Pp. 236–257.
- Pancheva 2009 — Pancheva R. More students attended FASL than CONSOLE. *Proceedings of FASL 18*. 2009. Pp. 382–399.
- Philippova 2017 — Philippova T. Ellipsis in the phrasal comparative: evidence from correlate constraints. *Proceedings of the 47th Annual Conference of the North East Linguistic Society (NELS 47)*. Lamont A., Tetzloff K.A. (eds.). Vol. 3. Amherst, MA: GLSA Publications. Pp. 1–14.
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Winkler 2001 — Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom Europa, 2001.

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 14.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 30.11.2024; approved after reviewing 14.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Юлия Вячеславовна Синицына

МГУ имени М.В. Ломоносова

Julia Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University

jv.sinitsyna@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.70.40.007

ПРАГМАТИКА ПРЕДИКАТОВ НА *-НО*, *-ТО* В УКРАИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»*

М.И. Хазанова

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: В настоящей статье анализируется употребление безличных предикатов на *-но*, *-то* в двух украинских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Формы на *-но*, *-то* отличаются относительно низкой частотой употребления и тяготеют к книжно-письменной речи. В сравниваемых текстах предикаты на *-но*, *-то* чаще всего соответствуют в оригинале страдательным причастным формам, реже — неопределенно-личным конструкциям. Они делают акцент на результативности как правило завершенного действия, что сближает их с перфектом. Формы на *-но*, *-то* позволяют не называть актора, что может показывать статусную дистанцию между говорящим и актором действия.

Ключевые слова: роман Булгакова «Мастер и Маргарита», безличность, перевод, украинский язык, предикаты на *-но*, *-то*.

Для цитирования: Хазанова М.И. Прагматика предикатов на *-но*, *-то* в украинских переводах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 121–132. doi:10.37632/PI.2024.70.40.007

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260 «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языком», <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>. Финансирование осуществляется через Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

THE PRAGMATICS OF *-no*, *-to* PREDICATES IN THE UKRAINIAN TRANSLATIONS OF M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA"*

Margarita Khazanova
Russian State University for the Humanities

Abstract: This article analyzes the use of impersonal predicates ending with *-no*, *-to* in two Ukrainian translations of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The *-no*, *-to* forms are characterized by a relatively low frequency of use and tend to be used in literary language. In the two texts that are being compared, *-no*, *-to* predicates most often correspond in the original to passive participial forms, less often to indefinite-personal constructions. They typically focus on the result of a completed action, which brings them closer to the perfect tense. The *-no*, *-to* forms allow to avoid naming the actor, which can show the status distance between the speaker and the actor.

Keywords: Bulgakov's novel "The Master and Margarita", impersonality, translation, the Ukrainian language

For citation: Khazanova M. The pragmatics of *-no*, *-to* predicates in the Ukrainian translations of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 121–132. (In Rus.). doi:10.37632/PI.2024.70.40.007

В статье на основе украинских переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» рассматриваются украинские безличные формы на *-no*, *-to* как переводные эквиваленты русских причастных и финитных форм. Безличные формы на *-no*, *-to* являются яркой особенностью систем украинского, польского языков и некоторых русских говоров, хотя в каждом из идиомов они обладают своими особенностями, и становились предметом исследования специалистами. Так, например, Дж. Лавайн в серии своих

* The research is financially supported by grant of Russian Science Foundation (RSF) "Discourse and pragmatic potential of grammar of the verb in the Russian language in comparison with other Slavic languages and English" <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>. Affiliation: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University.

работ, включая [Lavine 2010], сопоставляет переходные безличные конструкции русского и украинского языков с позиций генеративной грамматики. Свойства согласуемого пассива и безличной причастной конструкции на материале польского языка с позиций Лексической функциональной грамматики освещаются в работах [Kibort 2001; Ruda 2014]. Диатезные типы причастных конструкций, включая безличный пассив, освещались в ряде работ, посвященных синтаксису русских диалектов, ср. [Трубинский 1983]. Анализ имперсональных конструкций в терминах нулевых лексем обосновывается в недавней работе И.А. Мельчука, где приводится материал русского, украинского, польского и литовского языков [Mel'čuk 2024].

Украинская лингвистическая традиция рассматривает формы на *-но*, *-то* как глагольные формы с единственной синтаксической функцией главного члена безличного предложения. «Безличная форма употребляется вместо пассивного причастия, когда есть необходимость сделать акцент на действии, а не на признаке» [Ющук 2004: 401].

В украинской лингвистике предикаты на *-но*, *-то* привлекали значительное внимание. Так, Б. Антоненко-Давидович считал их «одной из синтаксических особенностей украинского языка, отличающей его от близких и далеких языков» [Антоненко-Давидович 1970: 134]. По своему происхождению формы на *-но*, *-то* восходят к страдательным причастиям в среднем роде [Ганина 2005: 27]. Как правило, эти формы образованы от переходных глаголов, хотя встречаются и исключения — формы, образованные от непереходных глаголов (там же).

Предикат на *-но*, *-то* способен сочетаться с глаголом-связкой, т.е. иметь три временных значения. «Украинская грамматика» 1986 г. [Русановский 1986: 296] говорит об общеперфектном значении этих форм, особенно когда они образованы от глаголов совершенного времени. В значении форм, образованных от несовершенного вида, подчеркивается момент повторяемости и результативности действия в прошлом [Ганина 2005: 28], таким образом значение предиката на *-но*, *-то* сближается со значением перфекта.

По мнению А.В. Ганиной, часто эти формы могут употребляться для «обозначения явлений природы, действий, не обусловленных человеческой волей» (там же), поскольку они переводят внимание с актора на завершенность действия. Формы на *-но*, *-то* не могут констатировать постоянную закономерность, поскольку привязаны к значению действия, а не состояния.

Насколько нам известно, украинская безличная конструкция на базе переводных текстов методами корпусной лингвистики ранее не изучалась, поэтому настоящее исследование переводов «Мастера и Маргариты» на украинский язык является первым опытом анализа в данном направлении.

Роман «Мастер и Маргарита» переводился на украинский язык дважды: в 2005 г. М.А. Билоусом со вступительным словом и примечаниями Н.П. Евстафьева и в 2006 г. Ю. Некрутенко. Перевод Билоуса сделан по изданию Булгакова 1990-го года. В то время как Ю. Некрутенко не просто перевел роман, а подал его как «литературно-научное издание», поскольку снабдил свой перевод не только пространством комментарием, или «экзегезой», по словам переводчика, но еще и оригинальным вступлением «Нотатка небіжчикові (упровід перекладача)» [Булгаков 2004: 5–6], в котором обосновал свое желание перевести «Мастера и Маргариту» тем, что сам Булгаков был киевлянином, думал по-киевски (там же). Для своего перевода Ю. Некрутенко использовал сразу несколько изданий романа, по сути, интегрировав издания с 1966 года и до 1990 г.

Отдельно стоит отметить, каким именно вариантом украинского литературного языка пользовались переводчики. М. Билоус пользовался принятой литературной нормой украинского на момент перевода, а Ю. Некрутенко использовал вариант литературной нормы, восходящей к Харьковскому правописанию 1928 г. [Булгаков 2004: 6]. История украинского литературного языка, закрепленного в т.н. «правописании» (укр. *правопис*), была весьма насыщенной. Так, правописание 1928 г., известное под названием «Харківський правопис», было попыткой интегрировать украинский язык, который кодифицировался по-разному на западной и восточной Украине, однако уже в 1933 г. от него отказались, заменив новым правописанием, опиравшимся именно на язык Левобережной Украины [Німчук 2004]. В последующие годы в Украинской ССР использовалась эта же версия литературного языка вплоть до возникновения независимого украинского государства, когда в 1990-е снова обратились к вопросу кодификации литературного языка и его диалектной основы в рамках широкой общественной дискуссии. Как итог этой дискуссии в 1999 г. был предложен проект правописания, который по большей части возвращал Харьковские нормы 1928 г., однако официально принят этот проект не был. Однако часть украинских издательств сознательно выбрали именно Харьковское правописание, что видно и по переводу Ю. Некрутенко. За таким выбором, вероятно, стоит сознательная позиция переводчика, кото-

рую необходимо учитывать в контексте того грамматического явления, анализу которого посвящена данная статья.

Формы на *-но*, *-то* являются застывшими и в украинском языке никогда не омонимичны причастиям среднего рода (в отличие от русского языка). Будучи безличными предикатами, формы на *-но*, *-то* сочетаются с дополнением:

(1) укр. *Цю*_{ACC.SG.F} *будівлю*_{ACC.SG.F} *побудовано*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *в 14 столітті*.

Безличная форма противопоставляется причастной форме:

(2) укр. *Ця*_{NOM.SG.F} *будівля*_{NOM.SG.F} *побудована*_{PTCL.PST.PERF.SG.F} *в 14 столітті*.

и финитной глагольной (в неопределенно-личной конструкции):

(3) укр. *Цю*_{ACC.SG.F} *будівлю*_{ACC.SG.F} *побудували*_{PST.PERF.3PL} *в 14 столітті*.

Как видно из приведенных примеров, во втором случае в фокусе внимания говорящего предмет речи (акцент на «ця будівля»), а в третьем случае, как и в первом случае, акцент делается на завершенность действия, о чем свидетельствует и объект в позиции дополнения («цю будівлю»). Предикат на *-но*, *-то* тяготеет к книжно-письменной речи, но и там имеет высокую частотность.

Данная форма не имеет точного аналога в литературно русском языке, поэтому стоит ожидать асимметричных русско-украинских соответствий. Хотя безличные формы на *-но*, *-то* фиксируются в любом варианте украинского литературного языка, можно ожидать их большую распространенность в переводе Ю. Некрутенко, что и подтверждается анализом материала — количество конструкций на *-но*, *-то* отличается в переводах в полтора раза при том, что сам этот предикат употребляется не часто: 39 случаев в переводе М. Билоуса и 60 случаев в переводе Некрутенко. Из подобного соотношения можно сделать осторожный вывод, что употребление или неупотребление данной формы позволяет переводчику вложить дополнительный смысл и на уровне формальной организации грамматики предложения передать некоторое значение, которое, по мысли переводчика, закладывалось автором русского текста. Именно поэтому особый интерес представляют те варианты русско-украинских соответствий, в которых переводчик выбрал предикат на *-но*, *-то*.

Абсолютное большинство предикатов на *-но*, *-то* соответствуют русским причастиям, ср. (4):

- (4) а. рус. *Все будет правильно, на этом построен_{PTCL.PST.PERF.SG.M} мир*_{NOM.SG.M}.
(Булгаков)
- б. укр. *Усе буде правильно, на цьому побудовано_{PTCL.PST.PERF.IMP} світ*_{ACC.SG.M}.
(Некрутенко)
- с. укр. *Все буде гаразд, на цьому зведено_{PTCL.PST.PERF.IMP} світ*_{ACC.SG.M}. (Билоус)

Как видно из этого примера, русскому краткому страдательному причастию совершенного вида соответствует безличный предикат, при котором подлежащее придаточного предложения трансформируется в дополнение. В результате в фокусе внимания говорящего оказывается не подлежащее (*світ*), а предикат (*побудовано / зведено*), а все предложение становится безличным. В подобных примерах в фокусе внимания именно факт свершившегося, но актуального в смысле результата действия, что подчеркивается совершенным видом предиката.

Рассмотрим другой пример:

- (5) а. рус. *Да, другой бог не допустил бы того, никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был*_{AUX.PST.3SG.M} *сжигаем*_{PTCL.PRES.IMPERF.SG.M} *солнцем на столбе.* (Булгаков)
- б. укр. *Так, інший бог не припустив би, ніколи не припустив би, щоб таку*_{ACC.SG.M} *людину*_{ACC.SG.M}, *як Іешуа, було*_{AUX.PST.3SG.N} *палено*_{PTCL.PST.IMPERF.IMP} *сонцем на стовпі.* (Билоус)
- с. укр. *Так, інший бог ніколи не допустив би того, щоб людину*_{ACC.SG.M}, *таку*_{ACC.SG.M} *як Єшуа, було*_{AUX.PST.3SG.N} *спалювано*_{PTCL.PST.IMPERF.IMP} *сонцем на стовпі.* (Некрутенко)

В данном случае используется несовершенный вид как аналог для русского страдательного причастия несовершенного вида, но в остальном аналогично предыдущему примеру фокус внимания читателя переносится на действие (*палено / спалювано*) с субъекта и его характеристики (*Иешуа, был сжигаем*).

Однако, возможно, использование предиката на *-но*, *-то* в украинских переводах не только смещает внимание с предмета изображения и его характеристики на факт совершившегося действия с актуальным результатом. Сами подобные предикаты в украинском языке часто тяготеют к специфическим ситуациями: юридической сфере, научному тексту, просветительскому и т.д. Такое употребление создает у читателя текста (это явление письменной речи) ощущение отстраненности и даже социальной иерархии, ср. частотное «постанову ухвалено», «злочинця заарештовано» и т.д. Аналогично в переводе «Мастера и Маргариты»:

- (6) а. рус. *Кто*_{NOM.SG} *прописан*_{PTCL.PST.PERF.SG.M} *в ней?*
 < речь о «нехорошей» квартире > (Булгаков).
 б. укр. *Кого*_{ACC.SG} *прописано*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *в ній?* (Билоус)
- (7) а. рус. *Конвою*_{DAT.SG.M} *будет*_{AUX.FUT.3SG} *дан*_{PTCL.PST.PERF.SG.M} *приказ*_{NOM.SG.M} *будить меня, лишь только вы появитесь.* (Булгаков)
 б. укр. *Сторожі*_{DAT.SG.F} *буде*_{AUX.FUT.3SG} *наказано*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *будити мене, тільки-но ви з'явитесь.* (Билоус)
- (8) а. рус. *Проверка*_{NOM.SG.F} *квартиры была*_{AUX.PST.3SG.F} *произведена*_{PTCL.PST.PERF.SG.F}.
 (Булгаков)
 б. укр. *Перевірку*_{ACC.SG.F} *квартири було*_{AUX.PST.3SG.N} *здійснено*_{PTCL.PST.PERF.IMP}.
 (Некрутенко)
- (9) а. рус. *Вечером Никанор*_{NOM.SG.M} *Иванович*_{NOM.SG.M} *был*_{AUX.PST.3SG.M} *доставлен*_{PTCL.PST.PERF.SG.M} *в клинику Стравинского...* (Булгаков)
 б. укр. *Увечері Никанора*_{ACC.SG.M} *Івановича*_{ACC.SG.M} *було*_{AUX.PST.3SG.N} *доставлено*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *до клініки Стравинського.* (Некрутенко)

В данных примерах, по всей видимости, речь не просто об отстраненном упоминании факта совершения действия с актуальным результатом, но и уточнение, что действие совершено «легитимно», по приказу вышестоящего по иерархии лица. Конечно, читатель оригинала понимает то же самое по контексту, но украинский перевод средствами самого языка подчеркивает эту иерархичность.

Предикаты на *-но*, *-то* в большинстве случаев переводят оригинальные страдательные причастия, однако есть несколько примеров, которые выбиваются из такой картины.

В переводе Юрия Некрутенко есть один пример, когда в оригинальном тексте прилагательное:

(10) а. рус. *Этот*_{NOM.SG.M} *вопрос*_{NOM.SG.M} *ясен*_{ADJ.SG.M}. (Булгаков)

б. укр. *Цю*_{ACC.SG.M} *справу*_{ACC.SG.M} *з'ясовано*_{PTCL.PST.PERF.IMP}. (Некрутенко).

В этом примере то, что у М.А. Булгакова подается как факт в настоящем, Ю. Некрутенко представляет как завершённое действие и его актуальный результат в настоящем (действие по выяснению дела), что должно, по всей видимости, звучать для читателя как подведение итога, вывод о результате. Более того, само действие по «выяснению» подается безлично, как будто у действия есть актер, но его намеренно не упоминают, а сама фраза получает немного казенное звучание.

У Ю. Некрутенко пример, когда украинские предикаты на *-но*, *-то* соответствуют не причастиям, только один, тогда как у М. Билоуса их семь. Это примеры другого рода.

В шести из этих примеров формы на *-но*, *-то* соответствуют русским временным глагольным формам: два — настоящего времени несовершенного вида, четыре — прошедшего времени совершенного вида, например:

(11) а. рус. *Это меня*_{1ACC.SG} *зовут*_{PRES.IMPERF.3PL}. (Булгаков)

б. укр. *Це кликано*_{PTCL.PST.IMPERF.IMP} *мене*_{1ACC.SG}. (Билоус)

(12) а. рус. *Его*_{3ACC.SG.M} *сегодня вызывают*_{PRES.IMPERF.3PL} *во дворец Каифы*.
(Булгаков)

б. укр. *Його*_{3ACC.SG.M} *сьогодні закликано*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *до палацу Каїфи*.
(Билоус)

(13) а. рус. *Твои глаза*_{ACC.PL} *совсем закрыл*_{PST.PERF.3SG.M} *дым*_{NOM.SG.M} *из курильниц храма*. (Булгаков)

б. укр. *Твої очі*_{ACC.PL} *густо застелено*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *димом*_{INSTR.SG.M} *кадильниць храму*. (Билоус).

(14) а. рус. *Которых*_{ACC.PL} *беспрепятственно пропускали*_{PST.IMPERF.3PL} *в хвост процессии*. (Булгаков)

б. укр. *Яких*_{ACC.PL} *вільно допущувано*_{PTCL.PST.IMPERF.IMP} *в кінець процесії*.
(Билоус)

В приведенных примерах аналогично предыдущим примерам акцент делается на совершенности действия. Однако кажется, что переводчик в первую очередь хотел показать статусную разницу между тем, кто совершает действие (актер всегда за кадром), и тем, над кем это действие производится. Особенно интересен пример с богоборческой речью Левия Матвея, где и бог представляется как не всемогущее божество, а сила, которая тоже вынуждена подчиняться законам мироздания, на объективность которой могут влиять люди, служители, верующие.

И один пример соответствует русскому существительному:

(15) а. рус. *мертвый город воскреснет после*_{PREP} *произнесения*_{NMZ.GEN.SG.N} *имени*_{GEN.PL.N} *счастливица*. (Булгаков)

б. укр. *мертвий город воскресне, тільки-но буде*_{AUX.FUT.3SG} *вимовлено*_{PTCL.PST.PERF.IMP} *ім'я*_{NOM.SG.N} *щасливица*. (Билоус)

В данном примере переводчик тоже подчеркивает факт совершенности действия, а не сам факт действия, однако существительное «произнесение» в оригинальном тексте скорее вообще говорит не о действии, а о факте.

Как уже говорилось в начале статьи, аналогичное явление возможно и в некоторых северных русских говорах, однако для русского языка все же является периферийной формой [Плунгян 2011: 196]; подробнее см. [Трубинский 1983]. Вместе с тем интересно отметить, что конструкция на *-но*, *-то* встречается единожды и в оригинальном русском тексте «Мастера и Маргариты»:

(16) рус. — *Свистнуто*_{PTCL.PST.PERF.SG.N} *не спору*, — *снисходительно заметил Коровьев*, — *действительно свистнуто*_{PTCL.PST.PERF.SG.N} *но, если говорить беспристрастно, свистнуто*_{PTCL.PST.PERF.SG.N} *очень средне!*

Как отмечает В.А. Плунгян, в этом примере имеет место намеренное «обидное» умалчивание исполнителя, т.е. агенс не просто не называется,

но получает пренебрежительную оценку [Плунгян 2011: 197]. Можно сказать, что пример (16) из оригинального текста служит своеобразным напоминанием о том, что, по утверждению Ю. Некрутенко, М.А. Булгаков думал «по-киевски», поскольку в этом тексте возможно воспринимать данную форму как влияние украинского языка на русский.

Подводя итог сказанному, в двух украинских переводах «Мастера и Маргариты» предикаты на *-но*, *-то* чаще всего соответствуют в оригинале страдательным причастным формам, реже — неопределенно-личным конструкциям с сохранением глагольного вида: несовершенный вид оригинала соответствует несовершенному виду перевода и аналогично наоборот. Они переводят внимание читателя на факт совершенности действия и его актуальный результат в настоящем, тем самым сближаясь с перфектом. Кроме того, формы на *-но*, *-то* могут служить для подчеркивания статусной дистанции между тем, кто совершает действие, и тем, кто этому действию подвергается, что перекликается с подмеченной А.В. Ганиной способностью выражать результат действия, совершенного не человеческой волей, а силами иной природы. В анализируемых переводах формы на *-но*, *-то* часто говорят о действии, совершенном представителями власти, что словно делает их силой, выходящей за рамки человеческой.

Список условных сокращений

ACC — винительный падеж; ADJ — прилагательное; AUX — связка; DAT — дательный падеж; F — женский род; FUT — будущее время; IMP — безличная форма; IMPERF — несовершенный вид; INSTR — творительный падеж; M — мужской род; N — средний род; NMZ — номинализация; NOM — именительный падеж; PERF — совершенный вид; PL — множественное число; PRES — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — причастие; SG — единственное число.

Список источников / References

- Антоненко-Давидович 1970 — Антоненко-Давидович Б. Як ми говоримо. К.: Радянський письменник, 1970. [Antonenko-Davidovich B. Yak mi govoroimo. [How we speak] Kyiv: Radyans'kii pis'mennik, 1970.]
- Булгаков 1984 — Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Современность, 1984. [Bulgakov M. The Master and Margarita. Moscow: Sovremennost', 1984]
- Булгаков 2004 — Булгаков М. Майстер і Маргарита / Пер. з рос. Ю. Некрутенко. Львів: Кальварія, 2004. [Bulgakov M. The Master and Margarita / Trans. from Rus. Yu. Nekrutenko. Lviv: Kalvaria, 2004.]

- Булгаков 2006 — Булгаков М. Майстер і Маргарита / Пер. з рос. М.А. Білоуса. Харків: Фоліо, 2006. [Bulgakov M. The Master and Margarita / Trans. from the Russian M. A. Belous. Kharkiv: Folio, 2006.]
- Ганина 2005 — Ганина А. В. З історії вивчення предикативних форм на -но, -то в українському мовознавстві // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 18 (57). 2005. №2. С. 27–31. [Ganina A. V. From the history of the study of -но, -то predicative forms in Ukrainian linguistics. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya». Vol. 18 (57). 2005. №2. Pp. 27–31.]
- Німчук 2004 — Німчук В. В. Переднє слово // Історія українського правопису: XVI — XX століття. К.: Наукова думка, 2004. [Nimchuk V. V. The Introduction / Istoriya ukraïns'kogo pravopisu: XVI — XX stolittya. Kyiv: Naukova Dumka, 2004.] [электронное издание: <http://litopys.org.ua/rizne/nimch.htm> Дата обращения: 01.12.2024]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматическое значение и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungyan V. A. Introduction to Grammatical semantics: grammatical meaning and grammatical systems of the languages of the world. Moscow: RGGU, 2011.]
- Русановский 1986 — Русановский В. М., Городенская Е. Г., Грищенко А. А. Украинская грамматика. К.: Наукова думка, 1986. [Rusanovskii V. M., Gorodenskaya E. G., Grishchenko A. A. The Ukrainian grammar. Kyiv: Naukova dumka, 1986.]
- Трубинский 1983 — Трубинский В. В. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах / В. П. Недеялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 218 – 226. [Trubinskii V. V. Resultative, passive, and perfect in some Russian dialects. *Typology of resultative constructions*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. S. 218 – 226.]
- Юшук 2004 — Юшук І. П. Українська мова. К.: Либідь, 2004. [Yushchuk I. P. The Ukrainian language. Kyiv: Libid', 2004.]
- Kibort 2001 — Kibort, A. The Polish passive and impersonal in Lexical Mapping Theory // Proceedings of the LFG01 Conference. University of Hong Kong, Hong Kong. Miriam Butt and Tracy Holloway King (Editors). [URL: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/6/pdfs/lfg01kibort.pdf> accessed 01-12-2024].
- Lavine 2010 — Lavine E.J. Case and Events in Transitive Impersonals. *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. 18(1). Pp. 101–130.
- Mel'čuk 2024 — Mel'čuk, I. Voice, impersonal construction, and zero lexeme: formalization of crucial notions. *Folia Linguistica*. 2024. Pp. 1–25.
- Ruda 2014 — Ruda M. The Impersonal Subject -n/-t Construction in Polish and the Typology of Voice Heads. *Studies in Polish Linguistics*. 2014. Vol. 9(4). Pp. 203–243.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 14.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 01.12.2024; approved after reviewing 14.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Маргарита Игоревна Хазанова

к.ф.н.; Российский государственный гуманитарный университет

Margarita Khazanova

Ph.D.; Russian State University for the Humanities

margaritakhazanova@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2024.48.13.008

РАЗНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ СОВМЕСТИМЫ: СТРУКТУРНЫЕ, ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И БИОКОГНИТИВНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ

Мартин Хаспельмат

*Институт эволюционной антропологии Макса Планка /
Лейпцигский университет*

Аннотация: Лингвисты часто исходят из того, что они обязаны выбрать один из конкурирующих подходов или моделей языка и присоединиться к определенному сообществу ученых. Нередко этот выбор представляется как своего рода «обязательство» или кредо. Так, структуралисты, функционалисты и генеративисты склонны воспринимать друг друга как конкурентов и не рассматривать работы друг друга как заявки, потенциально совместимые с их собственными. В этой статье я утверждаю, что эти три подхода совместимы и причин для идеологических расхождений между лингвистами нет. В то же время, структурные объяснения не должны смешиваться с биокогнитивными.

Ключевые слова: методология лингвистики, объяснение, структурная лингвистика, генеративная лингвистика, эволюционная лингвистика

Для цитирования: Хаспельмат М. Разные объяснения совместимы: структурные, эволюционные и биокогнитивные объяснения в грамматике // Типология морфосинтаксических параметров. 2024. Том 7, вып. 2. С. 133–151. (На английском.). doi:10.37632/PI.2024.48.13.008

DIFFERENT EXPLANATIONS IN GRAMMAR ARE MUTUALLY COMPATIBLE: STRUCTURAL, EVOLUTIONARY AND BIOCOGNITIVE

Martin Haspelmath

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Leipzig University

Abstract: Linguists often act as if they had to choose between different approaches or frameworks or research communities, and sometimes these choices appear as “commitments” or firm beliefs. Thus, structuralists, functionalists and generativists have often regarded each other’s work as if the approaches were competitors rather than potentially complementary. Here I note that they can be complementary and that there is no reason for ideological divisions in the field of linguistics. However, it is important to keep structural analyses distinct from biocognitive explanations, as these have often been conflated.

Keywords: methodology of linguistics, explanation, structural linguistics, generative linguistics, evolutionary linguistics

For citation: Haspelmath M. Different explanations in grammar are mutually compatible: Structural, evolutionary and biocognitive. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2024. Vol. 7, iss. 2. Pp. 133–151. doi:10.37632/PI.2024.48.13.008

1. Introduction

In this informal programmatic paper, I explain why I think that there is no deep reason for ideological divisions in the study of grammatical patterns of human languages: We do not need to have “commitments” or “tenets”, e.g. [Lakoff 1991; Goldberg 2003]; we do not need to decide “what linguistics is about”, e.g. [Hornstein 2019]; we do not need to “subscribe to” a framework and defend it; and we do not need to perpetuate diverging terminologies. All these problematic notions and practices are a reality in contemporary linguistics, but they are not necessary. I would like to suggest that different methodological choices (“approaches”) are more compatible with each other than many people think. For the purposes of this paper, I distinguish three types of explanations which are briefly characterized in (i)–(iii).

(i) **Structural explanations:**

Language systems are more orderly than one may think at first glance, and we can often reduce apparent variety to deeper regularities, e.g. [Matthews 2001].

(ii) **Evolutionary explanations:**

In diachronic change, speakers often select variants that increase the fitness or utility of their language system, so that language systems are (to a significant extent) the product of evolutionary adaptation, e.g. [Givón 2010].

(iii) **Biocognitive explanations:**

Language systems are constrained by being acquired by humans with their particular biological properties. Not every logically possible language is attested, and innate biocognitive constraints (“UG”) can explain observed limits on worldwide diversity, e.g. [Chomsky, Lasnik 1993].

Accordingly, we may want to distinguish competing approaches to human language: (i) structural linguistics, (ii) functional-adaptive linguistics, and (iii) biolinguistics, and indeed, “functionalism” and “generativism” are often treated as competing schools of thought, see, e.g. [Thomas 2020].

However, I argue here that these different approaches should not be thought of as “competing ideologies” or “schools”, but should rather be treated as (potentially and ideally) complementary. The notion of competition is useful for competing hypotheses (or competing claims), and perhaps for competing methods (though methods are often complementary, too), but not for competing ideologies let alone competing “camps”, as linguists sometimes call the different subcommunities of researchers, e.g. [Bošković 2022]. I focus on explanations in this paper because my main concern is with theoretical (or explanatory) linguistics, not with applied questions. Not only broader and deeper claims about Human Language can be thought of as explanatory, but each analysis of a linguistic pattern of a particular language is a kind of explanation, too, see [Haspelmath 2021b].

In §2–4 of this paper, I give concrete examples of different kinds of explanations, and then in §5 I will elaborate on why I think that they are not mutually incompatible. One recurring concrete topic of the paper is the salient phenomenon of differential object marking (see §6). In §7, I highlight the widespread conflation of structural and biocognitive linguistics, before concluding the paper in §8.

2. Structural explanations

Structural explanations reduce apparent variety within a particular language to deeper regularities (or, in other words, more encompassing generalizations). My examples here come from vowel systems (§2.1), word order in German (§2.2), and differential object marking in Sakha (§2.3).

2.1. Example: Vowel systems

As is well-known, the most common type of vowel system in the world's languages is the one shown in Figure 1.

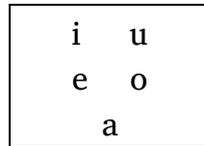

Figure 1. The most common vowel system

Such a system can be reduced to three binary features: [\pm high], [\pm low], [\pm back], as seen below:

i	[+high, -low, -back]
u	[+high, -low, +back]
e	[-high, -low, -back]
o	[-high, -low, +back]
a	[-high, +low, +back]

This kind of phonological analysis has been standard over the last few decades, and it has its roots in structuralist phonology [Trubetzkoy 1939].

2.2. German word order

A good example of an insightful structural analysis in syntax comes from German, whose word order options are confusing at first sight. Consider the examples in (1)–(5).

- (1) *Katja **singt** ein Lied.*
 Katja sings a song
 'Katya is singing a song.'
- (2) *Katja **hat** ein Lied **gesungen**.*
 Katja has a song sung
 'Katya has sung a song.'
- (3) ***Wenn** Katja ein Lied **singt**, ...*
 when Katja a song sings
 'When Katya sings a song...'
- (4) ***Wenn** Katja ein Lied **gesungen hat**, ...*
 when Katja a song sung has
 'When Katya has sung a song...'

- (5) *Heute singt Katja ein Lied.*
 today sings Katja a song
 ‘Today Katya is singing a song.’

Despite the seeming variability, the order is quite rigid and can be described by setting up the abstract template in Figure 2.

prefield — P1 — middle field — *nonfinite verb* — P2

Figure 2. The German word order template

With this abstract template, the number of rules that we need can be simplified: arguments (like *Katja*) or adverbials (like *heute*) can occur in the prefield or the middle field; subordinators occur in P1 and preclude a prefield; and the finite verb (*singt*, *hat*) occurs in P1 unless this field is filled by a subordinator, as in (3)–(4). Otherwise the finite verb occurs in P2, as in (3)–(4). (This “field template” goes back to structuralist work on German in the 1930s; see also [Zimmerling, Lyutikova 2015].¹)

2.3. Example: Differential object marking in Sakha

In Sakha (a Turkic language), the patient object is accusative-marked (by the suffix *-y*), but only when it is definite [Baker 2015: 4–5], as seen in (6). The case marking of the object corresponds to a word order difference: a definite (and accusative-marked) object precedes an adverb, as seen in (7a). If the object lacks the accusative suffix *-y*, the adverb *türgennik* ‘quickly’ must precede the object (see 7b).

- (6) a. *Masha salamaat-y sie-te.*
 Masha porridge-ACC eat-PST.3SG
 ‘Masha ate the porridge.’
- b. *Masha salamaat sie-te.*
 Masha porridge eat-PST.3SG
 ‘Masha ate porridge.’

¹ For a brief overview of German word order, see https://en.wikipedia.org/wiki/German_sentence_structure.

(7) a. *Masha salamaat-y turgennik sie-te.*
 Masha porridge-ACC quickly eat-PST.3SG
 ‘Masha ate the porridge quickly.’

b. *Masha turgennik salamaat sie-te.*
 Masha quickly porridge eat-PST.3SG
 ‘Masha ate porridge quickly.’ (**salamaat turgennik siete*)

Baker [2015: 126] explains this situation as follows (see also [Lyutikova 2017]): The domain for accusative case assignment is the TP, and when the object is not moved out of the VP in (7a), it is not accessible for case assignment. This is illustrated in Figure 3 (from Baker’s book). This kind of analysis may be seen as a “more modern” way of describing syntax than the German field template, but in its essence it is a kind of structural explanation that generalizes over certain facts by proposing an abstract pattern that is not apparent to inspection but requires the creation of abstract concepts and larger generalizations.

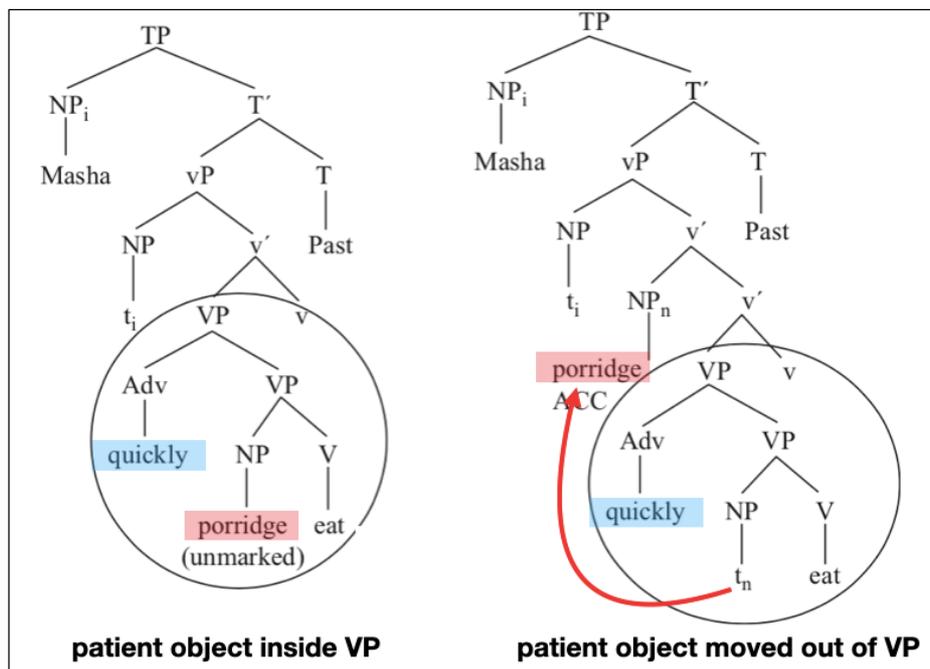

Figure 3. Tree structures for (7b) and (7a) (schematic)

3. Evolutionary explanations

Evolutionary explanations state that language systems are (to a significant extent) the product of evolutionary adaptation. Let us look at vowel systems and differential object marking again.

3.1. Example: Vowel systems

Symmetric triangular vowel systems can be explained as making optimal use of the vowel space (dispersion theory: [Liljencrants, Lindblom 1972; Gordon 2016]). Moreover, vowel systems are constantly recreated through diachronic change, as is illustrated by changes from Latin to French:

	Latin	French	
$u > y$	<i>mūrus</i>	[myR] <i>mur</i>	‘wall’
$a > \epsilon$	<i>carus</i>	[ʃεR] <i>cher</i>	‘dear’
$e > a$	<i>tectum</i>	[twa] <i>toit</i>	‘roof’
$o > u$	<i>collum</i>	[ku] <i>cou</i>	‘neck’
$e > i$	<i>lēctum</i>	[li] <i>lit</i>	‘read’

These changes tend to be of a kind that yields a well-dispersed vowel space, cf. [Martinet 1955]. In other words, the changes are adaptive, even though they cannot be said to have an inherent directionality.

3.2. Example: Differential object marking

Object marking of definite or animate objects can be explained as making optimal use of role-marking, because those types of nominals that are least likely to be objects are marked [Bossong 1991]. The changes are of a kind that yields such systems, e.g.

Latin <i>ad</i> ‘to’	>	Spanish <i>a</i>
Latin <i>per</i> ‘though’	>	Romanian <i>pe</i>
Russian <i>-a</i> (genitive)	>	<i>-a</i> (accusative)
German <i>-en</i> (stem marker)	>	<i>-en</i> (accusative), e.g. <i>den Linguist-en</i>
Chinese <i>bǎ</i> 把 ‘take’	>	<i>bǎ</i> (accusative preposition)

Again, we can say that the changes are adaptive. “Evolutionary explanations” have also been called “functional explanations”, but I prefer “evolutionary” or “adaptive”, because they operate at the level of language change (like biological evolution). There is no claim of synchronic language-particular “functionality”: Synchronically, languages often show nonfunctional or dysfunctional features. The functional-adaptive factors explain general trends, not necessarily language-particular features.

4. Biocognitive explanations

Innate biocognitive constraints can explain observed limits on worldwide diversity. More specifically, languages have been said to be constrained by formal universals (architectures of grammar and types of rules) and substantive universals (specific features and categories [Chomsky 1965]). These innate biocognitive structures have often been called “Universal Grammar”, e.g. [Holmberg 2017], and they are particularly associated with the generative approach. Biocognitive explanations of this type can again be illustrated by the three kinds of phenomena.

4.1. Example: Vowel systems

Vowel systems, as well as other phonological patterns, are possibly constrained by universal phonological features, as famously proposed by Chomsky, Halle [1968]. In this view, all phonological systems are said to be made up of a small set of innately given phonological features, as seen in the following quotation (emphasis added):

“That there must be a rich system of a priori properties — of essential linguistic universals — is fairly obvious... general linguistic theory might propose, as substantive universals, that the lexical items of any language are assigned to fixed categories such as noun, verb and adjective, and that phonetic transcriptions must make use of **a particular, fixed set of phonetic features**... We will be concerned with the theory of “universal phonetics,” that part of general linguistics that specifies the class of possible phonetic representations” (Chomsky, Halle 1968: 4)

For phonology, there are concrete sets of proposed innate features, and in fact many phonology textbooks present such sets of features. There is no universal agreement on the features, but the proposals for innate substantive features are much more concrete than any of the proposals in syntax.

4.2. Example: Differential object marking

Object case marking is possibly constrained by a substantive set of universally possible case assignment rules, as in Baker’s [2015] theory of “dependent case”. The rule formulations in (8) are very much simplified; see my discussion in Haspelmath [2018].

- (8) a. High case in TP (clause) is ergative.
 b. Low case in TP (clause) is accusative.

- c. High case in VP is dative.
- d. High case in NP is genitive (there is no low case in NP).
- e. Unmarked case is nominative-absolutive.

Sakha has rule (8b), and together with the movement operation seen in Figure 3, this explains the Sakha structures, and it accounts for cross-linguistic trends.

4.3. Example: German word order

The generative (or biocognitive) explanation of the German word order facts is illustrated in Figure 4. Again, word order is possibly constrained by universal functional hierarchies (CP — IP — VP) and constraints on movement, cf. [Haider 2010]. Then we can say that the German prefield is really the specifier of CP, and that the finite verb is in the C position (“complementizer”). The latter is an odd claim (because C is a category, not an abstract “position”), but this analysis has been widely proposed. The hope is thus that the general “CP — IP — VP” system is innate and thus explains both German word order and the cross-linguistic patterns.

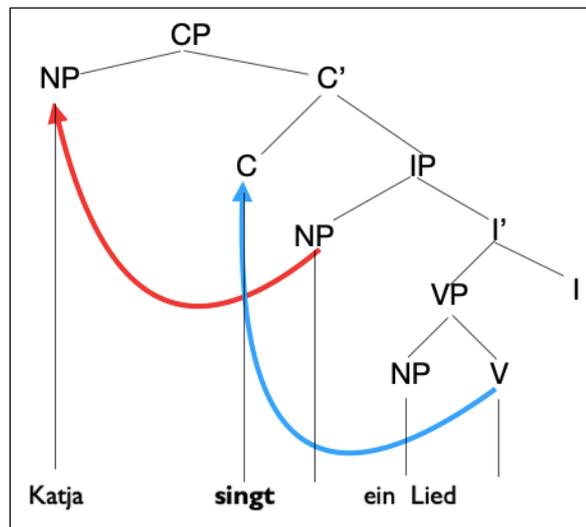

Figure 4. A movement analysis of German word order

5. Why these three types of explanations are not incompatible

After illustrating these three types of explanations, using three types of phenomena, I will now say why I do not regard them as mutually incompatible. What I mean by this is that some explanations could be valid for some phe-

nomena and others for other phenomena, or even that a phenomenon could have several explanations simultaneously. The latter situation would be hard to test, but it cannot be excluded.

5.1. Structural and biocognitive

In generative grammar, both types of explanation are pursued. Much of the notation of generative grammar was inherited from the earlier structuralist tradition, e.g. [Trubetzkoy 1939; Harris 1951], and generalizations at the level of particular languages are highly prized in generative community, too. What Chomsky [1965] added was the idea is that the structural building blocks are part of the innate grammar blueprint (“Universal Grammar”), so the main structuralist idea and the generative approach are evidently compatible. But they are logically independent of each other, as has become clear over the last two decades, as many generative linguists have no longer been willing to commit themselves to rich innate grammatical knowledge (especially since Chomsky [2005], who reversed his earlier position and no longer claims that the structural building blocks are innate; see [Fitch 2016; Haspelmath 2021b: §5.1]).

5.2. Structural and evolutionary

Structural description is not only compatible with evolutionary explanation, but the two are in fact obviously complementary. We need description before we can move on to evolutionary explanation. Consider vowel systems again: A vowel system like /i e a o u/ can be reduced to three binary features: [\pm high], [\pm low], [\pm back], as I noted in §2.1. One can propose an elegant description in terms of binary features, and at the same time advance an evolutionary explanation. The same applies to differential object marking (§2.3 above), which also represents a broadly cross-linguistic tendency. But I do not know any evolutionary explanation of German word order; this is simply one of the many random patterns that languages exhibit.

A structural explanation answers the question: Why do speakers talk the way they do? (answer: because they have internalized a certain language system). An evolutionary explanation answers the question: Why are grammatical systems the way they are? (answer: because certain systems are optimal, and adaptive change favours optimal systems). These are why questions at different, complementary levels, and neither of the two is sufficient on its own.

Moreover, both questions are explanatory or theoretical: The first leads us to propose particular theories (p-theories), and the second leads us to general theories (g-theories)². Each grammatical description is a theory of the language (“A grammar of the language L is essentially a theory of L” [Chomsky 1957: 49]). Thus, it makes no sense to contrast *theoretical* with *descriptive* linguistics — descriptive linguistics (which describes language structures) is usually a theoretical enterprise (unless it has applied goals).

5.3. Evolutionary and biocognitive

Finally, I claim that functional-evolutionary and biocognitive explanations are compatible. Many authors have framed the approaches taken by different linguists in terms of “functionalism” vs. “formalism” (e.g. [Newmeyer 1998; Thomas 2020]) and indeed, we observe almost disjoint communities of scholars, with different conferences, journals, and so on. However, I would like to claim that these groups of scholars are primarily divided by habits: by different notations and scientific styles, as well as different “hunches” concerning the most promising methodology.

The approaches taken by the two groups of linguists would be conceptually incompatible if they were committed to radical positions, e.g. if “functionalists” insisted that all general aspects of language structures can be explained by functional-adaptive forces, and that the difference between humans and other species has nothing to do with domain-specific capacities. Or if the “generativists” presupposed that all general aspects of language structures can be explained by innate grammatical knowledge, and that functional-adaptive forces play no role in language structures.

But these are extreme caricatures, and in reality, most functionalists do accept that we are quite far away from explaining everything in functional-adaptive terms (and many of them also use complex formalisms). In addition, all generativists do accept that some structural properties of languages are functionally motivated (and many of them even think that very little is innate [Chomsky 2005]). Thus, in each domain, it is an empirical question what the best explanation is, innate knowledge or functional-adaptive forces.

In fact, we find very similar complementarities in biology and linguistics. In biology, some properties of organisms are explained by the makeup of DNA (its discovery was a major breakthrough), but this has not made evolutionary-

² These abbreviations were introduced in [Haspelmath 2021b].

adaptive explanations superfluous: Organisms are constrained both by DNA and by evolutionary adaptation.

In linguistics, some properties of languages may well be explained by innate knowledge (UG), but this would not make evolutionary-adaptive explanations superfluous. Quite probably, languages are constrained both by UG and by functional adaptation. We will only find out if we consider both explanations simultaneously.

6. Competing claims: Differential object marking again

I said earlier that there should be no competing ideologies or “camps” (because we are all scientists), but there can of course be competing claims (= competing hypotheses).

For example, there are (at least) two competing possibilities for explaining the general trends of differential object marking patterns, like those in (9)–(11).

(9) Sakha

a. *Masha salamaat-y sie-te.*

Masha porridge-ACC eat-PST.3SG

‘Masha ate the porridge.’

b. *Masha salamaat sie-te.*

Masha porridge eat-PST.3SG

‘Masha ate porridge.’ [Baker 2015: 125]

(10) Mandarin Chinese

a. 我把饺子吃了。

Wǒ bǎ jiǎozi chī-le.

I ACC dumpling eat-PFV

‘I ate the dumplings.’

b. 我吃饺子了

Wǒ chī-le jiǎozi.

I eat-PFV dumpling

‘I ate dumplings.’

(11) Spanish

a. *Vi a la niña.*

I.saw ACC the girl

‘I saw the girl.’

b. *Vi la casa.*

I.saw the house

‘I saw the house.’

A functional-adaptive hypothesis says that object marking occurs when it is most needed, namely with definite and/or animate nominals (which are less likely to be on object position).³ A biocognitive explanation (Baker’s “dependent case” theory mentioned above) says that accusative case is assigned when the object NP is “close enough” (in a specific way) to the subject NP. Thus, in Sakha and Chinese, the object moves out of the VP and hence gets “closer” to the subject NP, so that it can be assigned case.

The functional-adaptive explanation actually has a much wider scope and allows us to understand the universal finding in (12), see [Haspelmath 2021a].

(12) Differential object marking universal

If a language has an asymmetric split in object marking depending on some prominence scale, then the special marker occurs on the referentially prominent P-argument.

This applies to six different prominence scales (animate > inanimate, definite > indefinite, 1st/2nd > 3rd, and so on), and it is based on the general observation that in language use, referentially prominent arguments tend to be agents, while nonprominent arguments tend to be patients.

The biocognitive (generative) explanation [Baker 2015] also has wider scope because it allows us to understand why definite nominals show differential accusative case when they occur in a different position from indefinite nominal, cf. Sakha in (6)–(7) above, and Chinese in (10). However, there are several ways in which this theory is more limited: (i) Baker [2015] does not extend his explanation to Chinese — he wants to limit it to “case marking”, not to all kinds of markers that flag nominals (for reasons that are not clear to me). (ii) When the differential marking is conditioned by animacy (as in Spanish), Baker’s biocognitive explanation does not seem to make any prediction. (iii) Even when differential object marking is conditioned by definiteness, it may not be associated with a clear positional difference, as in Hebrew:

³ This explanation was formulated clearly by Bossong [1991], building on earlier work. For a more comprehensive account of argument coding splits, see Haspelmath [2021a].

(13) Hebrew

a. *David kara et ha-sefer.*

David read ACC the-book

‘David read the book.’

b. *David kara sefer.*

David read book

‘David read a book.’

I conclude that the evolutionary-functional explanation has much better empirical coverage than the biocognitive-generative explanation, and moreover, it appeals to highly general explanatory factors: efficiency of coding (“marking occurs where it is most needed”) is merely a special case of efficiency of action. I elaborate on this in [Haspelmath 2021c].

In general, functional-adaptive explanations typically seem superior to me, and I have often asked myself why linguists keep looking for biocognitive explanations of the generative type. After thinking about it for a long time, I would like to suggest an answer here: Because they do not always distinguish properly between structural and biocognitive linguistics. The problem is not that they reject functional-adaptive explanations for ideological reasons — the problem is that they do not distinguish clearly between structural explanations (p-linguistics) and general explanations (g-linguistics) of the biocognitive type. I elaborate on this in the next section.

7. The conflation of structural and biocognitive linguistics

To recapitulate in a simplified way: I have said above that (i) structural explanations explain speaker behaviour (“language description”); (ii) evolutionary explanations explain general trends (“why languages are the way they are”); and (iii) biocognitive explanations explain the differences between species (“why chimpanzees don’t talk”).

These differences seem fairly clear, but many linguists conflate structural and biocognitive explanations, assuming that structural explanations must make use of universal building blocks. For example, Aissen [2003: 439] says in her famous paper on differential object marking (emphasis added):

“Optimality Theory (OT) provides a way, I believe, to reconcile the underlying impulse of generative grammar to model syntax in a precise and rigorous fashion with a conception of differential object marking (DOM) which is based on prominence scales.

The purpose of the present paper is to develop an approach to this phenomenon within OT which is formal and at the same time expresses the functional-typological understanding of DOM.”

What does Aissen mean in this passage by (i) “modeling syntax” (ii) in a “precise and rigorous fashion” and (iii) with a “formal approach”? She focuses on providing a “formal framework” that is the same for all languages, i.e. the sort of notation that is often taught in syntax textbooks. But such a framework can be the same for all languages only if it is thought to be innate, and if it is innate, then it also provides an explanation for some of the limits on languages (this is the Principles & Parameters framework, e.g. [Roberts 1996; Baker 2001; Ledgeway, Roberts 2017]).

We can see this very clearly in Aissen’s Optimality Theory notation in Figure 6, which is highly technical but merely says that the accusative marker *et* (seen in (13) above) only occurs with definite objects, but not with objects that are merely specific or even nonspecific (this is indicated by the asterisk in the third column).

ROLE: PATIENT DEF: SPECIFIC, INDEFINITE	*OJ/DEF & *∅ _C	*STRUC _C	*OJ/SPEC & *∅ _C	*OJ/SPEC & *∅ _C
GF: OJ DEF: SPECIFIC, INDEFINITE CASE: ACC		*!		
☞ GF: OJ DEF: SPECIFIC, INDEFINITE CASE:			*	

Figure 5. Aissen’s [2003] tableau for Hebrew

The notation consists of constraints, constraint rankings, candidates and constraint violations, and all the constraints and many of the constraint rankings are thought to be innate. This makes it possible to both describe all languages in the same framework, and to offer this framework as an explanation (because part of the constraint rankings are innate).

However, even though Aissen’s approach is typical of widespread practice in the generative community, there are very good reasons why one cannot (or should not) conflate structural frameworks and claims about innateness in this way. First, it is biologically implausible that rich descriptive frameworks should

be innate [Chomsky 2005; Berwick, Chomsky 2016]. Second, Aissen [2003] wants to “capture” the insights of efficiency explanations, but in her conflating approach, there is no link between economy/efficiency and the invariant constraint rankings⁴. Third, while different languages often show intriguing similarities, there are often many differences in detail, e.g. “definiteness” is subtly different in Sakha, Chinese and Hebrew. These differences need to be described anyway, and the coarse-grained general categories are not sufficient for this. We need fine-grained language-particular detail anyway, which makes the constraint tableaux redundant. And fourth, functional-evolutionary explanations often have a disparate range of effects; for example, efficiency of argument coding affects objects, subjects, recipients, patients, and a range of different prominence scales [Haspelmath 2021a]. These cannot possibly be captured by a single innate framework.

8. Concluding remarks

We all agree that linguists must describe (or “model”) the structures of languages in a “precise and rigorous fashion”. In this sense, we are all structuralists.⁵ And unless we concentrate on applied goals, we are all theoretical linguists [Haspelmath 2021b].

In addition, we all agree that formal methods of different kinds are often useful for linguistics. But due to a complicated sociological process, the term *formal* has become associated with Chomskyan generative linguistics.⁶ Finally, we all agree that (i) some aspects of language structures are due to efficiency, e.g. abbreviations such as “MPI” for “Max Planck Institute”, and (ii) human minds and chimpanzee minds differ in ways that give humans the capacity for language.

Thus, we really all agree that we need (i) structural explanations (formal models of syntax); (ii) evolutionary explanations (adaptive accounts of efficiency effects), and (iii) biocognitive explanations (explanations of species differences); and that these three must be mutually compatible. So is there a basis for an ideological difference between a functionalist and a generativist? I do not see such a basis, so I think that the difference primarily consists in scholarly traditions, as well as in methodological “hunches”. The functionalist’s

⁴ I discussed this briefly in §4.5 of [Haspelmath 2008].

⁵ See also blogpost: <https://dlc.hypotheses.org/2356>.

⁶ See also this blogpost: <https://dlc.hypotheses.org/1698>.

hunch is that the precise nature of the formal description is probably not very important for understanding grammar. The generativist's hunch is that considerations of functional efficiency are probably not very important for understanding grammar.

For differential object marking, I have argued that functional efficiency is very important, because it explains many cross-linguistic tendencies [Haspelmath 2021a]. But I do not have any particular "commitments" or "tenets" [Lakoff 1991]; I do not "subscribe to" any particular framework [Haspelmath 2010]; and I do not say that "linguistics is about languages" [Comrie 1978] rather than about universal cognition [Hornstein 2019]. Linguistics is about both of these, and about more.

Given that scholars are humans, and humans live in traditions, we will probably continue to work in such traditions and social communities. But we should not confuse our communities and methodological hunches with mutually incompatible ideologies.

Acknowledgements

This paper is based on a 2021 online presentation to the Center for Linguistic Sciences of Beijing Normal University, invited by Chia-Jung Pan. The original talk handout was published under <https://zenodo.org/record/4729585>, and the video of the talk is available on Bilibili (<https://www.bilibili.com/video/BV1LU4y177G6/>).

Abbreviations

3 — 3rd person; ACC — accusative; PFV — perfective; PST — past tense; SG — singular.

References

- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3). Pp. 435–483.
- Baker 2001 — Baker M.C. *The atoms of language*. New York: Basic Books, 2001.
- Baker 2015 — Baker M.C. *Case: Its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Berwick, Chomsky 2016 — Berwick R.C., Chomsky N. *Why only us: Language and evolution*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016.
- Bošković 2022 — Bošković Ž. 2022. Formalism and, not vs, functionalism. *Lingbuzz*. (<https://ling.auf.net/lingbuzz/006337>)

- Bossong 1991 — Bossong G. Differential object marking in Romance and beyond. In Kibbee, Douglas, Wanner, Dieter (eds.), *New analyses in Romance linguistics*, 1991. Pp. 143–170. Amsterdam: Benjamins.
https://www.rose.uzh.ch/dam/jcr:ffffff-c23e-37d9-0000-00006e1a9200/Bossong_80.pdf
- Chomsky, Lasnik 1993 — Chomsky N., Lasnik H. The theory of Principles and Parameters. Jacobs J., von Stechow A., Sternefeld W, Vennemann T. (eds.). *Syntax*, vol. 1, Berlin: Walter de Gruyter, 1993. Pp. 506–569.
- Chomsky, Halle 1968 — Chomsky N., Halle M. *The sound pattern of English*. New York: Harper & Row, 1968.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. 's-Gravenhage: Mouton, 1957.
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
- Chomsky 2005 — Chomsky N. Three factors in language design. *Linguistic Inquiry*. 2005. 36(1). Pp. 1–22. (doi:10.1162/0024389052993655)
- Comrie 1978 — Comrie B. Linguistics is about languages. *Studies in the Linguistic Sciences*. 1978. 8(2). Pp. 221–236.
- Fitch 2016 — Fitch W.T. 2016. Reinventing linguistics — again (Review article of “What kind of creatures are we?”, by Noam Chomsky). *Inference: International Review of Science*. 2016. 2(3). (<https://inference-review.com/article/reinventing-linguistics-again>)
- Givón 2010 — Givón T. 2010. The adaptive approach to grammar. Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford handbook of linguistic analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 27–49.
- Goldberg 2003 — Goldberg A.E. Constructions: A new theoretical approach to language. *Trends in Cognitive Sciences*. 2003. 7(5). Pp. 219–224.
- Gordon 2016 — Gordon M.K. *Phonological typology*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Haider 2010 — Haider H. *The syntax of German*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Harris 1951 — Harris Z.S. *Methods in structural linguistics*. Chicago: University of Chicago Press, 1951.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*. 2008. 19(1). Pp. 1–33.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. 2010. Framework-free grammatical theory. Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*, Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 341–365.
- Haspelmath 2018 — Haspelmath M. Review of “Baker, Mark. 2015. *Case*.” *Studies in Language*. 2018. 42(2). Pp. 474–486. (doi:<https://doi.org/10.1075/sl.16059.has>)
- Haspelmath 2021a — Haspelmath M. Role-reference associations and the explanation of argument coding splits. *Linguistics*. 2021. 59(1). Pp. 123–174. (doi:10.1515/ling-2020-0252)
- Haspelmath 2021b — Haspelmath M. General linguistics must be based on universals (or non-conventional aspects of language). *Theoretical Linguistics*. 2021. 47(1/2). Pp. 1–31. doi: 10.1515/tl-2021-2002.
- Haspelmath 2021c — Haspelmath M. Explaining grammatical coding asymmetries: Form-frequency correspondences and predictability. *Journal of Linguistics*. 2021. 57(3). Pp. 605–633. (doi:10.1017/S0022226720000535)
- Holmberg 2017 — Holmberg A. Universal grammar. Ledgeway A., Roberts I.G. (eds.). *The Cambridge handbook of historical syntax*, Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 275–300.
- Hornstein 2019 — Hornstein N. The stupendous success of the Minimalist Program. Kertész A., Moravcsik E., Rákosi C. (eds.). *Current approaches to syntax: A comparative handbook*. Berlin: De Gruyter, 2019.

- Lakoff 1991 — Lakoff G. Cognitive versus generative linguistics: How commitments influence results. *Language and Communication*. 1991. 11(1/2). Pp. 53–62.
- Ledgeway, Roberts 2017 — Ledgeway A., Roberts I. Principles and Parameters. Ledgeway A., Roberts I.G. (eds.). *The Cambridge handbook of historical syntax*, Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 581–628.
- Liljencrants, Lindblom 1972 — Liljencrants J., Lindblom B. Numerical simulation of vowel quality systems: The role of perceptual contrast. *Language*. 1972. 48(4). Pp. 839–862.
- Lyutikova 2017 — Lyutikova E.A. Differential argument marking in the formal theories of case. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. XIII, № 3, Pp. 11–40. [in Russian].
- Martinet 1955 — Martinet A. *Économie des changements phonétiques: traité de phonologie diachronique*. Berne: A. Francke, 1955.
- Matthews 2001 — Matthews P. *A short history of structural linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Newmeyer 1998 — Newmeyer F.J. *Language form and language function*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Roberts 1996 — Roberts I. *Comparative syntax*. London: Edward Arnold, 1996.
- Thomas 2020 — Thomas M. *Formalism and functionalism in linguistics: The engineer and the collector*. New York: Routledge, 2020.
- Trubetzkoy 1939 — Trubetzkoy N. *Grundzüge der Phonologie* (Travaux du Cercle Linguistique de Prague 7). Prague: Cercle Linguistique de Prague, 1939.
- Zimmerling, Lyutikova 2015 — Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: Verb second and verb movement. *Computational linguistics and intellectual technologies*. 2015. Issue 14 (21). Pp. 663–676.

Статья поступила в редакцию 11.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was received on 11.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Маргин Хаспельмат

Ph.D.; Институт эволюционной антропологии Макса Планка / Лейпцигский университет

Martin Haspelmath

Ph.D.; Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Leipzig University

martin_haspelmath@eva.mpg.de

Типология морфосинтаксических параметров
том 7, выпуск 2

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 28.12.2024.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 152 стр.